

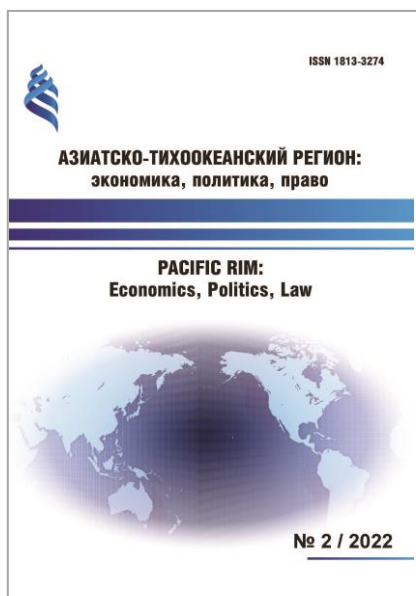
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Научный журнал

Учредитель и издатель:

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

- Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- Подписной индекс 83612
- Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.
- Журнал индексируется в базах данных РИНЦ, «Киберленинка», Google Scholar, Publons, Ulrich

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 10

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
кампус ДВФУ, корп. А(24), к. А920–923
Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2494)

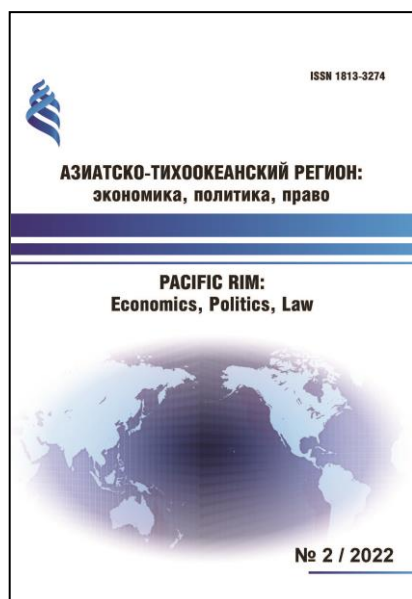
Подписано в печать 28.08.2022.
Тираж 500 экз. Заказ 228.
Дата выхода в свет 14.09.2022.
Цена свободная.

Редактор *Т. Л. Федотова*
Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*
Редактор References *Т. В. Поликарпова*
Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

- The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. FS 77-65746 dated 20.05.2016
- Index 83612
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index, Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich

Printed in a typography
Far East Publishing House
Federal University
690091, Vladivostok,
st. Pushkinskaya, 10

Signed for publication 28.08.2022.
The circulation is 500 copies. Order 228.
Release date 14.09.2022.
The price is free.

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A (24), office A920–923
Phone: +7 (423) 265-24-24 (*2494)

Editor *T. L. Fedotova*

Translation into English by *N.V. Betancourt*

References editor *T. V. Polikarpova*

Computer layout *S. A. Prudkoglyad*

Председатель редакционного совета журнала

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич   судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

КОРОБЕЕВ Александр Иванович   заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

ГАВРИЛОВ Вячеслав Вячеславович   доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

КУЗНЕЦОВА Наталия Викторовна   профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

МАМЫЧЕВ Алексей Юрьевич   профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

КОРОЧЕНЦЕВ Владимир Владимирович   заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ**
Пётр
Яковлевич академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН**
Виктор
Григорьевич советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ**
Дэвид директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- ВОЛЫНЧУК**
Андрей
Борисович ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КАПУСТИН**
Анатолий
Яковлевич научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ**
Алексей
Сергеевич проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доцент, Москва, Россия
- КУРИЛОВ**
Владимир
Иванович член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ**
Ик Хён вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
- ПАК**
Ноенг профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
- ПАНОВА**
Инна
Викторовна профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
- РОГОВ**
Игорь
Иванович заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
<i>Редакционная коллегия журнала</i>	
АРАНОВСКИЙ Константин Викторович	судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор кафедры современного банковского дела Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Владивосток, Россия
ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич	профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russia

Alexey S. Koshel	Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Associate Professor, Moscow, Russia
Vladimir I. Kurilov	Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
Ik Hyeon Rhee	Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
Park Nohyoung	Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center fo International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
Inna V. Panova	Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
Igor I. Rogov	Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, the Republic of Kazakhstan
Sergey V. Sevastyanov	Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
Olga A. Tretyak	Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
Fu Kuen-chen	Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
Huang Daoxiu	Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

- Konstantin V. Aranovsky** Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia
- Evgeny P. Zharikov** Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала	11
ЭКОНОМИКА	
<i>Шпак П. С.</i> Аналитический прогноз последствий санкций 2022 г. для российской экономики	15
<i>Намжилова В. О.</i> Внутренняя Монголия КНР: динамика развития и ориентиры 14-й пятилетки (2021–2025 гг.)	24
<i>Кравченко А. Г.</i> К проблеме разработки концепции безопасности цифровой экономики России	36
ПОЛИТИКА	
<i>Пань Лин.</i> Стратегический выбор китайско-российских отношений: партнёрство или альянс?	46
<i>Нгуен Дык Кыонг, Ты Тхи Тхоа.</i> Открытые данные и демократия в преобразовании цифрового правительства во Вьетнаме	58
<i>Хуан Сочжу.</i> Отношения Китая и Южной Кореи: роль американского фактора	73
ПРАВО	
<i>Жмуров Д. В.</i> Кибервиктимология вымогательств в цифровом пространстве	85
<i>Антонова Е. Ю., Манцуров А. Ю.</i> Понятие и признаки организованной преступности по законодательству Китайской Народной Республики	99
<i>Процевский В. А., Горлов Е. В., Запорожец С. А.</i> Правовые предписания, с помощью которых достигается необходимое поведение субъектов трудовых правоотношений	111
<i>Чучаев А. И., Коробеев А. И.</i> Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики. Ч. 1	119
<i>Гайнутдинов А. К.</i> Понятие и сущность обеспечения исполнения контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд	134

Contents

To the Readers	11
ECONOMICS	
<i>Shpak P. S.</i> Analytical forecast of the consequences of 2022 sanctions for the Russian economy	15
<i>Namzhilova V. O.</i> Inner Mongolia of the PRC: dynamics of socio-economic development and landmarks for the 14th five-year plan (2021–2025)	24
<i>Kravchenko A. G.</i> To the problem of developing the concept of safety of the digital economy of Russia	36
POLITICS	
<i>Pan Ling.</i> Strategic choice of China-Russian relations: partnership or alliance?	46
<i>Tu Thi Thoa, Nguyen Duc Cuong.</i> Open data and democracy in digital government transformation in Vietnam	58
<i>Huang Suozhu.</i> Relations between China and South Korea: the role of the American factor .	73
LAW	
<i>Zhmurov D. V.</i> Cyber-victimology of extortion in the digital space	85
<i>Antonova E. Yu., Mantsurov A. Yu.</i> The concept and features of organized crime under the laws of the People's Republic of China	99
<i>Protsevskiy V. A., Horlov Ye. V., Zaporozhets S. A.</i> Legal regulations by means of which the necessary behavior of subjects of labor relations is achieved	111
<i>Chuchaev A. I., Korobeev A. I.</i> The Criminal Code of China: fusion of legal thought and national specificity	119
<i>Gainutdinov A. K.</i> Concept and essence of contract enforcement in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs	134
.	
.	

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 25 декабря 2020 года журнал включён в Перечень ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

08.00.01 – Экономическая теория.

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности).

08.00.14 – Мировая экономика.

Юридические науки:

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

12.00.10 – Международное право; Европейское право.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Политические науки:

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 20 страниц текста, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021), которые должны включать:

- УДК;
- название статьи – на русском и английском языках;
- Ф.И.О. автора (полностью), место и адрес (город и страна) его работы, учёбы – на русском и английском языках;
- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID и (или) Researcher ID;
- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2022
- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (10–15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;
- основной текст статьи – на русском языке (текст желательно структурировать);
- список источников (на рус. яз.), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) с обязательным указанием общего количества страниц в печатном источнике;
- полные сведения об авторе (после References): учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно.

Подписи к иллюстративному материалу необходимо приводить на русском и английском языках.

Ссылки оформляют как внутритекстовые, помещают их в квадратных скобках, например: [5] или [5, с. 18].

Авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14.

Пример оформления статьи приведён на сайте журнала в рубрике «Правила оформления статьи» (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: journals.dvfu.ru/ATR

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2494).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of December 25, 2020 the Journal was included into the list of journals indexed by the Higher Attestation Commission (VAK) on the following academic fields:

Economic science:

08.00.01 – Economic Theory.

08.00.05 – Economics and management of the national economy (by industry and areas of activity).

08.00.14 – Global Economics.

Science of Law:

12.00.02 – Constitutional law; constitutional litigation; municipal law.

12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law.

12.00.05 – Labor law; social security law.

12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal and penal law.

12.00.10 – International law; European Law.

12.00.12 – Forensics; forensic expertise; criminal intelligence.

Political Science:

23.00.02 – Political institutions, processes and technologies.

23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

To publish an article in the journal, it is necessary to send materials, according to the specified heading, no more than 20 pages of text, designed according to the model of the journal, which should include:

- UDC;
- title of the article – in English and Russian;
- full name of the author, place and address (city and country) of his work or study – in English and Russian;
- the author's email address (without the word e-mail), ORCID and (or) Researcher ID;
- copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2022;
- abstract (200–250 words), keywords (10–15 words or word combinations) – in English and Russian;
- main text of the article (it is desirable to structure the text);
- References (BSI transliteration) with the obligatory indication of the total number of pages in the printed source;
- full information about the author (after References): academic degree and academic title, position, place of work (institution, city, country) – in English and Russian, respectively.

Links should be placed in square brackets, for example: [5] or [5, p. 18].

The author's original must be sent in electronic form, Times New Roman font, size 14.

A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric “The article design rules” (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax Bay, building D, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUS-SIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: journals.dvfu.ru/ATR

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2494).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 15–23.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 15–23.

ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 336.01

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/15-23>

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ ПОСЛЕДСТВИЙ САНКЦИЙ 2022 г. ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ*

Полина Степановна Шпак

Балтийский государственный технический университет «Военмех»

им. Д. Ф. Устинова, 190005, Россия г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 1,
shpakpolina03@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5770-5402>

Аннотация. В силу образовавшейся геополитической и рыночной обстановки в феврале и марте текущего года экономическая ситуация в стране подверглась масштабному удару, результаты которого достаточно проблематично спрогнозировать. Возникает отток внешнего капитала, происходит временная остановка производства продукции иностранными организациями на территории Российской Федерации (РФ), а также оказывается значительное давление со стороны Евросоюза, Соединенных Штатов Америки на экспорт и импорт в отношении РФ. Такие события способствовали моментальному эффекту изменчивости рубля. В данной работе автором была предпринята попытка стратегического прогноза основных макроэкономических показателей в разрезе российской рыночной ситуации и предложены рекомендации мероприятий по обеспечению уменьшения отрицательного влияния возможных последствий от экономических санкций, направленных на дестабилизацию экономики РФ.

Ключевые слова: санкции, дефолт, девальвация рубля, инфляция, экономический кризис, прогноз, внешний капитал, стратегия, геополитическая и рыночная обстановка, индекс потребительских цен, валовой внутренний продукт, статистика.

Для цитирования: Шпак П. С. Аналитический прогноз последствий санкций 2022 г. для российской экономики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 15–23. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/15-23>

---

* © Шпак П. С., 2022

Original article

ANALYTICAL FORECAST OF THE CONSEQUENCES OF 2022 SANCTIONS FOR THE RUSSIAN ECONOMY

Polina S. Shpak

Baltic State Technical University "Voenmekh" named after D. F. Ustinov, 190005, Russia, St. Petersburg, st. 1st Krasnoarmeyskaya, shpakpolina03@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5770-5402>

Abstract. Due to the geopolitical and market situation that emerged in February and March of this year, the economic situation in the country suffered a large-scale blow, the results of which are quite challenging to predict. There is an outflow of external capital, a temporary stop in production by foreign organizations, and there is also significant pressure from the European Union, the United States of America on exports and imports in the Russian Federation. Such events contributed to the immediate ruble's volatility. In this paper the author makes a strategic forecast of the main macroeconomic indicators in the context of the Russian market situation and suggests measures to reduce the negative impact of possible consequences from economic sanctions aimed at destabilizing the Russian economy.

Keywords: sanctions, default, ruble devaluation, inflation, economic crisis, forecast, external capital, strategy, geopolitical and market situation, consumer price index, gross domestic product, statistics, strategy, geopolitical and market situation, consumer price index, gross domestic product, statistics.

For citation: Shpak P. S. Analytical forecast of the consequences of 2022 sanctions for the Russian economy // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 15–23. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/15-23>

Конец февраля и март текущего 2022 г. преподнесли российскому бизнесу (кроме официальных лимитов от иностранных и местных властей) внезапные последствия геополитического кризиса. Иностранные партнёры останавливают поставки продукции из России, а многие страны остановили поставки нефти. Помимо прочего, сложившаяся экономическая ситуация может привести к затяжной высокой инфляции. В том случае, когда рубль в течение долгого периода задержится на удвоенном падении, через некоторое время цены сравняются с падением в установленном объёме [1].

В 2019 г. РФ была на восьмом месте в мире по показателю инфляции [2], в то время как опрос Центрального Банка РФ (ЦБ РФ) в марте 2022 г. показал, что прогнозное значение этого показателя повышено на 14,5 процентных пункта – до 20,0%; на 2023 г. – на 4,0 процентных пункта – до 8,0%; на 2024 г. – на 8,0 процентных пункта – до 4,8% [3].

Показатели инфляции оказывают огромное влияние на основные экономические решения, принимаемые всеми хозяйствующими субъектами на микро- и макроуровнях. В целях установления уровня инфляции, как правило, применяют индекс потребительских цен (ИПЦ), а также индекс цен производителей [4]. Проанализировав эти показатели, можно прийти к выводам о положении инвестиционной активности в разных странах. Рис. 1 иллюстрирует ИПЦ в прогнозируемом значении в период с 2016 г. по 2024 г.

Рис. 1. Статистические и прогнозные данные ИПЦ в период с 2016 г. по 2024 г. [3].

Как видно из данных рис. 1, более активный рост ИПЦ относительно предыдущих анализируемых годов был зафиксирован в 2021 г., и в 2022 г. он имеет своё наибольшее значение. Проведённый в марте опрос показал, что в прогнозе на 2022 г. указанный показатель увеличен на 14,5 п.п. (до 20 %), на 2023 г. – на 4,0 п.п. (до 8 %), на 2024 г. – на 0,8 п.п. (до 4,8 %) [3]. Нынешняя политическая ситуация, сказывающаяся на значении данного индекса, также даёт возможность сделать попытку прогноза. Уже можно говорить о принимаемых российским правительством мероприятиях поддержки потребительского сектора и, как следствие, некотором стабильном снижении ИПЦ в последующие 2-3 года.

Уменьшение финансовых потоков ЦБ РФ способно парализовать всю инвестиционную и инновационную деятельность предприятий промышленности ввиду невозможности производить расчёты и необходимости использовать займы.

Кроме того, девальвация рубля может сказаться на отсутствии некоторых товаров, например автомобилей. Многие автопроизводители были вынуждены отменить поставки автомобилей автодилерам в связи с нестабильностью рубля, а это, в свою очередь, приведёт к убыткам для организаций. Кроме падения курса рубля увеличение показателей инфляции подогревает возросший спрос на продукцию, в связи с неопределённой ситуацией, а также резким ограничением товароснабжения. Санкции, применяемые к банкам в России, можно считать умеренно жёсткими. Они не будут иметь мгновенное действие в силу того, что западные страны не полностью применили тот объём ограничений, который могли бы. Российская экономика может адаптироваться к введённым санкциям, хотя они и беспрецедентные.

Экономика РФ может приспособиться к подобным ограничениям, несмотря на их беспрецедентный характер. Слабый курс рубля, с одной стороны, способен дать производителям из России пути к конкурентной борьбе на мировой арене. С другой стороны, влияние уже введённых санкций на экономику очевидно не в полной мере, при этом новые санкции можно только прогнозировать. Без учёта применённых и прогнозируемых ограничений на экспорт из РФ ослабление рубля может выступить стимулом для экономики. Подобные условия влияют на рост производства и валовой внутренней продукт (ВВП).

По прогнозным оценкам экспертов, санкции против РФ будут иметь влияние на показатель ВВП следующим образом: в 2022 г. возможно снижение ВВП на 8 %, взамен роста в 2021 г. на 2,4 %. «Центр развития» НИУ ВШЭ прогнозирует достижение инфляцией по итогам 2022 г. показателей в 20–30 %, а также сокращение ВВП на 8–19 % [5]. На 2023 г. прогноз аналитиков снижен на 1,1 п.п. (до 1 %), а на 2024 г. – на 0,5 п.п. (до 1,5 %), что наглядно продемонстрировано на рис. 2. Оценка долговременных темпов роста ВВП в 2024 г. уменьшена на 1,0 п.п. – до 1 %. Кроме прочего, в отчёте сообщается о значительных последствиях текущих событий для экономики, которые станут ощутимыми уже с III квартала текущего года по аналогичный период следующего – 2023 года.

Одним из основных показателей, оказавших влияние на российскую экономику, можно назвать резкое снижение значения рубля по отношению к доллару. На рынке валюты за 4-5 последних недель ощутимо снизились обороты, при том, что изменчивость возросла, тем самым на наиболее продолжительном этапе сессии средневзвешенный курс доллара по отношению к рублю станет вернее демонстрировать его реальное значение на рынке; это наглядно проиллюстрировано на рис. 3. Подобное положение дел снизит воздействие на официальный курс произвольных краткосрочных движений котировок. Помимо прочего, падение курса рубля является сильным ударом по покупательской способности всего населения. Следовательно, это затрагивает все секторы, связанные с активностью прямых потребителей, в том числе технологическое производство и инвестиционный климат.

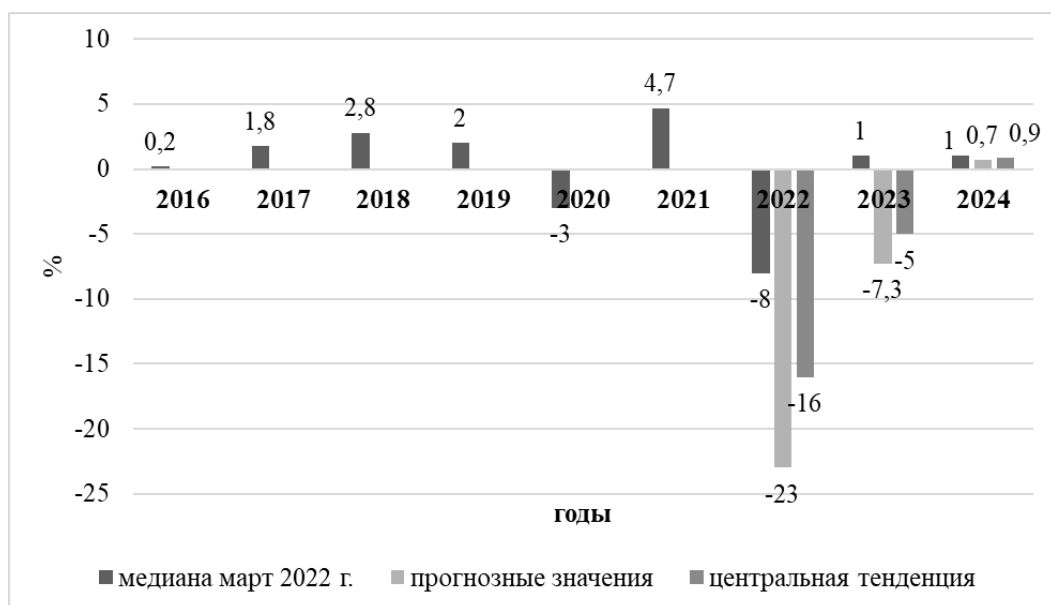

Рис. 2. Статистические и прогнозные данные ВВП в период с 2016 г. по 2024 г. [3].

Рис. 3. Статистические и прогнозные данные курса рубля к доллару в период с 2016 г. по 2024 г. [3].

В текущем году, по прогнозам аналитиков, курс будет держаться на уровне 110 руб. за доллар США, при этом в 2023 г. ожидается курс 118,4 руб. за доллар, а в 2024 г. – 120 руб. Привести к стабильности рубль в широком коридоре от 80 до

90 руб. за доллар США помогут валютные интервенции, в зависимости от нынешней экономико-политической обстановки. Существующие цены на нефть (100 долларов США за баррель) и непомерные цены на газ, скорее всего, позволят денежной единице РФ укрепляться по отношению к сегодняшним показателям, интервенции ЦБ РФ смогут покрыть значительный отток инвестиций.

По причине того, что в будущем спрос на активы в РФ представляется очень ограниченным, то влияние ЦБ РФ на показатели курса доллара США по отношению к рублю будет достаточно весомым. В продолжительной перспективе ЦБ РФ вполне возможно, что всё может вернуться к обычному поведению на рынке, но допустима вероятность активных продаж зарубежной валюты с целью стимулирования собственной. Следует отметить, что если ограничения против РФ будут ещё более жёсткими, то это станет неблагоприятно отражаться на экономике. В таком случае рубль начнёт слабеть по основательным причинам, а ЦБ РФ уже не сможет длительное время обеспечить стабильность национальной валюты на нынешних уровнях.

По последним данным, на неотложные меры поддержки экономики РФ из бюджета государства будет выделено более триллиона рублей. Проект плана правительства содержит данные, что из федерального бюджета планируется выделить на социальную поддержку порядка 496 миллиардов рублей, в том числе:

- на стимулирование рынка труда, транспорт – 275 млрд руб.;
- на ЖКХ – 99, 8 млрд руб. [1].

Правительством разрабатываются мероприятия по поддержке малого и среднего предпринимательства (МСП) в существующих ограничениях и неустойчивом курсе рубля. Прежде всего власти намерены уменьшить риск дефолта для некрупных организаций, ввиду затруднённой логистики и кредитной нагрузки, а после заняться стимулированием импортозамещения [6].

Рассматриваются и вопросы снижения ставок по льготным кредитам для субъектов МСП до 12,25 %, тогда как обычно ключевая ставка составляла +2,5 %. Возможно повышение лимитов на субсидирование выплат по поручительствам. Помимо вышеизложенных мер рассматривается и положение с налогообложением (от кредитных каникул до снижения существующих ставок и обнуления имеющихся выплат на несколько месяцев). Возможен рост числа субъектов МСП благодаря увеличению условий, снижены лимиты по эпидемиологической ситуации с COVID-19, процедура прекращения бизнеса стала проще [6].

Кроме того, создаются возможности для стабилизации рынка. Рассматривается возможность по повышению расходов на пособия по безработице, компенсационные выплаты по заработной плате тем, кто работает неполный рабочий день. Расходы на перечисленные мероприятия должны составить 160 млрд рублей.

Резюмируя, хотелось бы отметить существование огромного количества скрытых и видимых ограничений, непосредственно относящихся к воздействию эконо-

мических и политических санкций. Позитивная тенденция экономической ситуации в стране представляется достаточно сдержанной. Наиболее важной проблемой выступает присутствие значительных перебоев в поставках, в свою очередь, это ограничивает процесс восстановления многих производителей. При этом есть высокая долговая нагрузка на население, организации, государство, что, в свою очередь, уменьшает положительные перспективы на быстрый рост внутреннего рынка РФ, обширного инвестирования в хозяйственный потенциал субъектов страны. В свою очередь, необходимо отметить стремительный рост заработной платы в сфере информационных технологий. Этот факт влияет на возможности применения актуальных инноваций компаниями с целью увеличения эффективности бизнес-процессов с помощью цифровизации и автоматизации. Существует повышенный риск дефолта компаний в связи с нынешним курсом рубля. У государства сейчас достаточно ограниченный инструментарий, который можно направить на стимулирование роста экономики. Это связано с тем, что существенная его часть была направлена на борьбу с негативными последствиями пандемии коронавирусной инфекции. Как следствие, можно наблюдать серьёзную неопределённость относительно последующего развития и экономического роста России.

Приведённые в данном исследовании материалы позволяют сделать следующие прогнозные выводы:

- 1) ввиду снижения значения рубля на фоне доллара и евро ожидается падение доходов населения, рост безработицы;
- 2) идёт увеличение темпов инфляции, что ведёт за собой обесценивание вкладов, ценных бумаг, остатков средств на счетах;
- 3) происходит переориентация доли предпринимательства на работу преимущественно на внутреннем рынке;
- 4) можно отметить значительный рост цен на товары и услуги: как на импортные, так и на отечественные.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым определение мероприятий по обеспечению снижения негативного влияния последствий экономических санкций, введённых против России, а именно:

- 1) уточнение существующей законодательной и нормативной правовой базы управления в условиях кризиса, регламентирующей работу разных финансовых кластеров;
- 2) создание системы финансового регулирования с помощью денежно-кредитной политики, которая интенсифицирует возобновление инвестиционных процессов, уменьшение ключевой ставки, повышение эффективности операций на открытом рынке и нормативов обязательных резервов;
- 3) применение фискального регулирования, способствующего максимизированию эффекта ранжирования и использования средств бюджета;

4) обеспечение реального сектора экономики путём применения кредитных блоков с субсидированием процентных ставок, обеспечение государственных гарантий, создание благоприятных условий для выпуска облигаций и акций;

5) модернизация государственных организационных механизмов управления;

6) уменьшение уровня напряжённости на рынке труда;

7) обеспечение социальных гарантий для населения;

8) поддержание на соответствующем уровне спроса на производимые товары в самых уязвимых в сложившихся кризисных условиях отраслях, повышение количества госзакупок, увеличение заработной платы сотрудников бюджетной сферы, помимо прочего, увеличение социальных выплат и пенсий.

Таким образом, в процессе выполненного исследования:

1) проанализированы статистические и прогнозные данные ИПЦ;

2) проанализированы статистические и прогнозные данные ВВП;

3) приведены аналитические выкладки относительно текущих и прогнозных значений показателя инфляции, состояния рубля в отношении к доллару;

4) выделены центральные меры правительства по поддержке граждан и МСП;

5) группированы основные аспекты, требующие незамедлительного решения для стабилизации российской экономики;

6) сформированы методические рекомендации по обеспечению снижения негативного влияния последствий экономических санкций.

Основные результаты выполненного исследования могут быть полезны при ретроспективном анализе рассматриваемых показателей, а также при стратегическом планировании антикризисных мероприятий.

Список источников

1. Ермакова С. Оценены последствия западных санкций для экономики России. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/11/consequencess/>.

2. Макарова М. В., Губеладзе Д. В. Влияние инфляции издержек на инвестиционную активность хозяйствующих субъектов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-inflyatsii-izderzhek-na-investitsionnyu-aktivnost-hozyaystvuyuschih-subektov/viewer>.

3. Макроэкономический опрос Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/.

4. Байгузина Л. З. Восстановление финансовой системы после кризиса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovlenie-finansovoy-sistemy-posle-krizisa>.

5. Букина В. Эксперты спрогнозировали будущее экономики России. Новостной сегмент «Рамблер. Финансы». URL: <https://finance.rambler.ru/economics/48282859-eksperty-sprognozirovali-budushee-ekonomiki-rossii/>.

6. «Большая экономика» [Telegram канал]. URL: <https://t.me/bolecon/2026>.

References

1. Ermakova S. The consequences of Western sanctions for the Russian economy are assessed. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/11/consequencess/>. (In Russ.).
2. Makarova M. V., Gubeladze D. V. Influence of cost inflation on the investment activity of business entities. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-inflyatsii-izderzhek-na-investitsionnyu-aktivnost-hozyaystvuyuschih-subektov/viewer>. (In Russ.).
3. Macroeconomic survey of the Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/.
4. Bayguzina L. Z. Restoration of the financial system after the crisis. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovlenie-finansovoy-systemy-post-krizisa>. (In Russ.).
5. Bukina V. Experts predicted the future of the Russian economy. News segment "Rambler. Finance". URL: <https://finance.rambler.ru/economics/48282859-eksperty-sprognozirovali-budushee-ekonomiki-rossii/>.(In Russ.).
6. "Sick economy". Telegram channel. URL: <https://t.me/bolecon/2026>. (In Russ.).

Информация об авторе

П. С. Шпак – старший преподаватель, кандидат экономических наук, Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

P. S. Shpak – Senior Lecturer, Candidate of Sciences in Economics, FGBOU VO Baltic State Technical University "Voenmekh" named after D. F. Ustinov, St. Petersburg, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 24–35.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 24–35.

Научная статья

УДК 339.5

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/24-35>

ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ КНР: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И ОРИЕНТИРЫ 14-Й ПЯТИЛЕТКИ (2021–2025 гг.)*

Виктория Очировна Намжилова

Бурятский научный центр СО РАН, 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой,
д. 8, dayavika@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены итоги социально-экономического развития Автономного района Внутренняя Монголия в 2016–2020 гг. Динамика экономических показателей свидетельствует об исчерпании эффекта низкой базы, тем не менее, в принятом 14-м пятилетнем плане на 2021–2025 гг. региональные власти закладывают оптимистичные целевые показатели. Показано, что основные ориентиры АРВМ в предстоящей пятилетке тесно увязаны с национальными задачами. В условиях нестабильной международной экономической и эпидемиологической ситуации Китай внедряет модель «двойной циркуляции» экономики и делает акцент на повышении качества экономического роста: во главу угла ставятся рост благосостояния населения, поощрение инноваций, ставка на развитие чистых источников энергии. Национальная энергетическая повестка напрямую влияет на ключевую отрасль экономики АРВМ: заявленные Китаем задачи по достижению углеродной нейтральности диктуют необходимость серьезно совершенствовать традиционные технологии энергетического производства и осваивать альтернативные способы выработки энергии.

Ключевые слова: Автономный район Внутренняя Монголия, социально-экономическое развитие, 14-й пятилетний план, «двойная циркуляция», благосостояние населения, экологическое зонирование, углеродная нейтральность, диверсификация использования угля, водородная энергетика.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках государственного задания № 121030500092-7 (проект «Разработка методологии обоснования направлений стратегического развития депрессивного региона в условиях эколого-экономических ограничений»).

---

* © Намжилова В. О., 2022

Для цитирования: Намжилова В. О. Внутренняя Монголия КНР: динамика социально-экономического развития и ориентиры 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 24–35. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/24-35>

Original article

INNER MONGOLIA OF THE PRC: DYNAMICS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AND LANDMARKS FOR THE 14TH FIVE-YEAR PLAN (2021–2025)

Victoria O. Namzhilova

Buryat Scientific Centre of SB RAS, 670047, Russia, Ulan-Ude, st. Sakhyanova, 8, dayavika@yandex.ru

Abstract. The article considers the results of socio-economic development of Inner Mongolia Autonomous Region in 2016–2020. The dynamics of economic indicators reveals the exhaustion of the effect of a low base; nevertheless, the regional authorities lay down optimistic targets in the adopted 14th five-year plan for 2021–2025. It is shown that the main landmarks of the IMAR economic development in the upcoming five-year plan are closely linked to national objectives. In an unstable international economic and epidemiological situation, China has unveiled a “dual circulation” strategy and focuses on improving the quality of economic growth: the focus is on the population welfare, innovations, and clean energy sources. The national energy agenda directly affects the key sector of the IMAR economy: China's stated objectives to achieve carbon neutrality dictate the need to seriously upgrade traditional technologies of energy production and to develop alternative energy sources.

Keywords: Inner Mongolia Autonomous Region, economic development, 14th five-year plan, population welfare, ecological zoning, “dual circulation”, carbon neutrality, coal energy sector.

Financing: The article was prepared within the state task №121030500092-7 (project "Development of a methodology to substantiate the directions of strategic development of a depressed region in terms of environmental and economic constraints").

For citation: Namzhilova V. O. Inner Mongolia of the PRC: dynamics of socio-economic development and landmarks for the 14th five-year plan (2021–2025) // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 24–35. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/24-35>

В 2021 г. начинается реализация 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития Китая. Условия, в которых он принимался, представляются исключительными: в первую очередь, это разрастание глобальной пандемии и, как следствие, рост неопределённости в мире. Во-вторых, страна впервые находится в открытом технологическом и экономическом противостоянии с Западом. Эти обстоятельства диктуют Китаю необходимость изыскивать пути развития в условиях нестабильной международной экономической и эпидемиологической ситуации. Кроме того, предстоящая пятилетка будет первой после достижения «сто-летней цели» – к 2020 г. Китай добился построения «среднезажиточного общества». Для дальнейшего формирования сильного внутреннего рынка предлагается модель «двойной циркуляции» экономики: внешняя циркуляция подразумевает ориентацию на международный рынок, а внутренняя – опирается на стимулирование внутреннего потребления. Акцент будет сделан на повышении качества экономического роста и устойчивости страны перед внешними шоками: во главу угла ставятся рост благосостояния населения, поощрение инноваций, ставка на развитие чистых источников энергии. Как эти приоритеты представлены в приграничном регионе – Автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ) – рассмотрим после обзора итогов прошедшей пятилетки.

Итоги 13-й пятилетки для АРВМ

Итоги социально-экономического развития АРВМ в 13-й пятилетке (2016–2020 гг.) неоднозначны. С одной стороны, основные поставленные задачи выполнены, развитие экономики шло поступательно, достигнуты определённые успехи в построении среднезажиточного общества. Среднегодовые темпы прироста региональной экономики составили 4,5%, по показателю ВРП на душу населения (более 10 тыс. долл.) регион занимает десятое место в Китае. За годы прошедшей пятилетки укрепилась роль АРВМ как базы энергетических и стратегически важных ресурсов – первое место по добыче и поставкам угля, выработке и переброске электроэнергии. Доля возобновляемых источников энергии в совокупной установленной мощности энергоустановок выросла до 36,1 %, повысился коэффициент конверсии редкоземельных металлов до 75 %. При этом активно развиваются производство и переработка сельскохозяйственной продукции. В целом, рост промышленного производства и аграрного сектора АРВМ способствовал повышению уровня жизни и социального благополучия всего населения региона.

Однако на фоне других китайских регионов экономика АРВМ демонстрирует вялую динамику. В годы 13-й пятилетки, впервые в новом столетии, произошла смена траектории, когда темпы роста экономики АРВМ стали ниже среднекитайского уровня (рис. 1). Более того, по итогам коронакризисного 2020 г. АРВМ находится на предпоследнем месте в рейтинге китайских регионов по темпам прироста

ВРП (+0,2 %). Таким образом, можно сделать ключевой вывод, что в период 13-й пятилетки наглядно проявилось исчерпание эффекта низкой базы [1]. По размеру экономики АРВМ спустился с 20 места в 2016 г. на 22-е место в 2020 г.

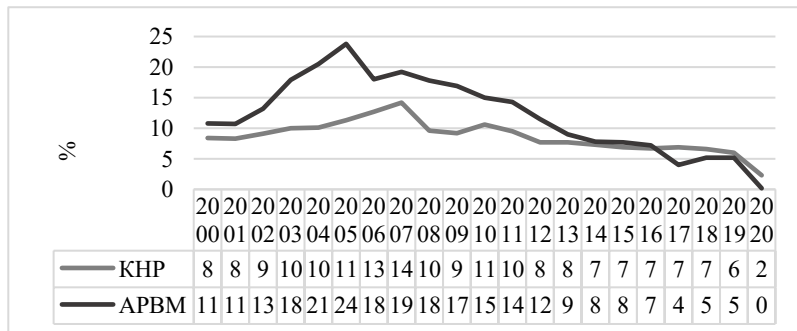

Рис. 1. Динамика темпов прироста ВРП АРВМ и ВВП Китая, %, 2000–2020 гг.

Источник: сайт Государственного статистического управления КНР. – URL: <http://data.stats.gov.cn/>

Как известно, 13-я пятилетка стала решающим периодом для КНР в построении среднезажиточного общества. Регионам удалось достичь исторических успехов в повышении уровня жизни населения и полной ликвидации нищеты в стране. По отчёту властей АРВМ за последние пять лет из бедности было выведено 802 тыс. человек. Власти сфокусировались прежде всего на борьбе с бедностью в деревнях, где крайняя нищета встречается гораздо чаще, чем в городах. Меры поддержки включали адресную помощь бедным семьям, различные образовательные программы, инвестиции в инфраструктуру и улучшение медицинского обслуживания.

14-й пятилетний план: приоритеты развития и показатели

7 февраля 2021 г. Народное правительство АРВМ выпустило уведомление об опубликовании «14-го пятилетнего плана экономического и социального развития АРВМ и долгосрочных целей развития до 2035 г.» [2]. Положения данного документа, ранее одобренного на четвертой сессии регионального собрания народных представителей 13-го созыва, содержат ключевые показатели социально-экономического развития АРВМ на ближайшие пять лет и дорожную карту для их достижения. Как и план общенационального уровня, пятилетний план АРВМ довольно сжат: в нём мало цифр, отсутствует множество целевых показателей, ранее широко обнародовавшихся. Эксперты связывают это с осторожностью властей в условиях возросшей неопределённости и, в целом, со сменой подходов к долгосрочному

планированию [3]. Так Пекин делает акцент на качественном экономическом развитии во избежание гонки регионов за показателями «любой ценой» (раздутые инфраструктурные проекты, дублирование производства и пр.). В отличие от национального плана, где показатели экономического роста оставлены без конкретных цифр с формулировкой «рост в допустимых рамках» и с возможностью устанавливать годовые показатели с учётом фактических обстоятельств, в плане АРВМ указан показатель среднегодового роста ВРП примерно на 5% (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели СЭР АРВМ на период 14-й пятилетки (2021–2025 гг.)

Категория	Показатель	2020	2025	Средне-годовой / совокупный рост	Атрибут
Экономический рост	Рост ВРП (%)	0,2	-	~5	Ожидаемый
	Рост производительности труда (%)	-0,5	-	~5 (> роста ВВП)	Ожидаемый
	Степень урбанизации (%)	64,1	66 (65)	-	Ожидаемый
Инновации	Рост расходов на НИОКР (%)	2,2	-	12 (>7)	Ожидаемый
	Число патентов на высокотехнологичные изобретения на 10 000 человек населения	0,93 (6,3)	1,8 (12)	-	Ожидаемый
	Доля добавленной стоимости основных отраслей цифровой экономики от ВРП (%)	2 (7,8)	~2,5 (10)	-	Ожидаемый
Благополучие	Рост располагаемых доходов на душу населения (%)	3	-	~5	Ожидаемый
	Уровень безработицы среди городского населения (%)	6,3	-	~6 (<5,5)	Ожидаемый
	Среднее число лет образования, полученного лицами трудоспособного возраста (%)	10,4	11 (11,3)	-	Обязательный
	Число сертифицированных врачей на 1000 человек (%)	3,18	3,6 (3,2)	-	Ожидаемый

Окончание табл. 1

	Число сертифицированных врачей на 1000 человек (%)	3,18	3,6 (3,2)	-	Ожидаемый
	Охват населения базовым пенсионным обеспечением (%)	82 (91)	>90 (95)	-	Ожидаемый
	Число мест в детских садах для детей до трех лет на 1000 человек	0,8	1,3 (4,5)	-	Ожидаемый
	Средняя продолжительность жизни	77	-	0,5	Ожидаемый
Экология	Снижение уровня потребления энергии на единицу ВРП (%)	-16	-	* (13,5)	Обязательный
	Снижения уровня выбросов CO ₂ на единицу ВРП (%)	-14	-	* (18)	Обязательный
	Доля дней с хорошим качеством воздуха в городах уровня префектуры и выше (%)	90,8 (87)	* (87,5)	-	Обязательный
	Доля поверхностных вод класса III и выше (%)	69,2	*	-	Обязательный
	Площадь лесного покрова (%)	23	23,5 (24,1)	-	Обязательный
Безопасность	Общий объем производства зерна (млн тонн)	36,64	-	*	Обязательный
	Общий объем производства энергии (сотен млн тонн угля эквивалента)	7,7	>8,2 (>46)	-	Обязательный

Примечание: * – аналогично национальным целевым показателям. В скобках () указаны значения для всего Китая.

Источник: сайт Народного Правительства Автономного района Внутренняя Монголия. URL: https://www.nmg.gov.cn/zwgk/zfxgk/zfxgkml/ghxx/202102/t20210210_887052.html

В Китае особое внимание уделяется поощрению инноваций со стратегической целью превращения в глобального лидера технологических разработок, что на фоне напряжённых отношений с США получает новое идейное наполнение. Поэтому в 14-м пятилетнем плане чётко дана постановка целей по укреплению стратегической научно-технической мощи страны и расширению возможностей предприятий в сфере технологических инноваций и усилению их доминирующих позиций. Для

того, чтобы снизить до минимума зависимость от иностранных технологий, ежегодный темп роста государственных и корпоративных расходов на НИОКР должен составлять не менее 7 %. АРВМ ставит более высокий показатель – рост расходов на уровне 12 % в год. При этом значительно скромными выглядят два другие показателя по сравнению с национальными: число патентов на высокотехнологичные изобретения в расчёте на определённое количество людей ниже в 7 раз, а удельный вес добавленной стоимости основных отраслей цифровой экономики в валовом продукте – в 4 раза. Это объясняется сложившейся отраслевой структурой экономики и ограниченными возможностями инновационных разработок, наиболее конкурентные из которых связаны с освоением редкоземельных металлов и энергетическими решениями.

В отличие от урезанных показателей экономического роста, блок показателей «благополучие населения» в новом пятилетнем плане расширен, что отражает концепцию развития, ориентированную на человека, и отвечает ожиданиям населения в отношении повышения уровня жизни [4]. Рост доходов населения в АРВМ планируется на уровне темпов роста ВРП. На 2020 г. по показателю среднедушевого располагаемого дохода (31 497 юаней) АРВМ занимает 10-е место среди китайских регионов, тем не менее, показатель остается ниже среднекитайского уровня (32 189 юаней). В целом среди планируемых государственных мер обеспечения общественного благополучия – дальнейшее развитие систем социального страхования, здравоохранения, образования.

Поскольку экологическая повестка в Китае сохраняет острую актуальность, более того – вынуждена учитывать строгие рамки глобального курса на декарбонизацию, показатели блока «экология» являются обязательными для выполнения. Региональные целевые показатели АРВМ по снижению уровня потребления энергии и углеродной эмиссии запланированы такими же, как в национальном плане. Новшеством стала разработка гибкой экологической политики, определяющей параметры природопользования с учётом особенностей расселения и пространственного размещения производства. В соответствии с ней территория АРВМ подвергается экологическому зонированию на три категории: 422 зоны приоритетной защиты (особо охраняемые природные территории, охраняемые зоны централизованных источников питьевой воды), 651 зоны ключевого контроля (промышленные зоны, города, месторождения – зоны с высоким вовлечением природных ресурсов и выбросами загрязняющих веществ) и 62 зоны общего контроля. Предполагается, что к 2035 г. качество экологической среды в автономном районе достигнет фундаментального улучшения, включая показатели качества воды, атмосферы и почвы [5].

В заключительном блоке «безопасность» привлекает внимание обязательный показатель общего объёма производства энергии – в АРВМ он запланирован на уровне 8,2 млн тонн условного топлива. При соотношении с национальным планом

мы видим, что доля региона в общей выработке энергии к концу 14-й пятилетки составит 17,8%. Это свидетельствует о том, что значимость Внутренней Монголии как энергетической базы Китая будет только повышаться. При этом перед АРВМ стоит сложная задача трансформации энергетической отрасли, когда страна делает ставку на чистые источники энергии и стремится к углеродной нейтральности.

Энергетика: вызовы времени и новые возможности

К настоящему времени АРВМ успешно реализовал свой богатый энергетический потенциал и преимущества географического расположения, став крупнейшим энергетическим форпостом на севере Китая [6]. Итоги 2020 г. впечатляют: добыча угля превысила 1 млрд тонн (доля АРВМ в национальной добыче составляет 26 %), регион вышел на первое место по производству электроэнергии (581 млрд кВт/ч), оттеснив постоянно лидирующие провинции Шаньдун, Цзянсу и Гуандун. Однако, в отличие от них, АРВМ энергопрофицитен – значительную часть выработанной электроэнергии (около 1/3) поставляет за пределы региона. В этом заключается его уникальная роль энергетического донора, именно поэтому столь важно своевременно реагировать на вызовы, возникающие вследствие ужесточения экологических требований как в мире, так и в самом Китае.

В прошлом году Китай заявил о стремлении достичь пиковых значений выбросов углекислого газа к 2030 г. и углеродной нейтральности¹ к 2060 г. Таким образом, по мнению экспертов, в стране впервые обозначена четкая долгосрочная траектория декарбонизации [7]. В первую очередь курс на декарбонизацию национальной экономики, подразумевающий постепенный отказ от угля в качестве топлива, затронет угольную отрасль АРВМ: в эпоху перемен ей предстоит поиск новых ориентиров. Очевидно, что ставка будет сделана на диверсификацию переработки угля, дальнейшее развитие углехимической промышленности [8]. Иными словами, оптимизация в отрасли потребует масштабирования уже реализованных проектов по ожижению и газификации угля. При этом использование традиционного энергоресурса на электростанциях, скорее всего, продолжится с условием внедрения технологий улавливания углекислого газа.

Необходимость развития низкоуглеродной экономики смещает акценты на «озеленение» энергетической отрасли. Стоит отметить, что трансформация энергетической системы в АРВМ в части внедрения альтернативных источников энергии ведется давно. Климатические и географические условия позволяют масштабировать проекты по использованию энергии ветра и солнца: как уже отмечалось, возобновляемые источники энергии представляют уже более трети суммарной установленной мощности региона. На этой базе в регионе намечено развитие

---

¹ Углеродная нейтральность подразумевает нулевые выбросы углекислого газа и его аналогов в процессе производства или компенсацию этих выбросов за счёт углеродно-отрицательных проектов.

еще одного, относительно нового, направления в энергетике – производства «зелёного» водорода качестве энергоносителя для решения климатических задач, получения, накопления, хранения и доставки энергии¹. Поскольку водород является вторичным энергоносителем, то есть требуется дополнительная энергия для его производства, АРВМ представляется оптимальной площадкой для апробирования и дальнейшего расширения водородных энергосистем. Именно здесь реализуются пилотные проекты компании Sinopac, направленные на создание узлов для добавления и очистки водорода, хранилищ, средств транспортировки. Компания намерена построить одну тысячу узлов для добавления водорода в газовые трубопроводы, а также создать мощности по выпуску «зелёного» водорода в размере более 1 млн т/год к 2025 г. [9]. Несмотря на то, что подобные проекты зачастую носят демонстрационно-репутационный характер, власти АРВМ уже формируют стратегическое видение развития водородной энергетики в регионе [10].

***

14-й пятилетний план социально-экономического развития АРВМ тесно увязан с национальными задачами по осуществлению социалистической модернизации к 2035 г., включая урбанизацию, индустриализацию нового типа, информатизацию и модернизацию сельского хозяйства. Инновации, повышение благосостояния, ставка на «зеленую» энергетику проходят красной линией в плане на 2021–2025 гг. Многие меры энергетической политики Пекина, такие как ограничение использования угля и развитие «чистой» энергетики, создают вызовы ключевой отрасли АРВМ – энергетике. Приоритеты в использовании энергопрофицита выглядят следующими: диверсификация генерирующих мощностей, развитие углехимии и водородной энергетики.

Новая модель «двойной циркуляции» экономики, заявленная в приоритетах национальной 14-й пятилетки, имеет свои особенности в случае с АРВМ, поскольку, в отличие от экономики приморских провинций, региональная экономика изначально больше ориентирована на внутренний рынок, а вклад экспорта в формирование экономической динамики незначителен [11]. Стратегический ориентир – превращение АРВМ в форпост внешнеэкономической открытости Китая в северном направлении – сохраняет свою актуальность на период ближайшей пятилетки. Развитие системы пунктов пропуска и обеспечение инфраструктурной взаимосвязанности с Монголией и Россией, с одной стороны, будут ориентированы на приток ресурсов из соседних стран, а с другой – на конкурентоспособное включение в международные грузоперевозки.

---

¹ «Зелёным» считается водород, получаемый методом электролиза воды при помощи возобновляемой энергии и используемый в основном в качестве экологически чистого, CO₂-нейтрального топлива или для накапливания энергии для последующего использования.

Список источников

1. Намжилова В. О. Экономика Автономного района Внутренняя Монголия: курс на высококачественное развитие // Вестник Белгородского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2019. № 4. С. 49–56.
2. 14-й пятилетний план экономического и социального развития АРВМ и долгосрочные цели развития до 2035 г. // Сайт Народного Правительства Автономного района Внутренняя Монголия. URL: https://www.nmg.gov.cn/zwggk/zfxxgk/zfxxgkml/ghxx/202102/t20210210_887052.html. Кит.
3. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР. Аналитические записки Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ К6/03/2021 / рук. проекта В. Б. Кашин. URL: <https://cceis.hse.ru/news/456293066.html>.
4. Ориентир на человека. Более трети показателей 14-й пятилетки связаны с благополучием народа // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/04/27/bolee-treti-pokazatele-14-j-piatiletki-sviazany-s-blagopoluchiem-naroda.html>.
5. Внутренняя Монголия проводит экологическое зонирование // ИА Синьхуа. URL: http://www.nmg.xinhuanet.com/2021-01/28/c_1127047286.htm. Кит.
6. Намжилова В. О. Внутренняя Монголия как энергетический форпост Китая // Азия и Африка сегодня. 2020. № 2. С. 22–29.
7. Китай пообещал прекратить выбросы углерода в атмосферу к 2060 году // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/09/23/kitaj-poobeshchal-prekratit-vybrosy-ugleroda-v-atmosferu-k-2060-godu.html>.
8. Шуплецов А. Ф., Чжан Яньцзе. Кластер Внутренней Монголии Китая по диверсифицированной переработке бурых углей // Baikal Research Journal. 2021. Т.12, № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klaster-vnutrenney-mongolii-kitaya-po-diversifitsirovannoy-pererabotke-buryh-ugley/viewer>.
9. В Китае задумали «зелёный» мегапроект // ИА Лента. URL: https://lenta.ru/news/2021/08/18/mega_chi/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D.
10. Стратегия развития водородной энергетики в АРВМ. URL: http://nyj.nmg.gov.cn/tzgg/gg/202107/t20210715_1788442.html. Кит.
11. Намжилова В. О. Состояние и перспективы внешнеторговой деятельности Автономного района Внутренняя Монголия // АТР: экономика, политика и право. 2019. № 3. С. 29–36.
12. Актамов И. Г., Бадараев Д. Д., Ван И. Д. Система жизнеобеспечения Внутренней Монголии КНР: теоретическая модель и практическая реализация // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 2, № 9. С. 147–162.

References

1. Namzhilova V. O. Economy of the Autonomous Region of Inner Mongolia: a course towards high-quality development. *Bulletin of the Belgorod State University. Economics and Management*, 2019, no. 4, pp. 49–56. (In Russ.).
2. The 14th five-year plan for the economic and social development of the IMAR and long-term development goals until 2035. Website of the People's Government of the Autonomous Region of Inner Mongolia. URL: https://www.nmg.gov.cn/zwgk/zfxxgk/zfxxgkml/ghxx/202102/t20210210_887052.html. (In Chin.).
3. Kashin V. B. (project manag.). Chinese experts on the new five-year plan of the PRC. Analytical notes of the Center for Comprehensive European and International Studies NRU HSE K6/03/2021. URL: <https://cceis.hse.ru/news/456293066.html>. (In Russ.).
4. Orientation to the person. More than a third of the indicators of the 14th five-year plan are related to the well-being of the people. *Rossiyskaya Gazeta*. URL: <https://rg.ru/2021/04/27/bole-treti-pokazatelej-14-j-piatiletki-sviazany-s-blagopoluchiem-naroda.html>. (In Russ.).
5. Inner Mongolia Conducts Ecological Zoning. *Xinhua News Agency*. URL: http://www.nmg.xinhuanet.com/2021-01/28/c_1127047286.htm. (In Chin.).
6. Namzhilova V. O. Inner Mongolia as an energy outpost of China. *Aziya i Afrika segodnya*, 2020, no. 2, pp. 22–29. (In Russ.).
7. China promised to stop carbon emissions into the atmosphere by 2060. *Rossiyskaya Gazeta*. URL: <https://rg.ru/2020/09/23/kitaj-poobeshchal-prekratit-vybrosy-ugleroda-v-atmosferu-k-2060-godu.html>. (In Russ.).
8. Shupletsov A. F., Zhang Yanjie. Cluster of China's Inner Mongolia for Diversified Lignite Processing. *Baikal Research Journal*, 2021, vol. 12, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klaster-vnutrenney-mongolii-kitaya-po-diversifitsirovannoy-pererabotke-buryh-ugley/viewer>. (In Russ.).
9. A “green” megaproject was conceived in China. *IA Lenta*. URL: https://lenta.ru/news/2021/08/18/mega_chi/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D. (In Russ.).
10. Strategy for the development of hydrogen energy in the ARVM. URL: http://nyj.nmg.gov.cn/tzgg/gg/202107/t20210715_1788442.html. (In Chin.).
11. Namzhilova V. O. State and prospects of foreign trade activities of the Inner Mongolia Autonomous Region. *ATR: ekonomika, politika, pravo = Pacific RIM: economics, politics and law*, 2019, no. 3, pp. 29–36. (In Russ.).
12. Aktamov I. G., Badaraev D. D., Wang I. D. The life support system of Inner Mongolia of the PRC: theoretical model and practical implementation. *Sociological science and social practice*, 2021, vol. 2, no. 9, pp. 147–162. (In Russ.).

Информация об авторе

Виктория Очировна Намжилова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Бурятский научный центр СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

Information about the author

Victoria O. Namzhilova – Candidate of Economics, Research Fellow, Buryat Scientific Centre of SB RAS, Ulan-Ude, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 36–45.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 36–45.

Научная статья

УДК 338:004(470+571):004.056

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/36-45>

К ПРОБЛЕМЕ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ*

Артур Георгиевич Кравченко

Дальневосточный федеральный университет, 690922, Россия, г. Владивосток,
о. Русский, пос. Аякс, корпус D, kravchenko.ag@dvfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4729-1573>

Аннотация. Исследуя проблемы обеспечения безопасности в цифровой экономике, автор выделяет основные составляющие двух сегментов – национального и международного, анализирует положения «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», рассматривая четыре уровня обеспечения безопасности цифровой экономики, отражаемой в национальной правовой политике. В статье анализируется содержание динамичного развития цифровой экономики России, приводятся особенности угроз, формулируются основные проблемы правовой политики по защите от обозначенных угроз. В заключение автор акцентирует внимание на необходимости рассмотрения системы безопасности цифровой экономики в геополитическом контексте, указывая на необходимость обеспечения стабильного функционирования инфраструктуры цифровой экономики (элементной базы, программного обеспечения, информационной среды), а также формирования системных условий развития и удержания человеческого капитала в национальной цифровой экономике как ключевого фактора обеспечения безопасности цифровой экономики России.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационная безопасность, правовое регулирование, риск, безопасность каналов связи, цифровые платформы, международные электронные платёжные системы, человеческий капитал, геополитическая конкуренция.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а) «Правовая политика российского государства, её приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологи-

---

* © Кравченко А. Г., 2022

ческого уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования».

Для цитирования: Кравченко А. Г. К проблеме разработки концепции безопасности цифровой экономики России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 36–45. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/36-45>

Original article

TO THE PROBLEM OF DEVELOPING THE CONCEPT OF SAFETY OF THE DIGITAL ECONOMY OF RUSSIA

Artur G. Kravchenko

Far Eastern Federal University, 690922, Russia, Vladivostok, Fr. Russian, 10 Ajax Bay, building D, kravchenko.ag@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4729-1573>

Abstract. Exploring the problems of ensuring security in the digital economy, the author identifies the main components of two segments – national and international, analyzes the provisions of the "Information Security Doctrine of the Russian Federation" considering the four levels of ensuring the security of the digital economy reflected in the national legal policy. The article analyzes the content and features of threats to the dynamic development of the digital economy of Russia, formulates the main problems of legal policy aimed at dealing with these threats. In conclusion, the author focuses on the need to consider the security system of the digital economy in a geopolitical context, pointing to the need of ensuring stable functioning of the infrastructure of the digital economy (element base, software, information environment), as well as the formation of systemic conditions for the development and retention of human capital in the national digital space, as a key factor of ensuring the security of the digital economy of Russia.

Keywords: digital economy, information security, legal regulation, risk, security of communication channels, digital platforms, international electronic payment systems, human capital, geopolitical competition.

Financing. The article was prepared with the financial support of the RFBR grant No. 19-011-00820 (a) "Legal policy of the Russian state, its priorities and principles in the digital economy and digital technological order: conceptual, methodological, sectoral aspects of the digitalization of law and legal regulation".

For citation: Kravchenko A. G. To the problem of developing the concept of safety of the digital economy of Russia // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 36–45. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/36-45>.

Условно проблему обеспечения безопасности цифровой экономики можно разделить на несколько групп. Во-первых, это – национальный сегмент цифровой экономики России, включающий как частные, так и публичные интересы, охраняемые законом, среди которых следует выделить: сферу функционирования интернет-платформ, экосистем, обеспечивающих информационные коммуникации с участниками цифровой экономики; вопросы безопасности каналов связи, идентификации участников экономических отношений, правовой политики государства, влияющей прямо и косвенно на цифровую инфраструктуру общественных отношений цифровой экономики. Во-вторых, это – международный сегмент, включающий международные отношения в сфере электронной коммерции, в том числе инфраструктуру международных электронных платежных систем, таможенных отношений, вопросов предпринимательских и потребительских договорных отношений.

Обращаясь к рассмотрению проблемы концепции безопасности цифровой экономики, мы должны, прежде всего, уяснить понятие безопасности в экономическом смысле, основанное на управлении рисками: «...это категория риска, связанная с использованием, развитием и управлением цифровых технологий в процессе экономической деятельности». Этот риск может возникнуть в результате сочетания угроз и уязвимости в цифровой среде, подрывая достижение экономических целей, нарушая конфиденциальность, целостность и доступ» [4]. Как отмечает в этой связи Д. А. Горулев, «безопасность – есть управляемый риск. И ключевой вопрос состоит не только в принятии и контроле должного (допустимого) уровня риска, но также в выборе ключевых инструментов управления рисками и их соотношения, исходя из специфичности и не повторяемости (с точки зрения субъекта, принимающего решение) тех объектов, которые затронуты риском и могут быть подвержены уничтожению, изменению или утрате в результате реализации риска» [2]. Однако экономическая безопасность – это материя, включающая не только вопросы управления предпринимательскими рисками, это понятие гораздо шире и включает в себя социальные, политические и даже культурно-духовные риски. Но, если в отношении предпринимательского риска в формуле расчёта действует соотношение издержки (риск) и прибыль, то в социальной, культурно-духовной и политической сфере риску противостоят базовые человеческие ценности (жизнь, здоровье, мирная жизнь, социальная стабильность и т.п.), без обеспечения которых экономическая безопасность становится просто бессмысленна [8]. В этом смысле концептуальные документы, определяющие основы информационной безопасности России, скорее обращены к социальной и политической, нежели экономической природе отношений. Очевидно, отсюда проистекает конструкция в понятийном аппарате, применяемом законодателем, который под информационной безопасностью понимает «состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация консти-

туционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [7]. Тем не менее, публичная безопасность всегда представляла собой комплексную, очень сложную многоаспектную задачу взаимосвязанных факторов и явлений, не ограниченную только социальным и политическим аспектом. Какие-то элементы национальной безопасности могут быть подвергнуты большему риску в поисках реализации возможностей экономического роста, какие-то меньшему, но это – в конечном итоге – единая система, в которой утрата контроля за одним из элементов приводит к утрате общей защищённости. Между тем, эта комплексная, взаимосвязанная природа сегментов национальной безопасности говорит о необходимости концептуальных связей между ними, включая безопасность цифровой экономики. Поэтому так важна выработка регуляторных решений с учётом общих издержек участников рынка, применение пропорционального и риск-ориентированного подходов одновременно.

В этом контексте, прежде всего, следует обратить внимание на то, что цифровая экономика – это не чистый цифровой субстрат информационных благ, в настоящее время это – неразрывный сплав информационной надстройки (цифровых технологий) и мира вещей (материальных благ). Поэтому, говоря об обеспечении безопасности цифровой экономики, следует понимать её прямую зависимость от традиционной экономики [6], и далеко не во всех аспектах цифровая экономика может оптимистично рассматриваться как средство решения кризисных проблем, например, вызванных пандемией Covid-19 [1].

В частности, вся инфраструктура цифровой экономики основана на материальных технологиях коммуникационных каналов связи, ретрансляторов и серверных решений.

Отсюда формируется первый уровень: угроза-вызов – зависимость национального государства от рынка микроэлектроники, технологических решений передачи данных и т.п. Решение этой задачи определяется либо наличием всего спектра национальных технологий, позволяющих обеспечить технически всю цепочку информационных коммуникаций, либо созданием условий диверсификации импортирования соответствующих товаров. Данный уровень безопасности в настоящее время определён законодателем и обеспечивается программой импортозамещения: «План мероприятий по направлению "Информационная безопасность" программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» (утв. Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18.12.2017 № 2)), предусматривающей сокращение зависимости от импорта технологий до 2024 года [12]. Тем не менее, и в этом процессе не всё однозначно, поскольку про-

цесс импортозамещения не реализуем в краткосрочной перспективе установленной программой, и экономический опыт это наглядно демонстрирует. Сложность реализации такой монополитики заключается в том, что российский сектор высоких технологий микроэлектроники крайне фрагментарен (отечественные производители не могут предоставить готовые экосистемы, на их разработку нужно время) [3], не конкурентоспособен в силу технологического отставания [15]. В этом ключе очевидна необходимость отражения в правовой политике России диверсификации импорта микроэлектроники, приоритетного развития национального производства компонентов элементной базы, представленных международными рынками с наивысшими геополитическими рисками ограничения поставок.

Второй уровень безопасности формируется в отношении программного обеспечения, поддерживающего цифровую инфраструктуру экономических коммуникаций. Угрозами этого порядка выступают: программные закладки стран-экспортёров, хакерские атаки, отключения от программных решений (цифровые блокировки). Указанный уровень также охвачен текущей правовой политикой российского государства и включает в себя комплекс технических стандартов информационной безопасности программных продуктов и специальных программных решений цифровой защиты [10]. Определены меры защиты цифровой экономики и в отношении потенциальной блокировки цифровой платёжной системы SWIFT [14]. Тем не менее, данные меры фактически ограничены внутренним цифровым рынком, что не представляется достаточным и требует своего развития на международном уровне, в частности в рамках БРИКС [13], и комплексных программных продуктов для противодействия несанкционированному доступу на международном уровне.

Третий уровень безопасности противостоит угрозам информационных искажений, влияющих на ценообразование, потоки инвестиций, котировки акций и т.п., влияющих на принятие управленческих решений человека как непосредственно применяемыми технологиями (цифровыми ассистентами), так и третьими лицами, формирующими избирательность информационных потоков программными способами без искажений их истинности. В отношении этого уровня безопасности можно наблюдать институциональную рефлексию по отдельным узким сегментам цифровой экономики [11] и упор преимущественно на административно-уголовные средства правового воздействия, применение которых сопряжено со значительными рисками угнетения динамики развития цифровой экономики. С другой стороны, одну из ключевых угроз информационного общества и цифровой экономики законодатель по-прежнему игнорирует, несмотря на многочисленные доктринальные наработки, связанные с рисками информационной манипуляции и влияния на принятие решений как в сфере публичного, так и бизнес управления, частных инвестиций.

Четвёртый уровень безопасности определяет противодействие институциональным угрозам, среди которых: процессы деградации образования, культуры, духовно-

сти общества; исход человеческого капитала из страны; высокий уровень административных барьеров; бюрократизация; системное развитие коррупции; монополизм и низкий уровень конкуренции; тоталитарное мировоззрение, сочетающееся с критически низкой инициативностью в системах публичного и частного управления; сокращение рабочих мест вследствие автоматизации процессов производства.

Перспективной технологией противодействия вышеназванному уровню угроз, требующей правовой институционализации, являются цифровые платформы, экосистемы, которые основаны на условии объединения человеческого, экономического капитала. Объединяющий потенциал цифровых технологий позволяет участникам цифровой экономики преодолевать пространственные, временные, институциональные барьеры, создавая структурно сложные эффективные тандемы для реализации социальных и экономических проектов и задач. Такое свойство тем ценнее, чем в более ограниченных ресурсных условиях действуют его участники. Так, уже сегодня естественным образом начинают развиваться практики сетевого взаимодействия университетов, находящихся в условиях ограниченного человеческого капитала. В области цифровой экономики также активно развиваются краудфандинговые платформы бизнес-аналитики, медицинские платформы и т.п. Таким образом, перспективными являются разработки по основам правового регулирования режима взаимодействия участников подобных экосистем, их взаимной ответственности по взятым на себя обязательствам, защищённости проектных рисков. Сегодня это направление активно развивает Министерство экономического развития РФ, подтверждая актуальность и востребованность развития данной технологии. К сожалению, из сферы его внимания выпадает развитие государственных экосистем, которые позволили бы успешно решать социально-экономические задачи [9]. Так, например, крайне необходимой видится создание государственной научной платформы, позволяющей создавать научные коллективы под конкретную исследовательскую задачу. Нет (несмотря на явный тренд) и единой образовательной платформы для университетов, позволяющей оформить трудовые отношения их работников для совместной деятельности. Между тем очевидно, что для успешного функционирования таких платформ требуется внести законодательные изменения в отдельные отраслевые акты.

При формировании концептуальных решений институциональных угроз нельзя забывать и о понятии безопасности как комплексного явления. Отсюда, решение задач экономической безопасности исключительно через экономическую логику сокращения издержек создаёт критические провалы для экономической безопасности государства. Так, не является оптимальным решение проблемы демографического спада посредством замещения рабочей силы процессами автоматизации [5], поскольку помимо предпринимательской составляющей существует масса других факторов, формирующих экономическую безопасность. В частности, чем выше

уровень автоматизации, тем более уязвимы системы от потенциальных угроз, а контроль автоматизации операторами выступает механизмом, обеспечивающим защищенность таких систем. К тому же, в производственных операциях, где необходимы ценностные ориентиры, автономность воли, творчество, сложные интеллектуальные операции, человек становится драйвером цифровых процессов. Отсюда необходимость наращивания качества человеческого капитала и развития его цифровых компетенций является ключевой повесткой цифровой экономики. В этой связи, оценивая цифровую конкурентоспособность стран, Европейский центр цифровой конкурентоспособности выделил в качестве критериев оценки две группы показателей – цифровая экосистема (доступность развития бизнеса) и цифровое мышление (доминирование в обществах предпринимательского мышления, инициативности, цифровых компетенций) [16]. Красной нитью через совокупность этих критериев проходят «человеческий капитал» и институциональные возможности реализации его потенциала.

Институциональный уровень угроз является самым неочевидным, но самым сложно-решаемым фактором сдерживания потенциала развития цифровой экономики. Обеспечение экономической безопасности на этом уровне требует не просто решения технологических и организационных задач, а формирует в повестке современной России тренды на фундаментальные мировоззренческие, ценностные изменения через сложную матрицу государственно-правового воздействия на общество, обеспечивая геополитическую конкурентоспособность страны в области развития национальных технологий и производств.

Исходя из вышесказанного, следует заключить, что в настоящее время экономическая и правовая доктрина представлена широким спектром концептуальных наработок, позволяющих учитывать множество особенностей в механизмах обеспечения безопасности цифровой экономики. С другой стороны, правовая институционализация безопасности цифровой экономики фрагментарна и надлежащим образом не представлена в едином нормативно-концептуальном документе, что значительно снижает организационно-правовой инструментарий государственной власти по обеспечению безопасности цифровой экономики России.

Список источников

1. Бархатов В. И., Дьяченко О. В. Развитие цифровой экономики России в условиях пандемии // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 10 (444). С. 177–82.
2. Горулев Д. А. Экономическая безопасность в условиях цифровой экономики // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2018. № 1 (43). С. 77–84.
3. Импортзамещение сетевого оборудования: как не наступить на грабли. URL: https://www.cnews.ru/articles/2021-09-21_importozameshchenie_setevogo_oborudovaniya.

4. Лев М. Ю., Лещенко Ю. Г. Цифровая экономика: на пути к стратегии будущего в контексте обеспечения экономической безопасности // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 1. С. 25–44.
5. Лытнева Н. А., Воронов С. С., Киданова Н. Л. Глобальные вызовы и формирование цифровой экономики: состояние, проблемы безопасности, тенденции развития // На страже экономики. 2020. № 4 (15). С. 52–60.
6. Наталья Касперская: «Какая уж тут цифровая экономика?» // Федеральное информационное агентство REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2962102.html>.
7. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=208191&dst=1000000001&date=10.10.2021>.
8. Об утверждении Концепции развития системы управления рисками Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка на период до 2020 года: приказ Росалкогольрегулирования от 8 декабря 2016 г. № 429. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=256088&dst=100106&date=10.10.2021>.
9. Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. № 431-р (ред. от 07.06.2021). URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=386588&dst=1000000001&date=08.12.2021>.
10. Об утверждении Требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах: приказ ФСТЭК России от 11 февраля 2013 г. № 17 (ред. от 28.05.2019) (Зарегистрировано в Минюсте России 31.05.2013 № 28608) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147084/.
11. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (разработаны Банком России). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404693/.
12. План мероприятий по направлению «Информационная безопасность» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18.12.2017 № 2)). URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=287996&dst=100040&date=08.11.2021>.
13. Пятивалютная корзина: страны БРИКС создают единый платёжный сервис. URL: <https://iz.ru/851277/dmitrii-grinkevich/piativaliutnaia-korzina-strany-briks-sozdaiut-edinyi-platezhnyi-servis>.

14. Стратегия развития национальной платежной системы на 2021–2023 годы (утв. Банком России). URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=382148&dst=1000000001&date=08.09.2021>.

15. Суровый российский сервер. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5131374/>.

16. Digital Riser 2021. URL: https://www.tadviser.ru/images/2/29/Digital_Riser_Report-2021.pdf.

References

1. Barkhatov V. I., Dyachenko O. V. Development of the digital economy of Russia in a pandemic. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 10 (444), pp. 177–82. (In Russ.).

2. Gorulev D. A. Economic security in the digital economy. *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa*, 2018, no. 1 (43), pp. 77–84. (In Russ.).

3. Import substitution of network equipment: how not to step on a rake. Available at: https://www.cnews.ru/articles/2021-09-21_importozameshchenie_setevogo_oborudovaniya. (In Russ.).

4. Lev M. Yu., Leshchenko Yu. G. Digital economy: on the way to the strategy of the future in the context of ensuring economic security. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 25–44. (In Russ.).

5. Lytneva N. A., Voronov S. S., Kidanova N. L. Global challenges and the formation of the digital economy: state, security problems, development trends. *Na strazhe ekonomiki*, 2020, no. 4 (15), pp. 52–60. (In Russ.).

6. Natalya Kasperskaya: “What kind of digital economy is there?”. *Federal Information Agency REGNUM*. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2962102.html>. (In Russ.).

7. Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 No. 646. Available at: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=208191&dst=1000000001&date=10.10.2021>. (In Russ.).

8. On approval of the Concept for the development of the risk management system of the Federal Service for Regulation of the Alcohol Market for the period up to 2020: Order of the Federal Service for Alcohol Regulation No. 429 dated December 8, 2016. Available at: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=256088&dst=100106&date=10/10/2021>. (In Russ.).

9. On approval of the Concept for the digital and functional transformation of the social sphere, related to the field of activity of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, for the period up to 2025: Decree of the Government of the Russian Federation of February 20, 2021 No. 431-r (as amended on June 7, 2021). Avail-

able at: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=386588&dst=1000000001&date=12/08/2021>. (In Russ.).

10. On approval of the Requirements for the protection of information not constituting a state secret contained in state information systems: order of the FSTEC of Russia dated February 11, 2013. No. 17 (as amended on May 28, 2019) (Registered in the Ministry of Justice of Russia on May 31, 2013 No. 28608) (with amended and supplemented, effective from 01.01.2021). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147084/. (In Russ.).

11. Main directions for the development of the financial market of the Russian Federation for 2022 and the period of 2023 and 2024 (developed by the Bank of Russia). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404693/. (In Russ.).

12. Action plan in the direction of "Information Security" of the program "Digital Economy of the Russian Federation" (approved by the Government Commission on the use of information technologies to improve the quality of life and conditions for doing business (Minutes No. 2 of December 18, 2017)). Available at: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=287996&dst=100040&date=11/08/2021>. (In Russ.).

13. Five-currency basket: BRICS countries create a single payment service. Available at: <https://iz.ru/851277/dmitrii-grinkevich/piativaliutnaia-korzina-strany-briks-sozdaiut-edinyi-platezhnyi-servis>. (In Russ.).

14. Strategy for the Development of the National Payment System for 2021–2023 (approved by the Bank of Russia). Available at: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=382148&dst=1000000001&date=09/08/2021>. (In Russ.).

15. Severe Russian server. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5131374/>. (In Russ.).

16. Digital Riser 2021. Available at: https://www.tadviser.ru/images/2/29/Digital_Riser_Report-2021.pdf.

Информация об авторе

А. Г. Кравченко – к. ю. н., доцент, зав. кафедрой гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Information about the author

A. G. Kravchenko – Candidate of Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Law and Process, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 327.5(510:470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/46-57>

**СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫБОР КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ: ПАРТНЁРСТВО ИЛИ АЛЬЯНС?***

Пань Лин, Дальневосточный федеральный университет, 690922, Россия,
г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, pan.li@dvfu.ru

Аннотация. Китай и Россия являются крупнейшими соседями, поэтому китайско-российские отношения являются наиболее важными для обеих стран, что напрямую влияет на их безопасность и развитие. В истории Китая и России (ранее СССР) было три альянса, которые не просуществовали долгое время. Историческое прошлое доказало, что альянс между Китаем и Россией – это далеко не лучший выбор. На основе обобщения исторического опыта и извлечённых уроков Китай и Россия нашли наилучшую модель, подходящую для развития отношений между двумя странами на данном этапе. Им удалось установить отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, поэтому на сегодняшний день отношения между двумя странами вступили на путь здорового и стабильного развития. В краткосрочной перспективе отношения между Китаем и Россией естественно продолжат углубляться и укрепляться в рамках партнёрства и стратегического взаимодействия. В долгосрочной перспективе Китай и Россия не исключают возможности повторного формирования военно-политического альянса.

Ключевые слова: китайско-российские отношения, альянс, внешняя политика, отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия.

Для цитирования: Пань Лин. Стратегический выбор китайско-российских отношений: партнёрство или альянс? // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 46–57. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/46-57>

---

* © Пань Лин, 2022

POLITICS

Original article

STRATEGIC CHOICE OF CHINA-RUSSIAN RELATIONS: PARTNERSHIP OR ALLIANCE?

Pan Ling, Far Eastern Federal University, 690922, Russia, Vladivostok, Russky Island,
10 Ajax Bay, building D, pan.li@dvfu.ru

Abstract. China and Russia are the largest neighbors. China-Russian relations are the most important for both countries, which directly affects their security and development. In the history of China and Russia (formerly the USSR) there were three alliances that did not last long. The historical past has proved that an alliance between China and Russia is far from the best choice. Based on the generalization of historical experience and lessons learned, China and Russia have found the best model suitable for the development of relations between the two countries at this stage. They managed to establish relations of comprehensive partnership and strategic cooperation, so today relations between the two countries have entered the path of healthy and stable development. In the short term, China and Russia will naturally continue to deepen and strengthen their relations within the framework of partnership and strategic cooperation. In the long term, China and Russia do not rule out the possibility of reforming a military-political alliance.

Keywords: China-Russian relations, alliance, foreign policy, relations of comprehensive partnership and strategic interaction.

For citation: Pan Ling. Strategic choice of China-Russian relations: partnership or alliance? // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no 2. P. 46–57. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/46-57>

Введение

В контексте стремительного развития китайско-российских отношений в качестве стратегического выбора также был предложен китайско-российский альянс. Однако китайско-российский альянс не является господствующей точкой зрения китайских академических кругов и также не является текущей официальной политикой Китая. Однако для китайской дипломатии китайско-российский альянс является серьёзной проблемой. Это не только изменит китайско-российские отношения, но и окажет важное влияние на международную обстановку. Если Китай и Россия создадут альянс, то он коснется красной линии принципа неприсоединения Китая и будет иметь особые последствия для будущего

направления развития китайской дипломатии. Поэтому обсуждение этого вопроса имеет важное теоретическое и практическое значение для китайско-российских отношений и для китайской дипломатии.

Концепция альянса

Альянс (англ. *alliance*) называют древнейшим военным искусством человечества. Теория альянса является самой старой и наиболее противоречивой теорией в процессе построения международных отношений. Что касается определения альянса, то в академических кругах существуют различные толкования. В английском языке слова «*alliance*», «*alignment*», «*coalition*», «*pact*», «*bloc*», «*entente*» означают разную степень сотрудничества в области безопасности [17]. Однако, как правило, чаще используется термин «*alliance*» (альянс), который в основном относится к категории из области военной безопасности. Например, Роберт Осгуд (*Robert Osgood*) считает, что альянс – это официальное соглашение, в соответствии с которым государства-члены обязуются совместно применять военную силу против конкретных стран, а одна или несколько подписавших сторон обещают применить силу в одностороннем порядке или после консультаций с союзниками при определённых обстоятельствах [7, p. 17]. Арнольд Вулферс считает, что альянс – это соглашение между двумя или более суверенными государствами о взаимной военной помощи ради национальной безопасности [9]. Создание военных союзов на основе официальных соглашений представляет собой относительно строгую концепцию альянса в узком смысле. По мере непрерывного ослабления военной безопасности альянс также перешёл от сферы военной безопасности к всеобъемлющей безопасности в рамках официальных военных договоров. Например, Стивен Валтер (*Stephen M. Walt*) определяет альянс более широко. Он считает, что альянс – это формальное и неформальное соглашение, созданное двумя или более суверенными странами для сотрудничества в области безопасности [21]. Дуглас Гиблер (*Douglas M. Gibling*) считает, что альянс – это формальное обязательство двух или более стран в отношении будущих действий, связанных с безопасностью [5]. Оле Холсти (*Ole Holsti*), Терренс Хопман (*Terrence Hopman*) и Джон Салливан (*John Sullivan*) считают, что альянс относится к формальному образу организации, созданной двумя или более странами для нужд безопасности [24, с. 138]. Кроме того, авторитетный источник «Энциклопедия международных вооружённых сил и обороны» определяет альянс как долгосрочные политические и военные отношения, установленные двумя или более странами путём объединения их национальных сил для укрепления безопасности [6].

Подводя итог, можно сказать, что до сих пор в академических кругах не сформировался консенсус по поводу трактовки альянса, и его концепцию трудно точно определить и измерить. Однако можно сделать вывод, что альянс – это особые межгосударственные отношения, сформированные суверенными странами в ответ на общие внешние угрозы и основанные на общих стратегических интересах. Эти

особые отношения между странами представляют собой формальное или неформальное организационное соглашение, основной целью которого является непрерывное и стабильное сотрудничество в области безопасности. Альянс – это не случайное поведение. Это очень разумное национальное поведение, основанное на всесторонних соображениях безопасности и интересов. Альянс, который не может поддерживать безопасность друг друга и приносить выгоды друг другу, трудно сформировать и ещё труднее поддерживать в жизнеспособном состоянии. В данной статье будет использовано вышеупомянутое более широкое определение альянса.

Три альянса в истории Китая и России (СССР)

В истории своих отношений Китай и Россия трижды заключали альянсы, но они длились недолго. Эти три альянса являются специфическими продуктами в контексте особых времён, все они в той или иной степени повлияли на направление развития китайско-российских отношений и предоставили исторический опыт и ориентиры для сегодняшних обменов между двумя странами.

Первый альянс. 3 июня 1986 г. Китай и Российская Империя подписали в Москве «Договор о взаимной помощи против врага», обычно называемый «Союзным договором между Российской Империей и Китаем». После того как Китай потерпел сокрушительное поражение в Первой китайско-японской войне, он подвергся издевательствам со стороны Японии и захотел объединиться с Российской Империей в альянс, чтобы защитить себя. В то время Российская Империя планировала использовать земли Китая для строительства великой железной дороги через Сибирь, как для контроля над северо-восточным Китаем, так и для борьбы с Японией. «Союзный договор между Российской Империей и Китаем» предусматривал, что, в случае вторжения Японии в Китай, Россия должна была помочь Китаю. В случае войны Российская Империя могла отправлять военные корабли во все порты Китая, и в то же время она могла строить железные дороги из Хэйлунцзяна и Цзилиня во Владивосток для перевозки людей и товаров [4]. Хотя этот альянс объективно сдерживал агрессию Японии против Китая, но цинскому правительству не удалось извлечь из него большой реальной выгоды. Российская Империя всегда стремилась к Китаю. В 1900 г. она заключила союз из восьми стран с Великобританией, Францией, США, Германией, Японией, Италией и Австро-Венгрией для вторжения в Пекин [3, р. 135]. После этого, в 1904 г., разразилась русско-японская война, и главным полем битвы стал Северо-Восточный Китай. Цинское правительство оставалось нейтральным в войне и не встало на сторону Российской Империи. Китайско-российский альянс был фактически объявлен банкротом.

Второй альянс. 14 августа 1945 г. Китай и СССР подписали в Москве «Договор о дружбе и союзе между СССР и КНР». Этот союз номинально предназначен для совместной борьбы с Японией, но на самом деле, когда был подписан договор, Япония

уже капитулировала. СССР подписал данный договор, чтобы обеспечить независимость Монголии от Китая и восстановить советские привилегии в Северо-Восточном Китае. Цель китайского правительства состояла в том, чтобы помешать Советскому Союзу остаться на северо-востоке после разгрома японской Квантунской армии. В то же время Китай надеялся, что СССР поддержит воссоединение материкового Китая с Тайванем [21]. Этот союз способствовал ускорению капитуляции Японии, но привёл к признанию Китаем независимости Внешней Монголии, а также к разрешению СССР разместить войска в порту Лушунь и совместно управлять Чанчуньской железной дорогой. Второй китайско-российский альянс просуществовал пять лет. СССР расторг «Договор о дружбе и союзе между СССР и КНР» в 1950 г.

Третий альянс. 14 февраля 1950 г. Новый Китай и СССР подписали в Москве «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР». В то время СССР и США были втянуты в холодную войну, а зарождающуюся Китайскую Народную Республику ждало процветание. И Китаю, и СССР нужно было заручиться поддержкой друг друга через союз. Статья 1 «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР» предусматривала то, что, как только одна из сторон Договора подвергнется вторжению со стороны Японии или страны, союзной с Японией, то есть окажется втянутой в войну, то другая сторона Договора сделает всё возможное, чтобы оказать ей военную и иную помощь [6]. Этот союз существенно отличался от двух предыдущих, так как он являлся всеобъемлющим союзом в области политики, экономики, безопасности, дипломатии и даже идеологии. Он сыграл важную роль в раннем строительстве Нового Китая [3, р. 135]. Однако из-за разных ожиданий двух сторон от альянса и того факта, что обе стороны ставили идеологию выше национальных интересов, это привело к тому, что альянс впал в кризис по истечении 10 лет с момента его создания. К началу 1960-х гг. из-за ухудшения китайско-советских отношений альянс фактически существовал только на словах. В 1980 г., когда срок действия договора истёк, две страны не продлили его. Были определенные объективные обстоятельства, из-за которых альянс в конечном итоге распался [22]. Китайско-советский союз 1950-х гг. существенно отличался от двух предыдущих, можно сказать, что это было всестороннее объединение, охватывающее политическую, экономическую, культурную и другие области. Такой союз для многих казался крепким, но на самом деле он был весьма хрупок [13].

Можно сделать вывод, что три альянса в истории Китая и России имели некоторые общие характеристики: во-первых, причиной их создания являлась Япония, так как она представляла собой общую внешнюю угрозу. Во-вторых, альянс оказался неустойчивым: самый длительный срок его существования составлял чуть более 10 лет. В-третьих, три альянса закончились неудачей: все они распались до истечения срока действия договора. В-четвёртых, распад альянса не устранил внешних угроз, но отношения между двумя сторонами сами по себе ухудшились.

История доказала, что альянс между Китаем и Россией – определённо не лучший выбор, поскольку силы двух сторон не равны в такого рода альянсе.

Будущее направление китайско-российских отношений

Изменения международной обстановки влияют на стратегии крупных держав, и стремительный подъём Китая также вызвал дискуссии в академическом сообществе о том, нужно ли Китаю корректировать свою политику неприсоединения. Некоторые учёные выступают за отказ от политики неприсоединения и высказываются за формирование союзов с другими дружественными странами для противодействия США. Учёные считают, что среди этих дружественных стран Россия, несомненно, является лучшим союзником Китая с точки зрения силы и других аспектов. Таким образом, вопрос о китайско-российском альянсе стал горячей темой в академическом сообществе. Взгляды учёных на китайско-российский альянс примерно разделены на следующие три категории: представители первой группы учёных явно выступают за то, чтобы Китай немедленно заключил союз с Россией. Например, некоторые специалисты считают, что, перед лицом стратегического давления США и Европы, Китаю и России необходимо установить стабильные и квази-союзнические стратегические отношения на высоком уровне [23, с. 97], а затем углубить отношения стратегического альянса [20, с. 87]. При этом не стоит ограничиваться только нынешними отношениями всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. Вторая группа учёных выступает против альянса Китая с Россией. Отдельные из них считают, что Китаю и России вообще не нужно заключать союз, а отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия в большей степени отвечают интересам обеих сторон [22]. Наконец, есть и такая категория учёных, которые не высказываются ни за, ни против китайско-российского альянса, а считают, что нынешнее обсуждение условий китайско-российского альянса является незрелым и ненужным. Они полагают, что Китай и Россия должны продолжать углублять свои нынешние отношения сотрудничества, но при этом не должны быть ни неприсоединившимися, ни отчуждёнными, а двигаться вперёд в относительно мягком взаимодействии с США [16, с. 35].

Из изложенного видно, что в академическом сообществе высказываются разные взгляды на китайско-российский альянс. Между тем, министр иностранных дел России заявил, что Россия не будет присоединяться ни к какой альянсной группе или организации, пытающейся сдержать Китай, ибо формирование новой военно-политической группы государств друг против друга может привести к катастрофическим последствиям [1]. Для России наиболее разумным выбором является осуществление сбалансированной дипломатии между Китаем и США в соответствии с реальной ситуацией [10]. Для Китая Россия занимает особое положение в дипломатической и стратегической структуре взаимоотношений. В некотором смысле России даже отводится перво-

степенное положение во внешней стратегии Китая, а её значение для поддержания национальной безопасности Китая даже превышает значение взаимоотношений Китая и США. Высшее руководство Китая чётко это понимает и заявляет о том, что рассматривает Россию как важнейшего партнёра стратегического взаимодействия Китая, а также настаивает на том, чтобы политика дружбы с Россией, включая стратегическое позиционирование в отношении приоритетного развития отношений с Россией, не изменилась [4]. Можно наблюдать то, что развитие китайско-российского стратегического партнёрства в области сотрудничества является устойчивым. Развитие отношений между двумя странами по-прежнему будет следовать двум внутренним и внешним направлениям развития, то есть основой общих интересов и стратегическим выбором двух стран являются внутренние факторы развития китайско-российских отношений, а изменения в международной ситуации и дисбаланс в сравнении сил великих держав составляют её внешние факторы.

В краткосрочной перспективе внутренние факторы, влияющие на развитие двусторонних отношений, имеют тенденцию к стабилизации, и главным образом потому, что и Китай, и Россия рассматривают друг друга в качестве важнейших стратегических партнёров. Обе стороны готовы продолжать укреплять отношения партнёрства и стратегического взаимодействия, а также ещё больше углублять стратегический диалог, укреплять основы партнёрства, усиливать китайско-российские отношения как модель нового типа сотрудничества великих держав на основе консенсуса. Хотя обе страны по-прежнему сталкиваются со многими внешними вызовами, эти проблемы находятся под их контролем. И Китай, и Россия находятся под прессингом стратегического сдерживания и давления со стороны США и других недружественных сил; только поддерживая друг друга и углубляя отношения, они могут обеспечивать национальную безопасность и гарантировать национальное развитие [12]. Практика последних 20 лет доказала, что отношения партнёрства и стратегического взаимодействия, характеризующиеся неприсоединением, неконфронтацией, ненаправленностью на третьи страны и невмешательством идеологическим, принесли ощутимую пользу как Китаю, так и России. Это лучшая модель китайско-российских отношений и новый образец государственных отношений в истории международных отношений [19, с. 40]. В настоящем и обозримом будущем, при условии отсутствия серьёзных изменений в международной ситуации, России и Китаю необходимо продолжать наполнять новым содержанием вопросы и методы сотрудничества и всесторонне повышать уровень политического, военного, экономического и культурного взаимодействия.

Конечно, изложенное не означает, что автор игнорирует базовую точку зрения о том, что международная ситуация определяет поведение государства. Напротив, данная статья основана на этой предпосылке. На основе признания того, что внешние факторы, включая изменения международной ситуации, ока-

зывают влияние на поведение государства, проводится анализ стратегического выбора китайско-российского взаимодействия. В долгосрочной перспективе международная система всё ещё находится в процессе трансформации, которая, несомненно, будет долгим и трудным процессом. В этой сложной и изменчивой ситуации существует множество переменных внешних факторов, влияющих на китайско-российские отношения. Это требует, чтобы Китай и Россия в полной мере использовали гибкие характеристики двусторонних отношений и совместно реагировали на возможные внешние вызовы и угрозы в будущем. Что касается того, будут ли Китай и Россия двигаться к военному союзу в будущем, то это в основном зависит от стратегических угроз, с которыми сталкиваются две страны, особенно от изменений уровня военных угроз и углубления отношений между двумя странами. Теоретически «альянс» или «неприсоединение» должны быть не жёсткой догмой, а стратегическим приложением, которое должно своевременно корректироваться в зависимости от ситуации [11, с. 10]. В таких условиях Китай и Россия могут не исключить возможность повторного формирования военно-политического альянса.

Список источников

1. Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на 48-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8243?>.
2. Китаю и России не нужен военный союз. URL: <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnJw3DD>.
3. Партнёрство без альянса: стратегические отношения Китая и России на современном этапе. URL: <https://www.caa-network.org/archives/19724>.
4. Приверженность политике дружбы с Россией не изменится. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2012-12/19/c_114087973.htm. Кит.
5. Douglas M. G., John A. V. «Uncovering the Dangerous Alliance 1495–1980» // *International Studies Quarterly*. 1998. Vol. 42. № 4. P. 785–807.
6. Dupuy T. N. *International military and defense encyclopedia*. Washington: Maxwell Macmillan, 1993. 3132 p.
7. Osgood R. E. *Alliance and American foreign policy*. Baltimore; London: John Hopkins University Press, 1968. XI, 171 p.
8. Walt S. M. *The Origins of Alliances*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1987. 440 p.
9. Wolfers A. *Alliance* // *International encyclopedia of the social science*. New York: Macmillan Company & The Free Press. 1974. Vol. 1. P. 268–269.

10. 王树春,万青松.论新型中俄关系的未来走向:结伴还是结盟?//当代亚太.2013.(04).4–22. Ван Ш., Ван Ц. Будущее направлении китайско-российских отношений нового типа: партнёрство или альянс? // Современный Азиатско-Тихоокеанский регион. 2013. № 4. С. 4–22.
11. 王海运.结伴而不结盟:中俄关系的现实选择//俄罗斯东欧中亚研究.2016.(05). 6–15. Ван Х. Партнёрство, но не альянс: реалистичный выбор для китайско-российских отношений // Исследование России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2016. № 5. С. 6–15.
12. 王海运.新时期俄罗斯外交战略走向及中俄关系深化//俄罗斯学刊.2012.2 (04).5–10. Ван Х. Тенденция российской дипломатической стратегии в новый период и углубление китайско-российских отношений // Российский журнал. 2012. № 4. С. 5–10.
13. 李葆珍.结盟—不结盟—伙伴关系:当代中国大国关系模式的嬗变//郑州大学学报(哲学社会科学版).2009.42(02).38–44. Ли Б. Альянс: Неприсоединение – партнёрство: трансформация современной китайской модели отношений Великих держав // Журнал Университета Чжэнчжоу (Издание по философии и социальным наукам). 2009. № 42 (02). С. 38–44.
14. 墨菲.中俄结盟:一场苟且的闪婚.百家讲坛 (红版).2010(11).70-71. Мо Ф. Китайско-российский альянс: нерадивый внезапный брак // Форум Байцзя (Красное издание). 2010. № 11. С. 70–71.
15. 中华人民共和国条约集(第一集).北京:世界知识出版社,1957.709. Сборник договоров Китайской Народной Республики (Сборник № 1). Пекин: Мировая пресса знаний, 1957. 709 с.
16. 邢广程.中俄崛起对两国关系的影响//当代亚太.2009.(01).34–36. Син Г. Влияние подъёма Китая и России на отношения между двумя странами // Современный Азиатско-Тихоокеанский регион. 2009. № 1. С. 34–36.
17. 孙德刚.国际安全合作中联盟概念的理论辨析//国际论坛.2010.12(05).52–58. Сунь Д. Теоретический анализ концепции альянса в международном сотрудничестве в области безопасности // Международный форум. 2010. № 12 (05). С. 52–58.
18. 傅莹.中俄关系:是盟友还是伙伴?//现代国际关系.2016.(04).1–10. Фу И. Китайско-российские отношения: союзники они или партнёры? // Современные международные отношения. 2016. № (04). С. 1–10.
19. 邱海燕.中苏(俄)对抗和结盟的历史启示与两国关系最佳模式的选择//俄罗斯学刊.2013.3(03). 34–41. Цю Х. Историческое вдохновение конфронтации и союза между Китаем и СССР (Россией) и выбор наилучшей модели отношений между двумя странами // Российский журнал. 2013. № 3 (03). С. 34–41.

20. 张文本.中俄结盟的限度、目标和意义//社会观察.2012.(03).84–87. Чжан В. Предел, цель и значение китайско-российского альянса // Социальное наблюдение. 2012. № 3. С. 84–87.
21. 赵华胜.“中俄结盟”为何缺乏现实可行性 – 基于两国关系历史和现实的考量//人民论坛·学术前沿.2013.(10).62–71. Чжао Х. Почему «китайско-российскому альянсу» не хватает практической осуществимости: на основе исторических и реалистичных соображений об отношениях между двумя странами // Народный форум: Академическая граница. 2013. № 10. С. 62–71.
22. 程可凡. 结伴还是结盟-中俄关系的战略抉择.南京大学.2021.89–119. Чэн К. Партнёрство или альянс: стратегический выбор в китайско-российских отношениях. Нанкин: Нанкинский университет, 2021. С. 89–119.
23. 俞正樑.关于中国大战略的思考//毛泽东邓小平理论研究.2012.(05). 95–101. Юй Ч. Мысли о Великой стратегии Китая // Исследование теории Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. 2012. № 5. С. 95–101.
24. 杨毅.安全联盟与经济合作研究– 基于四种联盟类型的分析//世界经济与政治.2011.(10).137–154. Ян И. Исследование альянсов в области безопасности и экономического сотрудничества: Анализ, основанный на четырёх типах альянсов // Мировая экономика и политика. 2011. № 10. С. 137–154.

References

1. Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia SV Lavrov at the 48th Munich Security Conference. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/8243?> (In Russ.).
2. China and Russia do not need a military alliance. Available at: <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnJw3DD> (In Russ.).
3. Partnership without an alliance: strategic relations between China and Russia at the present stage. URL: <https://www.caa-network.org/archives/19724> (In Russ.).
4. Commitment to the policy of friendship with Russia will not change. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2012-12/19/c_114087973.htm (In Chin.).
5. Douglas M. G., John A. V. "Uncovering the Dangerous Alliance 1495–1980". *International Studies Quarterly*, 1998, vol. 42, no. 4, pp. 785–807.
6. Dupuy T. N. *International military and defense encyclopedia*. Washington: Maxwell Macmilan, 1993. 3132 p.
7. Osgood R. E. *Alliance and American foreign policy*. Baltimore; London: John Hopkins University Press, 1968. XI, 171 p.
8. Walt S. M. *The Origins of Alliances*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1987. 440 p.

9. Wolfers A. Alliance. *International encyclopedia of the social science*. New York: Macmillan Company & The FreePress, 1974, vol. 1, pp. 268–269.
10. Wang Sh., Wang Q. The Future Direction of a New Type of Sino-Russian Relations: Partnership or Alliance? *Modern Asia-Pacific region*, 2013, no. 4, pp. 4–22. (In Chin.).
11. Wang H. Partnership, but not an alliance: a realistic choice for Sino-Russian relations. *Study of Russia, Eastern Europe and Central Asia*, 2016, no. 5, pp. 6–15. (In Chin.).
12. Wang H. The trend of the Russian diplomatic strategy in the new period and the deepening of Sino-Russian relations. *Russian Journal*, 2012, no. 4, pp. 5–10. (In Chin.).
13. Li B. Alliance: Non-alignment-partnership: transforming the modern Chinese model of Great power relations. *Journal of Zhengzhou University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 2009, no. 42 (02), pp. 38–44. (In Chin.).
14. Mo F. Sino-Russian alliance: negligent sudden marriage. *Baijia Forum (Red Edition)*, 2010, no. 11, pp. 70–71. (In Chin.).
15. Collection of Treaties of the People's Republic of China (Collection No. 1). Beijing: World Knowledge Press, 1957. 709 p. (In Chin.).
16. Xing G. Influence of the rise of China and Russia on relations between the two countries. *Modern Asia-Pacific Region*, 2009, no. 1, pp. 34–36. (In Chin.).
17. Sun D. Theoretical analysis of the concept of an alliance in international security cooperation. *International Forum*, 2010, no. 12 (05), pp. 52–58. (In Chin.).
18. Fu Yi. Sino-Russian Relations: Are They Allies or Partners? *Modern international relations*, 2016, no. (04), pp. 1–10. (In Chin.).
19. Qiu H. Historical inspiration of the confrontation and alliance between China and the USSR (Russia) and the choice of the best model of relations between the two countries. *Russian Journal*, 2013, no. 3 (03), pp. 34–41. (In Chin.).
20. Zhang V. The Limit, Purpose and significance of the Sino-Russian Alliance. *Social Observation*, 2012, no. 3, pp. 84–87. (In Chin.).
21. Zhao H. Why the "Sino-Russian Alliance" Lacks practical feasibility: based on historical and realistic considerations of relations between the two countries. *People's Forum: Academic Frontier*, 2013, no. 10, pp. 62–71. (In Chin.).
22. Cheng K. Partnership or Alliance: a strategic choice in Sino-Russian relations. Nanjing: Nanjing University, 2021, pp. 89–119. (In Chin.).
23. Yu Ch. Thoughts on China's Grand Strategy. *A Study of the Theory of Mao Zedong and Deng Xiaoping*, 2012, no. 5, pp. 95–101. (In Chin.).
24. Yang Y. A Study of Alliances in security and economic cooperation: an analysis based on four types of alliances. *World Economy and Politics*, 2011, no. 10, pp. 137–154.

Информация об авторе

Пань Лин – аспирант кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Information about the author

Pan Ling – Post-graduate Student, Department of International Relations, Oriental Studies, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 58–72.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 58–72.

Original article

УДК 351:004.9(597)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/58-72>

OPEN DATA AND DEMOCRACY IN DIGITAL GOVERNMENT TRANSFORMATION IN VIETNAM*

Tu Thi Thoa¹, Nguyen Duc Cuong²

^{1,2} The State University of Management, 109542, 99 Ryazansky prospect St., Moscow, Russia

¹ Ho Chi Minh City University of Physical Education and Sports, 639 Nguyen Trai, Ward 11, District 5, Ho Chi Minh City, Viet Nam, tuthoahvhc@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-8579-1846>

² Journal of Political Science, Academy of Politics Region 2, 99 Man Thien, Hiep Phu Ward, District 9, Ho Chi Minh City, Viet Nam, ngdcuong.vn@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-4404-0288>

Abstract. In this day and age, data is seen as a valuable resource. It helps national governments plan, implement and monitor public policies and services. Building an open data system associated with digital government transformation is a trend of many countries in the world, including Vietnam. Open data promises to have many benefits in improving the efficiency of government operations, enhancing transparency, accountability, and beyond, it is an important solution to ensuring people's mastery. But the reality is that the realization of the benefits of open data is a very difficult issue because it depends heavily on the socio-economic context of each country as well as the exploitation and use capacity of related entities. In this study, we focused on evaluating meaningful open data as a guaranteed solution for democracy in countries. At the same time, by recognizing the open data building status of the Vietnamese government and the level of access to open data of people and businesses in modern Vietnamese society, the study offers a perspective on the challenges and barriers posed to building open data systems in a developing country like Vietnam. In addition, we also propose several recommendations to deal with those challenges and barriers.

Keywords: open data, digital government, e-government, democracy, modern government, ensuring democracy, digital transformation, Vietnam.

---

* © Tu Thi Thoa, Nguyen Duc Cuong, 2022

For citing: Tu Thi Thoa, Nguyen Duc Cuong. Open data and democracy in digital government transformation in Vietnam // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 58–72. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/58-72>

Научная статья

ОТКРЫТЫЕ ДАННЫЕ И ДЕМОКРАТИЯ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ ЦИФРОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВО ВЬЕТНАМЕ*

Ты Тхи Тхоа¹, Нгуен Дык Кыонг²

^{1,2} Государственный университет управления, 109542, Россия, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

¹ Университет физического воспитания и спорта, 72714, Вьетнам, г. Хошимин, ул. Нгуен Трай, д. 639, tuthoahvhc@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8579-1846>

² Журнал политических наук, Академия политики Регион 2, 715100, Вьетнам, г. Хошимин, ул. Ман Тхен, д. 99, ngdcuong.vn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4404-0288>

Аннотация. В наши дни данные рассматриваются как ценный ресурс. Это помогает национальным правительствам планировать, осуществлять и контролировать государственную политику и услуги. Создание системы открытых данных, связанных с преобразованием цифрового правительства, является тенденцией многих стран мира, включая Вьетнам. Открытые данные обещают множество преимуществ с точки зрения повышения эффективности государственного управления, повышения прозрачности, подотчетности и, помимо этого, являются важным решением для обеспечения демократии. Но реальность показывает: реализация преимуществ открытых данных – очень сложный вопрос, поскольку он во многом зависит от социально-экономического контекста каждой страны, а также от способности использовать их и использовать данные смежных субъектов. В этом исследовании мы сосредоточимся на оценке последствий открытых данных как гарантии демократии в странах. В то же время, признавая нынешнюю ситуацию с созданием открытых данных вьетнамского правительства и уровнем доступа к открытым данным людей и предприятий в современном вьетнамском обществе, исследование даёт представление о проблемах и препятствиях на пути создания системы открытых данных в такой развивающейся стране, как Вьетнам. Кроме того, мы также

---

* © Ты Тхи Тхоа, Нгуен Дык Кыонг, 2022

предлагаем некоторые рекомендации по решению этих проблем и преодолению препятствий.

Ключевые слова: открытые данные, цифровое правительство, электронное правительство, демократия, современное правительство, обеспечение демократии, цифровая трансформация, Вьетнам.

Для цитирования: Ты Тхи Тхоа, Нгуен Дык Кыонг. Открытые данные и демократия в преобразовании цифрового правительства во Вьетнаме // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 58–72. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/58-72>

Introduction

Nowadays, open data building initiatives are booming around the world [29]. Providing appropriate data for those who are able to exploit and use can help promote socio-economic innovation as well as strengthen cooperation between the government and people and businesses. Open data with unrestricted privacy and non-secret [13] characteristics is expected to enhance democracy and improve the efficiency of state management [27]. However, for open data to truly work, governments need to constantly improve their data delivery capacity as well as expand people's access to information, seeing open data as a guaranteed solution for modern democracy.

Methods

This study uses the following research methods:

- Secondary document analysis method: is a process of reviewing and evaluating materials to develop an understanding of a research problem [2]. For this method, the author determines the importance of the data source to analyze. The author selected data from the Web of Science's collection as the main source of data for the analysis because of its reliability. It is a high-quality and comprehensive source of the database for academic research as it indexes thousands of well-known journals [6]. Keyword setup is conducted as an important step to getting the correct dataset [17]. The author consulted several experts on keywords, then identified the phrases: "open data", "digital government", "e-government", "democracy", "Vietnam" as the last search terms. In addition, the author has accessed and analyzed official sources from journals, books and research works in Vietnam. In particular, to provide an objective view of the current situation of open data construction and use in Vietnam, emphasizing the use of open data by businesses as a demonstration of the democracy in access to information and freedom in economic development in Vietnam, the author used the results of a sociological survey on the Vietnamese government's readiness to provide open data to the business sector conducted by World Bank experts in conjunction with the Government of Vietnam. As a result of this investigation, the author conducted an analysis and hypothesized about the challenges facing the construction and

use of open data in Vietnam today, after which, the author conducted in-depth interviews with experts and managers to find answers.

- In-depth interview method is implemented by the author through purposeful sampling and snowball sampling. Initially, the author identified the interview sample as 4 experts in the field of politics and law working at research institutes and universities in Vietnam and 5 managers from the leadership apparatus of big cities (2 in Ho Chi Minh City, 2 in Hanoi, and 1 in Da Nang). With the snowball sampling technique, the author was connected with 3 officials in charge of open data and digital government in big cities and 4 experts studying digital transformation in Vietnam today. The total sample of authors conducting in-depth interviews is 16 people. Because of the impact of the Covid-19 epidemic, the author uses a phone interview. Each interview lasted from 30 minutes to 45 minutes.

Results

Building government open data is tied to ensuring democracy

Building a digital government is the development orientation and goal of most countries in the world. Digital government is the next stage of e-government development, it is expected to bring huge benefits such as reducing corruption, increasing transparency and objectivity in the operation of the state apparatus, and cutting unnecessary spending sources [10]. The World Bank has made a point about the fundamental difference between e-government and digital government: data is integrated at hubs and shared widely, especially the access of open data with the active participation of all citizens, organizations, and businesses [29].

In this day and age, with the continuous development of science and technology, every country actively implements digital transformation. In the process, the data system created is extremely large, so the data is seen as a special resource for improvement and development. Recently, open data building initiatives have spread rapidly and are seen as a step forward in government management [14]. Open data is understood as the publication of information in an open and reusable format, without restrictions on usage rights and without charge in money for the use of society [15]. The benefits of open data are also viewed from many different perspectives such as: it can contribute to increased transparency and accountability [2; 5] from there, the use of data becomes more efficient and economical. In other words, open data is seen as a testament to transparency, creating opportunities for people to engage and interact with the government while providing diverse stakeholder collaboration [1; 19]. It contributes to increasing the openness of government operations [18; 19] as well as being a strong resource for innovation in the economic sphere, promoting the development of new business models [12].

In relation to democracy, the construction of open data is seen as a way to strengthen democracy through greater transparency, engagement and cooperation between people and government. This is evident in some of the following aspects:

First of all, open data creates transparency as well as increases people's understanding of government operations. Transparency is about facilitating and allowing people to be exposed to information [25] and the government should always uphold accountability [28]. Open data allows users to create applications from existing data, thus encouraging two-way feedback between citizens, businesses and governments [16]. With the support of today's modern science and technology, it is easier to use open data, it both helps the government transmit information to the people promptly while ensuring access to information of the public. This is also the basis for people to be more fully aware of their rights and obligations and actively participate in government decisions [20]. It can be said that open data along with its transparency not only helps increase people's trust in the quality of government data but also encourages people to use them in real processes. This is a very important factor in ensuring democracy.

In addition, with access to open data, people will understand the policy processes and objectives, thereby actively participating in the development of government policies as social owners. With an open data system, the government encourages people to learn about the complexity of policies and participate in discussing specific policies [9]. A full grasp of information will help people have a comprehensive view of the problem, have analysis, choose the advantages and disadvantages, predict different results [10], thereby giving the right and objective opinions. This is also the basis for the government to issue policies that are more suitable to the needs of society and meet the aspirations of the people [23].

In addition, the implementation of construction and use of open data creates conditions for people to perform the function of supervision for the operation of the state apparatus, contributing to reducing corruption and saving public spending. Clearly, the construction of digital government along with an open data system has a positive impact on anti-corruption work. With easy and convenient access to government information and services, people will cut down on unnecessary personal contacts, and they will monitor and limit arbitrary decisions of civil servants [3; 26]. It can be affirmed that the construction of open data is a useful solution in addressing the state's information monopoly, which is considered one of the causes of corruption and the loss of democracy today.

The process of building open data in Vietnam and its problems

Vietnam is a country located in Southeast Asia with a population of nearly 96 million people, living on an area of 330,967 km². As a country with a dominant non-agricultural economic structure (agriculture 17% of GDP, industry: 39% of GDP and services: 44% of GDP) at present, Vietnam is promoting an open economy and strengthening cooperation and diplomacy with other countries in the world. Up to now, Vietnam has diplomatic relations with 185 countries around the world, economic cooperation – trade – investment with 224 international partners; participates and actively contributes to 70 major international multilateral organizations, is a comprehensive partnership with the United Nations permanent countries and G7 countries [30].

Vietnam is making progress on the digital development journey step by step by embracing Technology 4.0. The government has had a clear interest and awareness of the country's opportunities and challenges in the new context. As a developing country, Vietnam has started building e-government quite slowly (since 2000) and has been transitioning to a digital government model from 2020. According to the United Nations E-Government Development Index, Vietnam ranks 86th out of 193 countries [7]. Although the achievements in building digital government are not many, Vietnam always emphasizes that: it is necessary to accelerate the building of digital government and open data system to ensure the people's ownership; build an environment and conditions for the state's policies to be more public, with the active participation of the people and better respond to the needs of the people. However, for this view and goal to become a reality, it requires not only guidelines and policies, but also awareness and acceptance from citizens, because democracy can only be realized and guaranteed with the participation of citizens. The question here is: has the process of building open data in digital government transformation, towards ensuring democracy in Vietnam today, has been done or not? What are the level of citizens and business understanding of open government data?

A survey by World Bank on the Vietnamese Government's open data available for businesses was conducted in Ho Chi Minh City (the largest socio-economic center in Vietnam) in 2018 [30]. There were 40 enterprises from 11 different industries involved, including large, medium and small enterprises. The survey has made many outstanding findings, but within the scope of this work, we only mention some findings regarding the level of awareness of the use of open data by businesses (table 1).

Table 1

The level of access of Vietnamese enterprises to open data

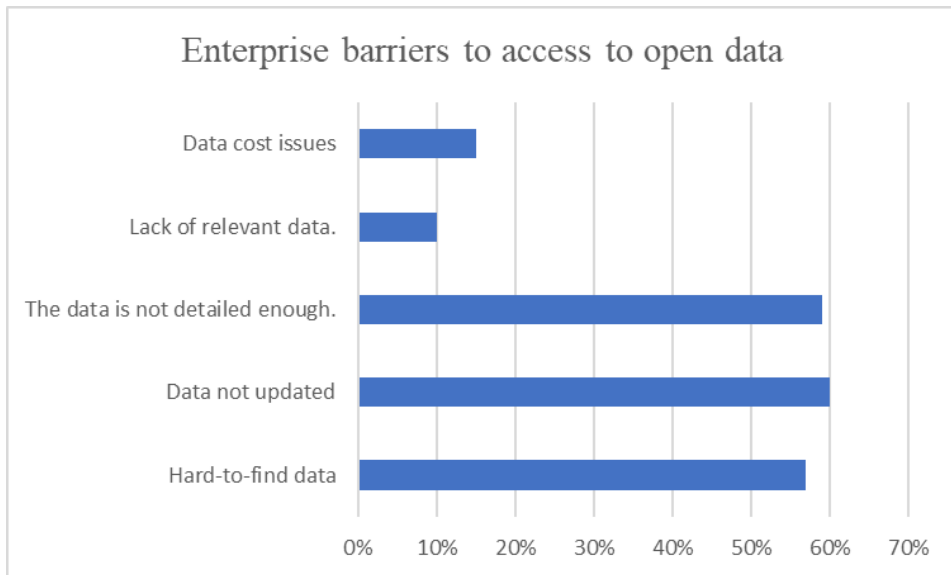
Review content	Description of results
Level of awareness about government data sources	3.25/5 – Average on a scale of 1 (not aware) – 5 (high awareness)
How important government data is for businesses	3.30/5 – Average on a scale of 1 (not aware) – 5 (high awareness)
Knowledge and skills to use open data	3.67/5 – Average on a scale of 1 (not aware) – 5 (high awareness)
How responsive the government is to data demands	3.31/5 – Average on a scale of 1 (not aware) – 5 (high awareness)

Source: author's synthesis from survey results of the Government of Vietnam and the World Bank [30]

It is worth noting here: currently, most businesses in Vietnam need to use information from the government to exploit and serve production and business activities (66%), but

when asked about the level of awareness of open data sources of the Government, Almost no business is familiar with the concept or terminology of open data, and few of them are aware of copyright issues and regulatory barriers, even many businesses do not trust the current government data system and assume that the data provided by the government is of low value. The level of access to open data sources is only 3.25/5 points.

Next, discuss the barriers for businesses in their exposure to open government data. From the results of the above survey, we illustrate in the form of the following chart (fig. 1):

Figure 1: Barriers to Vietnamese businesses in accessing open government data
Source: author's compilation

Thus, it can be seen that there are many problems for building open data in digital government transformation in Vietnam today, including two main issues, namely: the quality of government-provided data sources is limited and the level of awareness, approach of businesses and people have not met the requirements of digital government development. So what are the reasons for this situation and the challenges facing the Vietnamese government in building open data today?

Through the results of in-depth interviews with 16 experts and managers in Vietnam, we found that the causes and problems posed to open data building in digital government transformation in Vietnam are as follows:

First, there is a lack of a legal framework for open data building: Currently, although the Vietnamese government is aware of the importance of building open data because of the enormous benefits it brings, the government has not yet developed a specific regulatory framework for this issue. Currently, Vietnamese state agencies and civil servants do

not have a clear understanding of what data is opened and which data must be closed. Most of the managers interviewed said that it was the lack of clarity in the current classification of open and confidential data by the Government that led to the fear of state agencies in providing information. This makes the government's open-source of information poor and does not meet the needs of people and businesses. This is the reason for the lack of trust and expectation of open data provided by the Government.

Second, there is a lack of expertise in open data construction. The construction of open data requires a team of highly skilled technical experts in the field of information technology, but currently, in Vietnam, the number of highly skilled engineers is very small. Moreover, these people are often attracted to the private sector with many attractive salaries and remuneration regimes (9 experts interviewed all agree with this view). It is the lack of highly specialized IT engineers in the public sector that is the cause of the slow construction of open data systems, lack of flexibility, substandard data format and lack of security of users' personal information.

Third, there is a lack of coordination mechanisms between state agencies, central authorities and local authorities in building open data. 12 of the experts and managers interviewed concluded that the lack of synchronous coordination between state agencies and levels in the process of building open data in Vietnam is now a major barrier. Vietnam has yet to build a shared internal database system for all levels of government, a digital information platform mainly concentrated in central agencies. Local agencies have difficulty accessing, even having a lot of data that restricts local access. In addition, the data source provided by different central agencies is overlapping, inconsistent, leading to people and businesses difficult to select during the search process. In particular, there exists the situation of information scattered in many websites with many different formats, creating many difficulties for people and businesses in the process of access.

Fourth, people's access to open data is limited. Although Vietnam is currently rated as a country with a high rate of technological penetration (mobile penetration rate is 128%, much higher than the average of the Asia Pacific region (98.9%); global Internet penetration rate is 52.7%; social network penetration rate is 40.8%) [30], however, it must be acknowledged that currently, Vietnamese people are not used to researching and using public services online as well as accessing open data sources. Except for a segment of the population in large cities and the young intellectual class, the majority of people, especially those living in rural areas, do not have the skills to use technology in the search for data and use of public services online of the state. The contribution of opinions to state decisions to express democratic rights is made only through direct contributions at meetings, or in boxes of comments at the offices of state agencies. This is a major difficulty in achieving the goal of ensuring democracy through the open data system of the Vietnamese Government current.

Fifth, there are many limitations in propaganda and dissemination of open data. Although in recent years, the Vietnamese Government has renewed the form of propaganda and

dissemination of new guidelines and policies, including the Government's policy of promoting the construction, exploitation and use of open data but people still do not have much access to this information source. This stems from the lack of robustness in the government's propaganda. Poor propaganda content, lack of attractiveness and lack of diversification of propaganda forms are major limitations [8]. This is the reason for the awareness of citizens as well as civil servants about the goal of building open data and the importance of open data is not high. Obviously, with the advancement of the open data building movement, all types of public organizations are under pressure to publish their data because most of the data is collected at the local level [4] but at present, even residents and local authorities are not aware of their rights and obligations to open data. Are the benefits of open data available?

Discussion

It can be said that building open data brings great benefits. It helps the government improve transparency and publicity because people always have the information they need to be able to compare and collate; at the same time, allowing access to information and data is to create the most favorable conditions for people to exercise democratic rights and participate in state management [21]. Recognizing the practice of building open data associated to ensure democracy in Vietnam today, it can be seen that although the Government is aware of the importance of building open data, the Government has not yet demonstrated its readiness to provide data because there are still many limitations in the legal framework and professional capacity. At the same time, the lack of people's expectations for open government data and the lack of skills, cognitive capacity and use of open data are also barriers to promoting the benefits of open data in Vietnam today.

Third, focus on the selection and recruitment of high-quality IT engineers to serve the implementation and application of information technology in the process of building open data. At the same time, promote training and fostering skills in building, organizing, sharing and exploiting open data for existing public sector human resources.

Fourth, focus on the propaganda and disclosure of information on open data sharing. It can be affirmed that open data only maximize the benefits when there is active participation from individuals, organizations and businesses outside of society. Therefore, it is necessary to further promote propaganda activities so that each citizen and business is aware of the benefits of participating, using and contributing to the construction of open data, encouraging people to participate more in state management activities. This is the premise to be able to successfully build the current digital government initiative.

Conclusions

Building government open data as a solution to ensure democracy is an inevitable development trend in the modern world. As society develops, the need to exercise freedom and democracy is increasing. The strong application of information technology in

state management and publicity and transparency of information for the people is something that governments should do and need to do. In this process, the participation of the people and the management and administration capacity of the government should be considered as the two most important factors. For a developing country like Vietnam, the lack of necessary resources, especially high-quality human resources, is a major barrier in building open data and digital government. At the same time, several other barriers such as the legal system, the accessibility of the people, the educational level, etc. are also issues that need attention. However, these barriers can still be overcome with efforts from the government and the consensus of the whole society. This is also an open issue for further studies on digital government and open data in Vietnam today.

Список источников

1. Benchmarks for evaluating the progress of open data adoption: usage, limitations, and lessons learned / I. Susha, A. Zuiderwijk, M. Janssen, Å. Grönlund // *Social Science Computer Review*. 2015. Vol. 33 (5). P. 613–630. DOI:10.1177/0894439314560852.
2. Bowen G. Document analysis as a qualitative research method // *Qualitative Research Journal*. 2009. Vol. 9 (2). P. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.3316/QRJ0902027>.
3. Cho Y. H., Choi B-D. E-government to combat corruption: The case of Seoul Metropolitan Government // *International Journal of Public Administration*. 2004. Vol. 27 (10). P. 719–735. DOI: <https://doi.org/10.1081/PAD-200029114>.
4. Conradie P., Choenni S. On the barriers for local government releasing open data // *Government Information Quarterly*. 2014. Vol. 31, suppl. 1. P. 10–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.giq.2014.01.003>.
5. Corti L., Fielding N., Bishop L. Editorial for special edition, digital representations: Re-using and publishing digital qualitative data // *SAGE Open*. 2016. Vol. 6. Art. no. 1. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F2158244016678911>.
6. Dahlander L., Gann D. M. (2010) How open is innovation? // *Research Policy*. 2010. Vol. 39 (6). P. 699–709. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.respol.2010.01.013>.
7. День Тхи Хьонг Джанг. Барьеры на пути построения цифрового правительства во Вьетнаме сегодня // *Политическая теория*. 2020. № 12. С. 96–100. Вьет.
8. День Тхи Май. Обновление содержания и методов пропаганды для создания единства в партии и консенсуса в обществе // *Журнал пропаганды*. 2019. № 4. С. 19–23. Вьет.
9. Evans A. M., Campos A. Open government initiatives: Challenges of citizen participation // *Journal of Policy Analysis and Management*. 2013. Vol. 32 (1). P. 172–203. DOI: <https://doi.org/10.1002/pam.21651>.
10. Francoli M. "Developing a strategy for effective e-government: findings from Canada", public administration and information technology // *Government e-Strategic*

Planning and Management / ed. by L. G. Anthopoulos, C. G. Reddick Ed. 127. Springer, 2014. P. 143–155. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-1-4614-8462-2_8.

11. Hansson K., Belkacem K., Ekenberg L. Open government and democracy: A research review // *Social Science Computer Review*. 2015. Vol. 33 (5). P. 540–555. DOI:10.1177/0894439314560847.

12. Janssen M., Charalabidis Y., Zuijderwijk A. Benefits, adoption barriers and myths of open data and open government // *Information Systems Management*. 2012. Vol. 29. P. 258–268. DOI: <https://doi.org/10.1080/10580530.2012.716740>.

13. Janssen M., Zuijderwijk A. Infomediary business models for connecting open data providers and users // *Social Science Computer Review*. 2014. Vol. 32 (5). P. 694–711. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0894439314525902>.

14. Johnson P., Robinson P. Civic hackathons: Innovation, procurement, or civic engagement? // *Review of Policy Research*. 2014. Vol. 31 (4). P. 349–357. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/ropr.12074>.

15. Kalampokis E., Tambouris E., Tarabanis K. Open government data: A stage model // *Electronic Government 2011* / ed. by M. Janssen, H. J. Scholl, M. A. Wimmer [et al.]. Berlin, Heidelberg: Springer, 2011. P. 235–246.

16. Kassen M. A promising phenomenon of open data: A case study of the Chicago open data project // *Government Information Quarterly*. 2013. Vol. 30. P. 508–513. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.giq.2013.05.012>.

17. Lu L. Y. Y., Liu J. S. The knowledge diffusion paths of corporate social responsibility – from 1970 to 2011 // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2014. Vol. 21 (2). P. 113–128. DOI: <https://doi.org/10.1002/csr.1309>.

18. Luna-Reyes L. F., Bertot J. C., Mellouli S. Editorial: Open government, open data and digital government // *Government Information Quarterly*. 2014. Vol. 31. P. 4–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.GIQ.2013.09.001>.

19. McDermott P. Building open government // *Government Information Quarterly*, 2010. Vol. 27. P. 401–413. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.giq.2010.07.002>.

20. Meijer A. J., Curtin D., Hillebrandt M. Open government: connecting vision and voice // *International Review of Administrative Sciences*. 2012. Vol. 78 (1). P. 10–29. DOI:10.1177/0020852311429533.

21. Нгуен Туан Ань. Открытые данные в контексте промышленной революции 4.0 // *Вьетнамский журнал науки и технологий*. 2020. № 12. С. 10–12. Вьет.

22. Open data quality measurement framework: Definition and application to open government data / A. Vetrò, L. Canova, M. Torchinao, C. Minotas, R. Iemma, F. Morando. *Government Information Quarterly*. 2016. Vol. 33 (2). P. 325–337. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016%2Fj.giq.2016.02.001>.

23. Open government and e-government: Democratic challenges from a public value perspective / T. M. Harrison, S. Guerrero, G. B. Burke, M. Cook, A. Cresswell,

N. Helbig, T. A. Pardo // *Information Polity*. 2012. Vol. 17. P. 83–97. DOI: <http://dx.doi.org/10.3233/IP-2012-0269>.

24. Opening research data: Issues and opportunities / S. Childs, J. McLeod, E. Lomas, G. Cook // *Records Management Journal*. 2014. Vol. 24. P. 142. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/RMJ-01-2014-0005>.

25. Pasquier M., Villeneuve J. P. Organizational barriers to transparency // *International Review of Administrative Sciences*. 2007. Vol. 73 (1). P. 147–162. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020852307075701>.

26. Relly J. E. Examining a model of vertical accountability: A cross-national study of the influence of information access on the control of corruption. *Government Information Quarterly*, 2012, vol. 29 (3), pp. 335–345. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.giq.2012.02.011>.

27. Safarov I., Meijer A., Grimmelikhuijsen S. Utilization of open government data: A systematic literature review of types, conditions, effects and users. *Information Polity*, 2017, vol. 22 (1), pp. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.3233/IP-160012>.

28. Shkabatur J. Transparency with(out) accountability: Open government in the United States. *Yale Law & Policy Review*, 2012, vol. 31 (1), pp. 79–140.

29. Тран Куанг Сон, Буй Тхи Хюэ. Открытые данные в трансформации цифрового правительства во Вьетнаме // *Журнал промышленности и торговли*. 2021. № 1. С. 140–145. Вьет.

30. World Bank. Government of Vietnam. 2019. Digital Government and Open Data Readiness Assessment. World Bank, Washington, DC. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32547>

References

1. Susha I., Zuiderwijk A., Janssen M., Grönlund Å. Benchmarks for evaluating the progress of open data adoption: usage, limitations, and lessons. *Social Science Computer Review*, 2015, vol. 33 (5), pp. 613–630. DOI: [10.1177/0894439314560852](https://doi.org/10.1177/0894439314560852).

2. Bowen G. Document analysis as a qualitative research method. *Qualitative Research Journal*, 2009, vol. 9 (2), pp. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.3316/QRJ0902027>.

3. Cho Y. H., Choi B-D. E-government to combat corruption: The case of Seoul Metropolitan Government. *International Journal of Public Administration*, 2004, vol. 27 (10), pp. 719–735. DOI: <https://doi.org/10.1081/PAD-200029114>.

4. Conradie P., Choenni S. On the barriers for local government releasing open data. *Government Information Quarterly*, 2014 vol. 31, suppl. 1, pp. 10–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.giq.2014.01.003>.

5. Corti L., Fielding N., Bishop L. Editorial for special edition, digital representations: Re-using and publishing digital qualitative data. *SAGE Open*, 2016, vol. 6, art. no. 1. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F2158244016678911>.

6. Dahlander L., Gann D. M. (2010) How open is innovation? *Research Policy*, 2010, vol. 39 (6), pp. 699–709. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.respol.2010.01.013>.
7. Dinh Thi Huong Giang. Barriers to building a digital government in Vietnam today. *Political theory Journal*, 2020, no. 12, pp. 96–100. (In Viet.).
8. Dinh Thi Mai. Renovating propaganda content and methods to create unity in the party and consensus in society. *Propaganda Journal e*, 2019, no. 4, pp. 45–49. (In Viet.).
9. Evans A. M., Campos A. Open government initiatives: Challenges of citizen participation. *Journal of Policy Analysis and Management*, 2013, vol. 32 (1), pp. 172–203. DOI: <https://doi.org/10.1002/pam.21651>.
10. Francoli M. "Developing a strategy for effective e-government: findings from Canada", public administration and information technology. In: L. G. Anthopoulos, C. G. Reddick (ed.). *Government e-Strategic Planning and Management*. Ed. 127. Springer, 2014, pp. 143–155. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-1-4614-8462-2_8.
11. Hansson K., Belkacem K., Ekenberg L. Open government and democracy: A research review. *Social Science Computer Review*, 2015, vol. 33 (5), pp. 540–555. DOI: [10.1177/0894439314560847](https://doi.org/10.1177/0894439314560847).
12. Janssen M., Charalabidis Y., Zuijderwijk A. Benefits, adoption barriers and myths of open data and open government. *Information Systems Management*, 2012, vol. 29, pp. 258–268. DOI: <https://doi.org/10.1080/10580530.2012.716740>.
13. Janssen M., Zuijderwijk A. Infomediary business models for connecting open data providers and users. *Social Science Computer Review*, 2014, vol. 32 (5), pp. 694–711. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0894439314525902>.
14. Johnson P., Robinson P. Civic hackathons: Innovation, procurement, or civic engagement? *Review of Policy Research*, 2014, vol. 31 (4), pp. 349–357. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/ropr.12074>.
15. Kalampokis E., Tambouris E., Tarabanis K. Open government data: A stage model. In: Janssen M., Scholl H. J., Wimmer M. A. et al. (eds). *Electronic Government 2011*. Berlin, Heidelberg: Springer, 2011, pp. 235–246.
16. Kassen M. A promising phenomenon of open data: A case study of the Chicago open data project. *Government Information Quarterly*, 2013, vol. 30, pp. 508–513. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.giq.2013.05.012>.
17. Lu L. Y. Y., Liu J. S. The knowledge diffusion paths of corporate social responsibility – from 1970 to 2011. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2014, vol. 21 (2), pp. 113–128. DOI: <https://doi.org/10.1002/csr.1309>.
18. Luna-Reyes L. F., Bertot J. C., Mellouli S. Editorial: Open government, open data and digital government. *Government Information Quarterly*, 2014, vol. 31, pp. 4–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.GIQ.2013.09.001>.
19. McDermott P. Building open government. *Government Information Quarterly*, 2010 vol. 27 pp. 401–413. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.giq.2010.07.002>.

20. Meijer A. J., Curtin D., Hillebrandt M. Open government: connecting vision and voice. *International Review of Administrative Sciences*, 2012, vol. 78 (1), pp. 10–29. DOI:10.1177/0020852311429533.
21. Nguyen Tuan Anh. Open data in the context of industrial revolution 4.0. *Vietnam Science and Technology Journal*, 2020, no. 12, pp. 10–12. (In Viet.).
22. Vetrò A., Canova L., Torchinao M., Minotas C., Iemma R., Morando F. Open data quality measurement framework: Definition and application to open government data. *Government Information Quarterly*, 2016, vol. 33 (2), pp. 325–337. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016%2Fj.giq.2016.02.001>.
23. Harrison T. M., Guerrero S., Burke G. B., Cook M., Cresswell A., Helbig N., Pardo T. A. Open government and e-government: Democratic challenges from a public value perspective. *Information Polity*, 2012, vol. 17, pp. 83–97. DOI: <http://dx.doi.org/10.3233/IP-2012-0269>.
24. Childs S., McLeod J., Lomas E., Cook G. Opening research data: Issues and opportunities. *Records Management Journal*, 2014, vol. 24, pp. 142. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/RMJ-01-2014-0005>.
25. Pasquier M., Villeneuve J. P. Organizational barriers to transparency. *International Review of Administrative Sciences*, 2007, vol. 73 (1), pp. 147–162. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020852307075701>.
26. Relly J. E. Examining a model of vertical accountability: A cross-national study of the influence of information access on the control of corruption. *Government Information Quarterly*, 2012, vol. 29 (3), pp. 335–345. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.giq.2012.02.011>.
27. Safarov I., Meijer A., Grimmelikhuijsen S. Utilization of open government data: A systematic literature review of types, conditions, effects and users. *Information Polity*, 2017, vol. 22 (1), pp. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.3233/IP-160012>.
28. Shkabatur J. Transparency with(out) accountability: Open government in the United States. *Yale Law & Policy Review*, 2012, vol. 31 (1), pp. 79–140.
29. Tran Quang Son, Bui Thi Hue. Open data in digital government transformation in Vietnam. *Industry and Trade Journal*, 2021, no. 1, pp. 140–145. (In Viet.).
30. World Bank. Government of Vietnam. 2019. Digital Government and Open Data Readiness Assessment. World Bank, Washington, DC. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32547>

Information about the authors

Tu Thi Thoa – Post-graduate Student of the State University of Management, Moscow, Russia; Lecturer, deputy dean of the Faculty of Political Theory and Pedagogy, Ho Chi Minh City University of Physical Education and Sports, Ho Chi Minh City, Viet Nam.

Nguyen Duc Cuong – Post-graduate Student of the State University of Management, Moscow, Russia; Lecturer, Deputy Head of Administrative Department, Journal of Political Science, Academy of Politics Region 2, Ho Chi Minh City, Viet Nam.

Информация об авторах

Ты Тхи Тхоа – аспирант Государственного университета управления, г. Москва, Россия; преподаватель, заместитель декана факультета политической теории и профессиональной педагогики Университета физического воспитания и спорта, г. Хошимин, Вьетнам.

Нгуен Дык Кьонг – аспирант Государственного университета управления г. Москва, Россия; преподаватель, заместитель начальника административного отдела, Журнал политических наук, Академия политики регион 2, г. Хошимин, Вьетнам.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 73–84.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 73–84.

Научная статья

УДК 327(510:519.5):327.8(73)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/73-84>

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ И ЮЖНОЙ КОРЕИ: РОЛЬ АМЕРИКАНСКОГО ФАКТОРА*

Сочжу Хуан

Дальневосточный федеральный университет, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований, 690922, Россия, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, Li0451-0451@yandex.ru

Аннотация. За 30 лет, прошедших с момента установления дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой (КНР) и Республикой Корея (РК), взаимоотношения между двумя странами динамично развивались, демонстрируя успехи двустороннего сотрудничества в различных областях. Одним из важных факторов, определяющих текущее состояние и будущее китайско-южнокорейских отношений, остаётся фактор США. Для достижения своей стратегической цели сдерживания Китая США используют «северокорейскую угрозу» как предлог для развёртывания в регионе противоракетных систем, рассматривая Японию и Республику Корея (Южную Корею) в качестве опоры для построения антикитайского окружения и создания Индо-Тихоокеанского аналога НАТО. Асимметрия южнокорейско-американского альянса остаётся одной из важных причин ограничивающего американского фактора для южнокорейской дипломатии и серьёзным препятствием для дальнейшего развития китайско-южнокорейских отношений. После окончания холодной войны увеличение национальной мощи, благодаря быстрому экономическому росту, расширило масштабы и цели внешней политики Южной Кореи и позволило войти ей в число региональных средних держав. В контексте китайско-американской конкуренции Южная Корея, с одной стороны, применяет стратегию «следования» («bandwagoning») в отношениях с США, с другой – стремится к национальной стратегической автономии. Её будущая роль и место в системе международных отношений во многом будет определять то, как Южная Корея будет справляться с рисками, вызванными конкуренцией великих держав, и сможет ли она избежать повторного вовлечения в конкуренцию или конфликт ве-

---

* © Хуан Сочжу, 2022

ликих держав. Сегодня она сталкивается с необходимостью принимать правильные решения и делать правильный выбор.

Ключевые слова: внешняя политика, региональная безопасность, китайско-южнокорейские отношения, американский фактор, Индо-Тихоокеанская стратегия, декитаизация, стратегия следования, внешнеполитическая автономия.

Для цитирования: Хуан Сочжу. Отношения Китая и Южной Кореи: роль американского фактора // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 73–84. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/73-84>

Original article

RELATIONS BETWEEN CHINA AND SOUTH KOREA: THE ROLE OF THE AMERICAN FACTOR

Suozhu Huang

Far Eastern Federal University, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, 690922, Russia, Vladivostok, Fr. Russian, p. Ajax, 10, building D, Li0451-0451@yandex.ru

Abstract. In the 30 years that have passed since the establishment of diplomatic relations between the People's Republic of China (PRC) and the Republic of Korea (RK), relations between the two countries have developed dynamically, demonstrating the success of bilateral cooperation in various fields. The Influence of the United States is one of the important factors determining the current state and prospects for the development of Sino-South Korean relations. Pursuing the political and economic deterrence of China, the United States uses the "North Korean threat" as a pretext for the USA to deploy anti-missile systems in the region while using Japan and South Korea as a springboard for supporting US policy and building an anti-Chinese circle of encirclement and creating an Indo-Pacific equivalent of NATO. The asymmetry of the US alliance with South Korea remains one of the important reasons limiting the development of Sino-South Korean relations. After the end of the cold war, the increase in national power due to the rapid economic growth expanded the scope and goals of South Korea's foreign policy, which allowed it to become one of the regional powers. In the context of Sino-American competition, on the one hand, South Korea applies a strategy of "following" ("bandwagoning") in relations with the United States. On the other hand, it strives for national strategic autonomy. Its future role and place in the system of international relations will largely determine how South Korea will cope with the risks caused by the competition of the great Powers and if it will be able to avoid re-involvement in the competition or conflict of the

great powers. Today, the country faces the need to make the right decisions and make the right choice.

Keywords: Foreign policy, regional security, Sino-South Korean relations, American factor, Indo-Pacific strategy, de-sinofication, strategy “bandwagoning”, foreign policy autonomy.

For citation: Huang Suozhu. Relations between China and South Korea: the role of the American factor // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no 2. P. 73–84. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/73-84>

1. Место и роль американского фактора в китайско-южнокорейских отношениях

В целом китайско-южнокорейские отношения являются стабильными, сохраняя в течение продолжительного времени позитивную тенденцию. Однако тесные экономические связи не смогли устранить потенциальное политическое недоверие между двумя странами. В контексте китайско-американской конкуренции геополитическое значение Республики Корея как средней державы особенно заметно. США постоянно укрепляют военное сотрудничество и сотрудничество в цепочках поставок с Южной Кореей, стремясь вовлечь её в стратегический альянс для сдерживания Китая и достижения цели деконтаизации в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Американское Индо-Тихоокеанское НАТО. В 2010 г. США анонсировали стратегию возвращения в Азиатско-Тихоокеанский регион. Это – одна из наиболее важных глобальных стратегических корректировок, внесённых США после холодной войны, а также политика, которая оказывает наибольшее воздействие на внешнюю среду Китая. 11 февраля 2022 г. администрация президента Дж. Байдена опубликовала новую «Индо-Тихоокеанскую стратегию». Это первый случай, когда администрация Дж. Байдена опубликовала документы, связанные с Индо-Тихоокеанской стратегией. Основное содержание новой Индо-Тихоокеанской стратегии заключается в сдерживании расширения влияния Китая в Индо-Тихоокеанском регионе и сохранении основных интересов и лидерства США в регионе [16]. С обострением китайско-американского конфликта намерение США создать стратегическое окружение Китая становится всё более очевидным. 31 августа 2020 г. заместитель госсекретаря США С. Бигэн в ходе Американско-индийского форума стратегического партнерства (USISPF) посетовал на то, что в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) отсутствует такая сильная многосторонняя структура, как НАТО. Для исправления этого, подчеркнул он, мы можем начать с четырёхстороннего диалога по безопасности между США, Японией, Индией и Австралией (QUAD) с постепенным расширением сферы его применения [3]. 12 марта 2021 г. произошло знаковое событие в рамках ИТР – первый саммит на высшем уровне с

участием глав четырёх государств QUAD. В ходе встречи стороны неоднократно затрагивали тему безопасности в ИТР и роль Китая, направляя недвусмысленные сигналы мировой общественности о готовности выступить единым фронтом для сдерживания китайских амбиций [5, с. 20]. Очевидно, что США хотят создать в регионе «Индо-Тихоокеанское НАТО» для защиты от потенциальных вызовов со стороны Китая, структура которого будет основываться на Четырёхстороннем диалоге по безопасности. Для того, чтобы играть более эффективную роль, продолжать наращивать потенциал стратегического сдерживания и оформить право голоса на коллективные действия, Четырёхсторонний диалог нуждается в увеличении числа своих государств-членов. Как союзник США в регионе Южная Корея в этом случае определённно превращается в приоритет. Кроме того, К. Кэмпбелл, координатор администрации Дж. Байдена по Индо-Тихоокеанскому региону, также отметил, что расширение QUAD очень важно и что США поддерживают британскую идею создания альянса 10 демократических государств (D-10). По его словам, союзники и партнёры необходимы для формирования альянсов в ответ на вызов Китая [8, с. 21]. 11 июня 2021 г. в Великобритании состоялся саммит Группы G7. К участию была приглашена Южная Корея, наряду с Австралией, Индией и Южной Африкой. Видно, что Южная Корея фактически косвенно участвовала в QUAD.

ТНААД: клин США в китайско-южнокорейские отношения. Чтобы сдержать Китай, получить преимущество и региональный голос в СВА, использование американской «стратегии клина» в основном отражается в укреплении собственных союзнических отношений и разделении отношений Китая с соседями. Одновременно это также предполагает активизацию усилий по построению правил [6, с. 147]. Дифференциация отношений Китая и Северной Кореи, а также Китая и Южной Кореи является попыткой ослабить влияние Китая в региональных делах Северо-Восточной Азии (СВА), чтобы сохранить доминирующее положение США. Ввод ТНААД (мобильный противоракетный комплекс (ПРК) дальнего перехвата) в Южную Корею на самом деле является «клином» между Китаем и Южной Кореей, который вбили США. Это не только серьёзно снижает политическое взаимное доверие между Китаем и Южной Кореей, вызывая экономические трения между Китаем и Южной Кореей и изменения в настроениях людей, но также предоставляет возможность интегрировать Южную Корею в систему противоракетной обороны США, создавая тем самым скрытую опасность для устойчивого развития китайско-южнокорейских отношений [13, с. 26]. После прихода к власти администрации Дж. Байдена военные Южной Кореи и США всё ещё продвигают техническое обслуживание и строительство базы ТНААД. Очевидно, дымка ТНААД полностью не рассеялась.

Снятие ограничений на военную мощь Южной Кореи. Как полагает Д. Лиска, в дополнение к повышению способности страны реагировать на конфликты и агрессию, альянс также может сдерживать союзников и избегать действий, влияющих на

региональную нестабильность [17]. Корейско-американский альянс – это асимметричный союз между большой страной и меньшей страной, заключённый после Корейской войны. В асимметричных союзнических отношениях Южная Корея, как слабая и меньшая страна, всегда принимала гарантии безопасности США, чтобы избежать угроз безопасности, исходящих от Северной Кореи, жертвуя при этом собственной автономией. В контексте постепенного превращения Южной Кореи в среднюю державу и ослабления американского влияния США постепенно ослабляются ограничения на военные силы Южной Кореи. Во-первых, на это указывает прекращение «Руководства по использованию ракет Сеулом». 21 мая 2021 г., во время визита президента Мун Чжэ Ина в США, обе стороны договорились о прекращении действия «Руководства по использованию ракет Сеулом», которое ограничивает баллистические ракеты Южной Кореи. Прекращение действия Руководства можно рассматривать как компромисс США, а также как поддержку правительством США южнокорейского правительства в контексте усиления китайско-американской конкуренции. Чтобы снизить затраты на стратегическое сдерживание, США согласились увеличить ракетный потенциал своих союзников [7, с. 59]. Это означает, что Южная Корея приобретает определённую автономию в деле разработки ракет, при этом дальность и вес ракет не подлежат никаким ограничениям.

Во-вторых, это передача боевого командования. По прошествии более чем полувека переговоры между США и Южной Кореей о передаче боевого командования проходили не вполне гладко, но поэтапный прогресс всё же имел место. После того, как Мун Чжэ Ин стал президентом Южной Кореи в мае 2017 г., вопрос о передаче боевого командования военного времени снова был поставлен на повестку дня. 31 октября 2018 г. обе стороны достигли соглашения о сохранении американских военных в Южной Корее и Объединённом командовании южнокорейско-американских сил после того, как американские военные передали боевое командование южнокорейской стороне. В результате процесс совместной оценки боеспособности южнокорейской армии, необходимый для передачи командования в военное время, будет ускорен [15].

Перестройка цепочек поставок с целью постепенного осуществления декитаизации. В период президента Д. Трампа он активно способствовал созданию «Сети экономического процветания» (Economic Prosperity Network: EPN), которая является одной из идей декитаизации глобальных цепочек поставок. Она направлена на то, чтобы перестроить глобальные цепочки поставок для создания антикитайского экономического окружения [12, с. 47]. Политика администрации Дж. Байдена в отношении Китая уже имеет основные характеристики внутренней и международной координации, антикитайской направленности и сдерживания Китая. Именно в этом смысл его заявления об «экстремальной конкуренции» с Китаем [14, с. 2]. Для повышения темпа декитаизации США также объединяют усилия с

Японией, Австралией, Индией, Южной Кореей, Вьетнамом и другими странами, проводя встречи на уровне заместителей министров иностранных дел и сосредоточивая внимание на том, как построить более устойчивую глобальную цепочку поставок, которая заменит Китай. 12 апреля 2021 г. президент США лично председательствовал на конференции Белого дома по полупроводникам, в которой приняли участие такие крупные компании, как INTEL и SAMSUNG. Полупроводники и чипы являются слабыми сторонами Китая. Байден пригласил SAMSUNG принять участие во встрече, его цель состоит в том, чтобы ещё больше усилить экспортные ограничения на китайскую технологическую продукцию, чтобы сохранить технологическое отставание Китая на период более двух поколений. Экономические связи между Китаем и Южной Кореей становятся всё теснее и теснее, и эта ситуация – именно то, чего США не хотят видеть. В настоящее время США и их союзники осуществили всеобъемлющую экономическую блокаду Китая, и Южная Корея будет играть важную роль в достижении цели сдерживания Китая. Согласно сообщениям корейских СМИ, правительство США предложило правительству Южной Кореи и крупным полупроводниковым компаниям сформировать «Четырёхсторонний Чип Альянс» (CHIP 4), направив также приглашения Японии и Тайваню. Цель состоит в том, чтобы сдерживать развивающуюся полупроводниковую промышленность в Китае [10].

2. Выбор Южной Кореи

В контексте усиления стратегической конкуренции между Китаем и США Южная Корея поддерживает тесные связи с обеими сторонами. Согласно реалистической парадигме теории международных отношений, Республика Корея как региональная средняя держава имеет три стратегических варианта внешней политики: во-первых, она может вступать в альянсы с существующими странами-гегемонами и принять «стратегию следования»; во-вторых, она может заключать союзы с географически близкими странами-субдержавами, чтобы уравновесить соседние страны или наиболее могущественные страны-гегемоны за пределами региона (это так называемая активная «стратегия балансирования»); в-третьих, она может проводить внутреннюю политику балансирования, укрепляя национальную оборону, проводя независимую внешнюю политику и стремясь использовать «стратегию избегания» конкуренции альянсов и великих держав через многосторонние институциональные механизмы [2]. С точки зрения реальности, Южная Корея скорректировала свою политику в соответствии со стратегией США в отношении Китая и стала ещё активнее следовать в фарватере политики Вашингтона [13]. В то же время усилия Южной Кореи по сохранению стратегической автономии также усиливаются, что отражает её стремление к большей роли в двусторонних отношениях между Южной Кореей и США и политике в отношении Северной Кореи, которая затрагивает ключевые интересы.

Принятие стратегии следования. К. Райт в своей монографии определил «следование» как «присоединение к более влиятельной стороне» и считал, что с точки зрения поведения в национальной политике «следование» и «сдержки и противовесы» противоположны друг другу [19, с. 136]. В китайско-американской игре Южная Корея долго настаивала на стратегии неопределённости и изо всех сил старалась избежать в ней участия. Однако под влиянием стратегического соперничества между Китаем и США сотрудничество Южной Кореи с США укрепилось, и в определённой степени она стала склоняться к политике стратегического соперничества США с Китаем. Ещё при администрации Б. Обамы, с возвращением США в Азиатско-Тихоокеанский регион и усилением политики сдержек и противовесов с Китаем, правительства Ли Мен Бака и Пак Кын Хе добились большого прогресса в сотрудничестве с США. В частности, южнокорейско-американский альянс превратился из оборонительного в наступательный, из альянса, сосредоточенного на вопросах безопасности Корейского полуострова, – в региональный альянс, который может вмешиваться в дела региональной безопасности [11, с. 95]. С корректировкой политики администрации Дж. Байдена в отношении союзников сотрудничество в стратегических областях между Южной Кореей и США значительно укрепилось. Правительство США приложило немало усилий, чтобы вовлечь Южную Корею в Индо-Тихоокеанскую стратегию, QUAD, Большую семёрку (G7) и другие лагеря для сдерживания Китая. Связанные с Китаем вопросы стали важными темами между Южной Кореей и США. Впервые «Совместное заявление президентов США и Республики Корея» в мае 2021 г. охватило вопросы «поддержания мира и стабильности в Тайваньском проливе» и «свободы судоходства в Южно-Китайском море». Более того, в Совместном заявлении говорится, что Южная Корея и США выступают против всех действий, которые препятствуют, угрожают международному порядку или нарушают его, прилагают все необходимые усилия для поддержания инклюзивного, свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона и будут продолжать содействовать реализации сопряжения «Новой южной политики» и «Индо-Тихоокеанской стратегии».

Стремление к национальной стратегической автономии. Зачастую при формировании альянсов страны могут столкнуться с дилеммой «abandonment – entrapment», то есть сильные страны опасаются, что на них повлияют действия малых стран, обусловленные их национальными интересами; напротив, малые страны опасаются, что они могут быть брошены сильной страной [18]. Национальная автономия, которую преследует Южная Корея, на самом деле заключается в том, чтобы изменить ситуацию чрезмерной зависимости от США в области безопасности и пассивного принятия дипломатии, что отражено в политике альянса Южной Кореи и США, политике РК в отношении КНДР и внешней политике.

Исторически Южная Корея часто становилась жертвой конкуренции между державами. Её всегда беспокоило, смогут ли США полностью выполнить свои обя-

зательства в области безопасности. Основным содержанием «Договора о взаимной обороне между США и Южной Кореей» является американо-южнокорейское оборонное сотрудничество и военное присутствие США в Южной Корее. Попытки Южной Кореи получить автономию в области безопасности после холодной войны были сосредоточены на таких вопросах, как получение боевого командования. 12 мая 2018 г. министр национальной обороны Южной Кореи Сон Ён Му заявил, что, если новый раунд оборонных реформ может быть завершён в 2023 г., США возвратят боевое командование Южной Корее. Видимо, Южная Корея установила чёткий график получения боевого командования [18, с. 45]. Кроме того, Южная Корея активно наращивает строительство оборонных возможностей, таких как «трёхосная система обороны корейского типа», с целью достижения независимой национальной обороны, соответствующей национальной мощи.

Воссоединение полуострова является главной проблемой во внутренних делах Южной Кореи после основания Республики Корея. В выступлении перед Конгрессом в конце 2017 г. Мун Чжэ Ин точно сказал, что «мы должны взять на себя главную роль в решении внутренних проблем полуострова» и «судьба корейской нации должна определяться сама собой». В речи, посвящённой столетию «Движения за независимость Кореи 1919 года», Мун Чжэ Ин далее подчеркнул, что необходимо установить доминирование Южной Кореи на Корейском полуострове. Правительство Мун Чжэ Ина набрало мотивацию благодаря улучшению межкорейских отношений и возглавило продвижение возобновления переговоров о денуклеаризации. На практике, когда переговоры между Северной Кореей и США столкнулись с трудностями, правительство Мун Чжэ Ина активно начало челночную дипломатию между Северной Кореей и США, что способствовало проведению саммита Северной Кореей и США в Ханое и Панмунджомской встречи глав государств Северной Кореи, Южной Кореи и США [1, с. 126].

Автономная дипломатия также является одной из целей, преследуемых предыдущими правительствами Южной Кореи после окончания холодной войны. В 1993 г. президент Ким Ён Сам предложил политику «новой дипломатии» из пяти пунктов, включающую глобализацию, многосторонность, диверсификацию, региональное сотрудничество и ориентацию на будущее [9]. Исходя из этого, Южная Корея продолжает развивать всестороннюю дипломатию со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, чтобы поддерживать баланс влияния между великими державами, тем самым повышая международный статус Южной Кореи. Правительство Мун Чжэ Ина надеялось, что, если активно развивать отношения с Китаем и Россией и корректировать дипломатический стиль, который в прошлом был чрезмерно ориентирован на США, то это поможет заручиться поддержкой и сотрудничеством соседних стран в решении проблемы Корейского полуострова.

В мае 2022 г. президентом Республики Корея был избран Юн Сок Ёль, и теперь ему предстоит решать все эти проблемы.

В последние годы китайско-американский конфликт становится всё более серьёзным. С одной стороны, США использовали почти экстремальные средства для всестороннего подавления Китая и пытались привлечь на свою сторону таких союзников, как Южная Корея, чтобы создать антикитайский круг для достижения целей декитаизации. С другой стороны, это постоянно создавало новые кризисы безопасности на Корейском полуострове, создавая препятствия для развития китайско-южнокорейских отношений. На внешнеполитическую стратегию Южной Кореи в СВА влияют региональные ограничения, которые проистекают из соперничества между великими державами – Китаем и США. Средние державы, такие как Южная Корея, сталкиваются с серьёзными проблемами, но оценка «зависимости безопасности от США и экономики от Китая» недостаточно полно позволяет охарактеризовать выбор Южной Кореи в отношении китайско-американской стратегической конкуренции. В ближайшей перспективе Южная Корея по-прежнему будет рассматривать южнокорейско-американский альянс как основу политики безопасности в период, когда северокорейский ядерный кризис не разрешён, мирные отношения на Корейском полуострове не налажены, механизм безопасности в СВА отсутствует, а регионализм всё ещё не развит в достаточной степени. Но следование политике США имеет свои ограничения, и потому Южная Корея никогда не отказывалась и вряд ли откажется от национальной стратегической автономии.

Список источников

11. Би Инда. Автономная стратегия правительства Мун Чжэ Ина: прогресс и проблемы // Международные исследования. 2020. (04). С. 126. Кит.

2. Ван Вэйминь. Теория альянса и Стратегия альянса США. [Б. м.]: Мировое знание, 2007. С. 1–52. Кит.

3. Заместитель госсекретаря США намекнул: перетягивание Индии, Японии и Австралии на свою сторону, чтобы сформировать «малое НАТО» для сдерживания Китая // Обозреватель. 2020. 1 сентября. URL: https://www.guancha.cn/international/2020_09_01_563582.shtml. Кит.

4. Кожевникова А. Д. Китайско-южнокорейские отношения: современные реалии и перспективы взаимовыгодного сотрудничества // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 2. С. 143.

5. Королев А. А. Индо-Тихоокеанское измерение политики США при Д. Байдене: выводы для АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. II, № 2 (51). С. 20–29.

6. Лин Шэнли. Стратегия отказа: Конкуренция за доминирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе между Китаем и США // Современный Азиатско-Тихоокеанский регион. 2017. № 1. С. 147. Кит.

7. Лю Цзе, Ду Синь. Анализ прекращения «Руководства по использованию ракет Сеулом» между США и Северной Кореей // Военный сборник. 2021. (23). С. 58–62. Кит.

8. Лян Ябинь. 30 лет между Китаем и Южной Кореей: статус-кво, проблемы и будущее // Азиатско-Тихоокеанская безопасность и исследования океана. 2022. (02). С. 21. Кит.

9. Пак Чон Чжин. Южно-Корейская политическая экономия и дипломатия. [Б. м.]: Издательство интеллектуальной собственности, 2013. С. 244. Кит.

10. США хотят сформировать сильнейший полупроводниковый альянс, чтобы окружить Китай? // Новости Пэнпай. 2022. 20 марта. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_17377397. Кит.

11. Хан Сяньдун. Механизм американо-южнокорейского альянса и его эволюция // Современное американское обозрение. 2019. № 3. С. 95. Кит.

12. Цзян Лунфань. США в развитии китайско-южнокорейских отношений в постэпидемическую эпоху // Вестник Дунцзян. 2022. 39 (01). С. 45–47. Кит.

13. Чжан Хуэйчжи. Направление китайско-южнокорейских и американо-южнокорейских отношений в конкуренции между Китаем и США // Форум Северо-Восточной Азии. 2019. 28 (02). С. 26. Кит.

14. Чжу Фэн, Ни Гуйхуа. Ситуация и дилемма стратегического соперничества администрации Байдена с Китаем // Азиатско-Тихоокеанская безопасность и исследования океана. 2022. № 1. С. 2. Кит.

15. Южная Корея и США подписывают «Руководство по сотрудничеству в сфере обороны Южной Кореи и США». Американские военные продолжат дислоцироваться на полуострове после передачи Южной Корее боевого командования // Новости Хуаньцю. 2018. 1 ноября. URL: <https://world.huanqiu.com/article/9CaKmKejRg>. Кит.

16. Южнокорейский учёный Мин Чжон Хун: Индо-Тихоокеанская стратегия администрации Байдена и её последствия для Южной Кореи // Корреспонденция об исследовании Северо-Восточной Азии. 2022. 29 марта. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/-4vIUqIz6GV7Z4029S8TZg>. Кит.

17. Liska G. Nationsin Alliance. The limits of interdependence. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1962. 301 p.

18. Snyder G. H. The security dilemma // Alliance Politics. World Politics. 1984. Vol. 4. P. 461–495.

19. Wright Q. A study of war, abridged by Louise Leonard Wright. Chicago; London: University of Chicago Press, 1964. 712 p.

References

1. Bi I. Autonomous strategy of the government of Moon Jae-in: progress and problems. *International Studies*, 2020, no. 4, pp. 126. (In Chin.).
2. Wang Weimin. The Theory of the alliance and the Strategy of the Alliance of the USA. Edition of World Knowledge, 2007, pp. 1–52. (In Chin.).
3. The US Deputy Secretary of State hinted: the pulling of India, Japan and Australia to their side to form a “small NATO” to contain China. *Observer*, 2020, September 1. Available at: https://www.guancha.cn/international/2020_09_01_563582.shtml. (In Chin.).
4. Kozhevnikova A. D. Sino-South Korean relations: modern realities and prospects for mutually beneficial cooperation. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik*, 2016, no. 2, p. 143. Available at: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=14680>. (In Russ.).
5. Korolev A. A. Indo-Pacific dimension of US policy under D. Biden: conclusions for ASEAN. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2021, vol. II, no. 2 (51), pp. 20–29. (In Russ.).
6. Lin Sh. Rejection Strategy: Competition for Dominance in the Asia-Pacific region between China and the United States. *Modern Asia-Pacific Region*, 2017, no. 1, pp. 147. (In Chin.).
7. Liu Ts., Du S. Analysis of the termination of the "Guidelines on the use of missiles by Seoul" between the United States and North Korea. *Military collection*, 2021, no. 23, pp. 58–62. (In Chin.).
8. Liang Y. 30 years between China and South Korea: Status quo, problems and the future. *Asia-Pacific security and ocean research*, 2022, no. 2, pp. 21. (In Chin.).
9. Park Chong Ch. South Korean Political Economy and diplomacy. Intellectual Property Publishing House, 2013, pp. 244. (In Chin.).
10. Does the US want to form the strongest semiconductor alliance to surround China? *Peng Pai News*, 2022, March 20. Available at: https://www.thepaper.cn/news-Detail_forward_17377397. (In Chin.).
11. Han S. The mechanism of the US-South Korean Alliance and its evolution. *Modern American Review*, 2019, no. 3, pp. 95. (In Chin.).
12. Jiang L. The USA in the development of Sino-South Korean relations in the post-epidemic era. *Dongjiang Bulletin*, 2022, no. 39 (01), pp. 45–47. (In Chin.).
13. Zhang H. The direction of Sino-South Korean and US-South Korean relations in the competition between China and the USA. *Northeast Asia Forum*, 2019, no. 28 (02), pp. 26. (In Chin.).
14. Zhu F., Ni G. The situation and dilemma of the Biden administration's strategic rivalry with China. *Asia-Pacific security and Ocean research*, 2022, no. 1, pp. 2. (In Chin.).
15. South Korea and the United States sign the "Guidelines for cooperation in the field of defense of South Korea and the United States", the US military will continue to be deployed on the peninsula after the transfer of combat command to South Korea.

Huanqiu News, 2018, November 1. Available at: <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnKejRg>. (In Chin.).

16. South Korean scientist Min Jung-Hoon: The Biden administration's Indo-Pacific Strategy and its Implications for South Korea. *Correspondence on Northeast Asia Research*, 2022, March 29. Available at: <https://mp.weixin.qq.com/s/-4vIUqIz6GV7Z4029S8TZg>. (In Chin.).

17. Liska G. Nationsin Alliance. *The Limits of Independence*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1962. 301 p.

18. Snyder G. H. The Security dilemma in Alliance Politics. *World Politics*, 1984, no. 4, pp. 461–495.

19. Wright Q. *A Study of war*, abridged by Louise Leonard Wright. Chicago; London: University of Chicago Press, 1964. 712 p.

Информация об авторе

Хуан Сочжу – аспирант кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Information about the author

Huang Suozhu – Post-graduate Student, Department of International Relations, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 85–98.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 85–98.

ПРАВО

Научная статья

УДК 343.988:343.713-027.44

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/85-98>

КИБЕРВИКТИМОЛОГИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Дмитрий Витальевич Жмуров

Байкальский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск,
ул. Ленина, д. 11, zdevraz@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0493-265X>,
АВН-8471-2020

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о вымогательстве в сети Интернет. Предложена дефиниция вымогательства как требования о передаче активов, совершении каких-либо действий под угрозой причинения ущерба, предъявляемого в виртуальной среде. В ходе анализа отечественной и зарубежной литературы автором рассматривается современное состояние проблемы, изучаются распространенность и специфика подобных деяний, а также личность потерпевшего от вымогательств. Описаны виктимологические характеристики потерпевшего, такие как криминальная эксцитативность (привлекательность для вымогателя), уязвимость (неспособность оказать эффективное сопротивление), высокие показатели интернет-активности, информационная сопряжённость (связь с информацией, используемой для шантажа). Предложена авторская классификация потерпевших от правонарушений изучаемой категории. В неё входят: 1) контентные жертвы, пострадавшие от реализуемого ими информационного поведения; 2) функциональные жертвы, утратившие контроль над важными техническими процессами или устройствами и желающие его восстановить; 3) жертвы личной безопасности, пострадавшие от шантажа вредоносными действиями и насилием в реальной жизни. Сделан вывод о том, что жертвы цифрового вымогательства – второй по распространенности тип потерпевших после интернет-мошенничества и для них характерен высокий уровень двойной виктимизации (от преступника и от социума).

---

* © Жмуров Д. В., 2022

Ключевые слова: кибервиктимность, кибервиктимология, интернет-потерпевший, жертвы цифровых преступлений, кибержертва, субъект кибервиктимизации, цифровая криминология, пострадавший в интернет-среде, кибервиктимизация, факторы кибервиктимизации, криминология цифрового мира.

Для цитирования: Жмуров Д. В. Кибервиктимология вымогательств в цифровом пространстве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 24, №. 2. С. 85–98. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/85-98>

LAW

Original article

CYBER-VICTIMOLOGY OF EXTORTION IN THE DIGITAL SPACE

Dmitriy V. Zhmurov, Baikal State University, 664003, Russia, Irkutsk, st. Lenina, 11, zdevraz@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0493-265X>, ABH-8471-2020

Abstract. This article discusses the issue of extortion on the Internet. It is defined as a requirement of the transfer of assets, the commission of any actions under the threat of causing damage, presented in a virtual environment. During the analysis of domestic and foreign literature, the author examines the current state of the problem, studies the prevalence and specificity of such acts; in addition, the identity of the victim of extortion is studied. Its victimological characteristics are described, such as criminal excitability (attractiveness to extortionists), vulnerability (inability to provide effective resistance), high rates of Internet activity, information conjugacy (connection with information used for blackmail). The author suggests his own classification of victims of offenses of this category. It includes: 1) content victims affected by the information behavior they implement; 2) functional victims who have lost control over important technical processes and wants to restore it; 3) victims of personal security who have suffered from blackmail by malicious actions and violence in real life. It is concluded that victims of digital extortion are the second most common type of victims after Internet fraud and that they are characterized by a high level of double victimization (and from the criminal, and from society).

Keywords: cyber-victimhood, cyber-victimology, internet victim, victims of digital crimes, cyber-victim, subject of cyber-victimization, digital criminology, victim in the internet environment, cyber-victimization, factors of cyber-victimization, criminology of the digital world.

For citation: Zhmurov D. V. Cyber-victimology of extortion in the digital space // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no 2. P. 85–98. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/85-98>

2020-й стал годом локдаунов и тотального карантина из-за коронавируса. А в киберпреступной среде это был год вымогательств. По данным компании Chainalysis, число транзакций жертв кибервымогателей в 2020 г. увеличилось на 311% – до 350 млн долларов (см. рис. 1). Но это лишь верхушка айсберга, а именно переводы людей, согласившихся платить. Ещё больше тех, кто игнорировал вымогателей, терял данные, пытался уладить проблему без выкупа, не обращался в полицию и проч. Если учитывать, что состав вымогательства – формальный, т.е. считается оконченным с момента предъявления незаконных требований, то число подобных преступлений несопоставимо больше, чем зафиксировано.

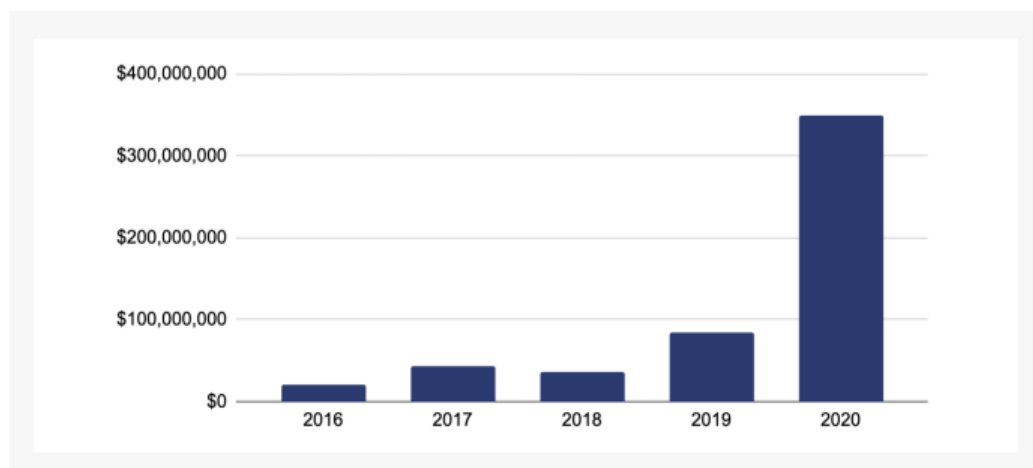

Рис. 1. Число платежей от жертв вымогателей, по данным Chainalysis (в BCH, BTC, ETH, USDT)

В России также происходил рост кибервымогательств: если в 2016 г. официально зарегистрирован 1621 инцидент, то в 2020 г. – уже 2425 (+49,5%) [1].

История вопроса началась в 1989 г. со СПИДа, точнее одноименной вредоносной программы AIDS, которую создал доктор биологических наук Джозефф Попп. Это был первый случай кибервымогательства. Он разослал учёным примерно 20 тыс. дискет с якобы важной информацией о СПИДе. На носителе была программа, которая отсчитывала 90 перезагрузок компьютера, а затем блокировала систему и выводила на печать листок с инструкциями об оплате выкупа в 189 либо 378 долларов на один из панамских почтовых ящиков. Дж. Попп был задержан, од-

нако избежал наказания, поскольку был признан невменяемым. У него была особая идея – выкуп предназначался на финансирование исследований ВИЧ.

После этого случая стали появляться блокировщики экрана, поддельные «антивирусы-попрошайки», но по-настоящему индустрия вымогательства заработала после 2000-х годов, ознаменовавших появление биткоина и популяризацию шифровальных методов. Наивные программы-блокировщики переросли в монстров, способных парализовать целые отрасли экономики, государственного управления и науки [2].

Сегодня *интернет-вымогательство* (кибершантаж, условно-цифровое вымогательство, киберэстракция) – это *предъявляемое в виртуальной среде требование о передаче активов, совершении каких-либо действий под угрозой причинения ущерба*. В России оно не всегда признается преступлением, поскольку ответственность за вымогательство наступает лишь в случае, если противоправные требования предъявляются под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких [3]. Указанные условия, бесспорно, реализуются не всегда.

Кибершантаж превратился в доходный бизнес. Структура рынка вымогательств разнообразна: от серьёзных тёмных и серых игроков до случайных преступников-шантажистов, требующих выкуп за неосторожные репосты. Высказывается мнение о том, что вымогательская деятельность, наряду с отмыванием денег, криминальным наркотизмом, организацией проституции и проч., является одним из маркеров распространения организованной преступности [4].

Крупные группировки вымогателей, вероятно, скомпонованы по принципу пирамиды, когда участники (сборщики информации, программисты, шантажисты, «обнальщики») не знают друг о друге. В 2020 г. в интернете было представлено более 10 таких проектов (рис. 2). Известно, что некоторые из них имеют колл-центры, сотрудники которых помогают жертвам разобраться в сложном процессе покупки криптовалюты для выкупа. Другие продают что-то вроде франшизы (RaaS – ransomware as a service) – программы для взлома в обмен на часть выкупа, а также предоставляют услуги на аутсорсе, такие как ведение переговоров с жертвами [5]. Вымогатели средней руки осуществляют свою деятельность на профессиональной основе, но зачастую в региональном масштабе. Они собирают компрометирующую информацию (интимный контент, факты правонарушений жертвы) или создают поводы сами (например, телеканал «рынок шкур» шантажирует потенциальных потерпевших публикациями с разоблачением якобы их прошлой жизни [6]; тенденциозные сайты могут представить правопослушных граждан как преступников и коррупционеров). Мелкие вымогатели работают по случайным, единичным целям, как правило не применяют программные методы и не

располагают серьезной медийной поддержкой. Они довольствуются примитивным шантажом в социальных сетях, закрытых чатах, сексуальных стримах и т.п.

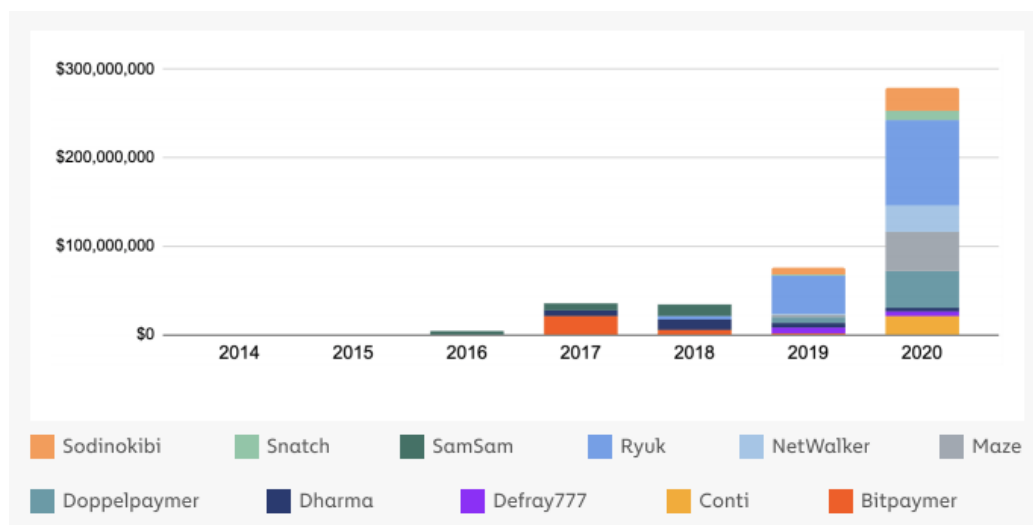

Рис. 2. Доля наиболее успешных программ-вымогателей в сети Интернет

В любом случае *жертва вымогательства – это физическое или юридическое лицо, которому под угрозой предъявлено некое требование*. Известно, что 85% из них предпочитают не обращаться по этому поводу в правоохранительные органы [7].

Основными характеристиками потерпевшего являются:

- *криминальная эксцессивность*, т.е. обладание нужными характеристиками (чаще всего – это платежеспособность, обладание высокой репутацией, а для случаев сексуального вымогательства – половые и гендерные спецификации);

- *уязвимость* – как предполагаемая физическая или моральная слабость [8], невозможность противопоставить вымогателю эффективные стратегии совладания (многие инциденты анонимны, жертве даётся мало времени, имеются признаки трансграничности, т.е. преступники находятся на значительном удалении от пострадавшего или правоохранительных органов его юрисдикции).

- *высокие показатели интернет-активности*;

- *информационная сопряжённость*, которая предполагает генерирование или обладание любой значимой информацией, распространение которой может дискредитировать социальный профиль потерпевшего, его репутацию, осуществляемые бизнес-процессы и т.п.

Чаще всего от жертвы требуется заплатить; значительно реже – произвести сексуальные манипуляции или выполнить иные притязания преступника.

Среди потерпевших от цифрового вымогательства можно выделить следующие группы:

1) *контентные жертвы* (угроза потери репутации, социального статуса, прерывания экономической деятельности), пострадавшие от реализуемого ими информационного поведения, т.е. действий, связанных с производством, получением, передачей и хранением данных. Это лица, шантажируемые содержанием их интернет-активности (мемы, репосты, лайки, переписка, фото- и видеоизображения); пострадавшие из-за утечки информации, не подлежащей разглашению; компании-агрегаторы личных данных и проч.;

2) *функциональные жертвы* (угроза нормальной работе оборудования), утратившие контроль над важными техническими процессами. Они стремятся сохранить работоспособность девайсов и компьютерных систем, обеспечить защиту информации на накопителях. Это и представители крупного бизнеса, и владельцы мобильных телефонов, заблокированных преступниками;

3) *жертвы личной безопасности*, страдающие от шантажа вредоносными действиями и насилием в реальной жизни (угроза сохранению здоровья, имущества, неприкосновенности жилища).

По характеру применяемых вымогателями методов потерпевших можно подразделить на жертв программного (при помощи специализированного ПО) или коммуникативного вымогательства (посредством личного взаимодействия с преступником).

1. *Контентные жертвы* – это активные субъекты информационного поведения. Самостоятельно или не своей воле они производят некий контент (инфопродукт), который становится интересен вымогателям. Потерпевшие уверены, что в их интересах – не допустить разглашения или максимально быстро удалить эти материалы, желательно без привлечения общественного внимания.

Если говорить о юридических лицах, то вымогателям интересны базы данных (клиенты, транзакции, поставки), коммерческие сведения и ноу-хау, а также всё, что может навредить бизнесу в случае огласки. Компания, которая не сможет выполнить их требования, рискует потерять корпоративные данные. Вдобавок, если нарушение связано с данными клиентов, то организация может быть привлечена к юридической ответственности (например, по законодательству США).

У физических лиц преступники стремятся заполучить самогенерируемые откровенные материалы (SGEM); самогенерируемые непристойные материалы (SGIM); материалы, связанные с педофилией или сексуальным насилием над детьми (CSAM); цифровые следы, свидетельствующие об аморальном или правонарушающем поведении (дискредитирующие жертву). Благо, недостатка в этом не отмечается. Согласно отчёту NetClean, 90% сотрудников, расследующих сексуальное насилие над детьми в интернете, заявили, что самостоятельно созданный ими сексуальный контент можно найти часто или очень часто [9]. Разумеется, это касается не только несовершеннолетних.

Далее жертве сообщается: если она не желает утечки или заявления в полицию, требуется оплата. На практике «предметом» вымогательства могут быть не только денежные средства, но и приобретение товаров, предоставление данных, включая логины и пароли, а также иные требования: расстаться с сексуальным партнёром, вновь стать парой с бывшим возлюбленным [10], не прерывать интимные отношения, осуществить на камеру сексуальные манипуляции [11] и проч.

Частным примером подобного вымогательства является сексторция (сексторшн), когда интимный контент угрожают распространить онлайн, если жертва не выполнит требования. Иногда сексторцией называют мошеннические действия в форме спам-рассылки, убеждающей пользователя, что у недоброжелателей есть компрометирующие его съемки во время посещения порносайтов. Согласно отчёту компании ESET, 11% пользователей сети были объектами таких «сексуальных вымогательств» [12].

Потенциальными жертвами сексторции являются люди, обменивающиеся интимными изображениями (нюдсами, дикпиками), либо фиксирующие половые акты с партнером на видео. Для них характерна повышенная значимость сексуальных стимулов, стремление разнообразить половое поведение (с помощью онлайн знакомств, виртуального секса). В основе их деятельности лежат разные стремления: сделать личную жизнь интереснее, сексуальное новаторство, чувство одиночества или подростковый интерес, а иногда и сексуальные проблемы (комплексы неполноценности, нарциссизм, виртуальный промискуитет). Потенциальные потерпевшие – это молодые люди в возрасте от 15 до 44 лет. По данным паблика VK «Интернет-полиция», возраст реальных жертв составляет от 13 до 25 лет – это наиболее активные и наивные пользователи социальных сетей [13]. Зачастую отправители таких сообщений – женщины и девушки, а мужчины выступают их потребителями [14]. Но с заявлениями в полицию чаще обращаются лица мужского пола [15].

Столь виктимные формы сексуальной коммуникации практикуют многие пользователи интернета. По данным Pew Research Center, среди 25–44-летних американцев 56% практикуют секстинг. В альтернативных исследованиях эта цифра превышает 80% [16]. В России 63% молодых мужчин и женщин хотя бы раз отправляли свои интимные фотографии [17].

Захват контента происходит по-разному: при его добровольной передаче, записи без ведома жертвы, взломе файлового хранилища или почты. Были случаи, когда потерпевшие забывали выйти из почтового аккаунта или сдавали телефон в ремонт [18], а злоумышленники этим пользовались. Д. Тхаккар в монографии «Предотвращение цифрового вымогательства» сообщает, что средняя сумма выкупа за сексторцию составляет приблизительно 500 долларов, хотя бывали случаи, когда суммы достигали десятков миллионов долларов [19].

Как уже упоминалось, контентные жертвы не исчерпываются приведённым выше примером. Ими могут стать любые лица, пострадавшие от нарушения при-

ватности или конфиденциальности хранения данных. Иногда они сами характеризуются негативным поведением: ведут себя аморально, нарушают закон, становятся участниками неоднозначных и одиозных ситуаций.

Укажем несколько вариантов контентного шантажа:

- интимными фотографиями или видео с личным участием;
- перепиской, репостами, мемами;
- принадлежностью к какой-либо группе или сообществу¹;
- обвинением в растлении малолетних или сексуальных домогательствах;
- инкриминированием какого-либо преступления и правонарушения;
- распространением данных коммерческого или иного характера².

2. *Функциональные жертвы* становятся объектами вымогательства по другим причинам. Платя выкуп, они стремятся обезопасить себя от взломов, DDOS-атак, нарушения работы сетевого оборудования, шифрования рабочей информации и т.п. В одном показательном случае преступник угрожал «взорвать» компьютер 13-летней девочки, которая действительно верила, что он может это сделать, и выполняла его эротические прихоти по скайпу [20].

Традиционно функциональные жертвы страдают от «корпоративных вымогательств». Нападкам подвергаются юридические лица – коммерческие, неправительственные и правительственные организации. Чаще это – небольшие компании, но и крупные не застрахованы от этого. 91% малых и средних предприятий в России становятся объектами IT-атак [21]. Большие компании эффективней защищают себя, имеют службы безопасности, а государственный, муниципальный сектор и мелкий бизнес не уделяют этому достаточного внимания. Подобные цели выглядят предпочтительнее: они не могут быстро отреагировать на угрозы, неустойчивы к перебоям в работе, для их взлома не нужно писать оригинальные программы и т.п.

Наиболее популярными отраслями у киберпреступников в 2020 г. были профессиональные услуги – юристов, бухгалтеров, агентств недвижимости и т.д. (34,45%); государственные услуги (17,79%), производство (14,72%). В меньшей степени пострадали здравоохранение (12,13%), технологии (8,89%), финансы (6,89%) [22]. Так, к примеру, в 2019 г. в США жертвами программ-вымогателей стали более 170 муниципальных служб, а суммы запрашиваемого выкупа доходили до нескольких миллионов долларов [2]. Если верить статистике Emsisoft, в 2020 г. хакерам удалось остановить работу 560 медицинских центров, 1 681 школ и колледжей, а также более чем 1 300 иных организаций [23]. Средний чек таких вымогательства отличается по отраслям экономики: в здравоохранении он составляет

¹ Хакерская группа Black Shadow, взломавшая сайт знакомств израильских ЛГБТ «Атраф», требует выплатить выкуп в миллион долларов. В противном случае угрожает опубликовать личные данные пользователей сайта, около миллиона человек, переписку в чатах и проч.

² Публикация базы клиентов британского ювелирного дома Graff Diamonds

140 тыс. долл., в финансовой сфере – более 200 тыс. долл., а в секторе технологий, инжиниринга и телекоммуникаций может превысить 1 млн долл. [13]. Порой суммы выкупа доходят до значительных размеров, например, Colonial Pipeline (США) заплатила хакерам 5 млн долл. за восстановление транзита топлива в трубопроводной системе компании [24].

В основном жертвы страдают от нескольких форм вымогательства:

- угрозы атаки «отказ в обслуживании» (DDOS, DOS), предполагающей имитацию большого количества обращений к серверу, которые делают его на какое-то время неработоспособным;

- блокирование рабочих устройств (с ограничением доступа к функционалу компьютера, смартфона или другого оборудования) и платой за восстановление доступа;

- шифрование данных, когда информация на носителе кодируется, а ключ расшифровки находится у вымогателя (утрачивается целостность и идентифицируемость данных).

В конечном счёте, проводимые атаки делают оборудование бесполезным и нефункциональным. Для восстановления его работы, физического доступа или сохранения данных потребуется выкуп. Его сумма в среднем составляет около 170 тыс. долл., тогда как средняя цена самостоятельного восстановления колеблется от 761 тыс. долл. в 2020 г. до 1,8 млн долл. в 2021 г. [22]. Эксперты полагают, что большинство подобных происшествий вызвано халатностью или излишней самоуверенностью сотрудников, отвечающих за информационную безопасность компаний [23].

3. *Жертвы личной безопасности* подвергаются вымогательству, связанному с угрозой жизни и здоровью, распространению адреса проживания (иных данных), порчи имущества через телекоммуникационную сеть.

Интернет здесь выступает средством связи между сторонами преступления. В судебной практике фиксируются случаи, когда вымогатели обращаются к потерпевшему через социальные сети или почту, отправляя текстовые сообщения с требованием передать денежные средства под угрозой применения насилия [25]. Не исключено, что популярность систем «умный дом» создаст новый повод для вымогателей, которые будут требовать деньги под угрозой вывода из строя IoT-приборов. Ещё одним заметным методом вымогательства является доксинг, т.е. «практика раскрытия идентифицирующей человека информации» (например, его домашнего адреса) в Интернете, чтобы получить от него выкуп [20].

Итак, жертвы цифрового вымогательства – это второй по распространённости тип потерпевших после интернет-мошенничества. Чаще всего – это платёжеспособные субъекты (юридические и физические лица), стеснённые в средствах реагирования и не способные оказать вымогателям адекватное противодействие (техни-

ческое, юридическое и т.п.). Для них характерен высокий уровень двойной виктимизации. С одной стороны, дискриминация и давление, исходящее от преступника, с другой – прессинг общественности с вытекающей ретравматизацией и социальными последствиями шантажа. Ведь риск быть опороченным и потерять репутацию высок чрезвычайно. Таким образом, жертва интернет-вымогательства нередко терпит многократный ущерб, к примеру, оплачивая выкуп, так и не восстанавливая информацию на жёстком диске (если речь о программах-вайперах); выполняя требования вымогателей, не пресекает публикацию интимного видео; может подвергаться штрафным санкциям со стороны государства, если выясняется, что выкуп был заплачен, или в дополнение ко всему компенсирует ущерб третьим лицам (например, клиентам), чьи персональные данные были утрачены от действий вымогателей. В ряде случаев жертвы, поддающиеся вымогательским угрозам, будут страдать от постоянных, повторяющихся требований со стороны преступников – своеобразной психологической ситуации, которая может перерасти в отношения доминирования и подчинения [20].

Список источников

1. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Гармонизация российского уголовного законодательства о противодействии киберпреступности с правовыми стандартами Совета Европы // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 6. С. 898–913. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(6).898-913.
2. Grustniy L. Saga о программах-вымогателях. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/history-of-ransomware/30373/>.
3. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция вредоносных программ как способов совершения компьютерных преступлений: классификации и технологии противоправного использования // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 5. С. 699–709. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).699-709.
4. Номоконов В. А. Борьба с преступными организациями: американский опыт и российские реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 46–53. DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).46-53.
5. Monroe R. How to negotiate with Ransomware Hackers. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2021/06/07/how-to-negotiate-with-ransomware-hackers>.
6. «Рынок шкур»: блогеры жалуются на вымогательство в обмен на репутацию. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/453525-rynok-shkur-blogery-zhaluiutsia-na-vymogatelstvo-v-obmen-na-reputatsiiu>.
7. Internet Crime Report by Internet crime complaint center IC3, 2016. URL: https://pdf.ic3.gov/2016_IC3Report.pdf.

8. Вымогательство // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вымогательство>.
9. Thorn Research: Understanding sexually explicit images, self-produced by children. URL: <https://www.thorn.org/blog/thorn-research-understanding-sexually-explicit-images-self-produced-by-children/>.
10. Третьяк И. В. Новые виды вымогательства в сети Интернет // Вестник науки. 2018. № 7. С. 95–100.
11. The extortion economy: Inside the shadowy world of Ransomware payouts. URL: <https://www.cnn.com/2021/04/06/the-extortion-economy-inside-the-shadowy-world-of-ransomware-payouts.html>.
12. Каждый десятый пользователь в России стал жертвой шантажа во время самоизоляции. URL: <https://xaker.ru/2020/06/01/covid-19-sextortion/>.
13. Лютых С. Этот жестокий, опасный и безжалостный интернет или как легко стать жертвой вымогателей, орудующих в соцсетях. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/03/01/shantaz/>.
14. Секстинг: зачем люди отправляют друг другу интимные фотографии. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/5505-seksting-zachem-lyudi-otpravlyayut-drug-drugu-intimnye-fotografii/>.
15. Жертвы «клубничного» шантажа. В Витебской области участились случаи вымогательства в соцсетях. URL: <https://vitvesti.by/crime/zhertvy-klubnichnogo-shantazha-v-vitebskoi-oblasti-uchastilis-sluchai-vymogatelstva-v-sotssetiakh.html>.
16. How common is sexting? Over 80 percent of survey respondents report sexting within past year. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2015/08/150808172217.htm>.
17. Меня шантажируют интимными фото и видео. Что делать? URL: <https://meduza.io/cards/menya-shantazhiruyut-intimnymi-foto-i-video-cto-delat>.
18. Обмен прилудностями: как правильно реагировать на шантаж в интернете. URL: <https://iz.ru/1238402/mariia-nemtceva/obmen-pribludnostiami-kak-pravilno-reagirovat-na-shantazh-v-internete>.
19. Thakkar D. Preventing digital extortion. URL: <https://www.packtpub.com/product/preventing-digital-extortion/9781787120365>.
20. Vasiu I., Vasiu L. Forms and consequences of the cyber threats and extortion phenomenon // European Journal of Sustainable Development. 2020. Vol. 9 (4). P. 295–302. DOI:10.14207/ejsd.2020.v9n4p295.
21. Practical security guide to prevent cyber extortion. Shopper Software Security in SMBs. Nielsen, April 2015. URL: http://cdvnas04.myqnapcloud.com/media/filemanager/Cyberextortion_Guide-DE-WEB.pdf.
22. Understanding cyber extortion and how to protect your business. URL: <https://www.embroker.com/blog/cyber-extortion/>.
23. Банальная халатность: почему вирусы-вымогатели невозможно победить? URL: https://www.gazeta.ru/tech/2021/04/05/13547660/ransomware_strikes.shtml.

24. Оператор крупнейшего трубопровода США заплатил хакерам почти \$5 млн выкупа. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/429299-operator-krupneyshego-truboprovoda-ssha-zaplatil-hakeram-pochti-5-mln-vyкупа>.

25. Овсяков Д. А. Использование информационно-телекоммуникационных сетей при совершении вымогательства // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2 (123). С. 140–145.

References

1. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Harmonization of the Russian criminal legislation on combating cybercrime with the legal standards of the Council of Europe. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2020, vol. 14, no. 6, pp. 898–913. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(6).898-913. (In Russ.).

2. Grustniy L. Ransomware saga. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/history-of-ransomware/30373/>. (In Russ.).

3. Rossinskaya E. R., Ryadovsky I. A. The concept of malware as a means of committing computer crimes: classifications and technologies of illegal use. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2020, vol. 14, no. 5, pp. 699–709. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).699-709. (In Russ.).

4. Nomokonov V. A. Fighting criminal organizations: American experience and Russian realities. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2014, no. 4, pp. 46–53. DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).46-53. (In Russ.).

5. Monroe R. How to negotiate with Ransomware Hackers. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2021/06/07/how-to-negotiate-with-ransomware-hackers>.

6. "Market of skins": bloggers complain about extortion in exchange for reputation. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/453525-rynok-shkur-blogery-zhaluiutsia-na-vymogatelstvo-v-obmen-na-reputatsiiu>. (In Russ.).

7. Internet Crime Report by Internet crime complaint center IC3, 2016. URL: https://pdf.ic3.gov/2016_IC3Report.pdf.

8. Extortion // Wikipedia. Free encyclopedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Extortion>. (In Russ.).

9. Thorn Research: Understanding sexually explicit images, self-produced by children. URL: <https://www.thorn.org/blog/thorn-research-understanding-sexually-explicit-images-self-produced-by-children/>.

10. Tretyak I. V. New types of extortion on the Internet. *Vestnik nauki*, 2018, no. 7, pp. 95–100. (In Russ.).

11. The extortion economy: Inside the shadowy world of ransomware payouts. URL: <https://www.cnbc.com/2021/04/06/the-extortion-economy-inside-the-shadowy-world-of-ransomware-payouts.html>.

12. Every tenth user in Russia became a victim of blackmail during self-isolation. URL: <https://xakep.ru/2020/06/01/covid-19-sextortion/>. (In Russ.).
13. Lyutykh S. This cruel, dangerous and ruthless Internet or how easy it is to become a victim of extortionists operating in social networks. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/03/01/shantaz/>. (In Russ.).
14. Sexting: Why do people send each other intimate photos. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/5505-seksting-zachem-lyudi-otpravlyayut-drug-drugu-intimnye-fotografii/>. (In Russ.).
15. Victims of "strawberry" blackmail. Cases of extortion in social networks have become more frequent in the Vitebsk region. URL: <https://vitvesti.by/crime/zhertvy-klubnichnogo-shantazha-v-vitebskoi-oblasti-uchastilis-sluchai-vymogatelstva-v-sotcsetiakh.html>. (In Russ.).
16. How common is sexting? Over 80 percent of survey respondents report sexting within the past year. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2015/08/150808172217.htm>.
17. I am being blackmailed with intimate photos and videos. What to do? URL: <https://meduza.io/cards/menya-shantazhiruyut-intimnymi-foto-i-video-chto-delat>. (In Russ.).
18. The exchange of stray: how to properly respond to blackmail on the Internet. URL: <https://iz.ru/1238402/mariia-nemtceva/obmen-pribludnostiami-kak-pravilno-reagirovat-na-shantazh-v-internete>. (In Russ.).
19. Thakkar D. Preventing digital extortion. URL: <https://www.packtpub.com/product/preventing-digital-extortion/9781787120365>.
20. Vasii I., Vasii L. Forms and consequences of the cyber threats and extortion phenomenon. *European Journal of Sustainable Development*, 2020, vol. 9 (4), pp. 295–302. DOI:10.14207/ejsd.2020.v9n4p295.
21. Practical security guide to prevent cyber extortion. Shopper Software Security in SMBs. Nielsen, April 2015. URL: http://cdvnas04.myqnapcloud.com/media/filemanager/Cyberextortion_Guide-DE-WEB.pdf.
22. Understanding cyber extortion and how to protect your business. URL: <https://www.embroker.com/blog/cyber-extortion/>.
23. Banal negligence: why are ransomware viruses impossible to defeat? URL: https://www.gazeta.ru/tech/2021/04/05/13547660/ransomware_strikes.shtml. (In Russ.).
24. The operator of the largest US pipeline paid hackers almost \$5 million in ransom. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/429299-operator-krupneyshego-truboprovoda-ssha-zaplatal-hakeram-pochti-5-mln-vykupa>. (In Russ.).
25. Ovsyukov D. A. The use of information and telecommunication networks in the commission of extortion. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2021, no. 2 (123), pp. 140–145. (In Russ.).

Информация об авторе

Дмитрий Витальевич Жмуров – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета, руководитель проекта «Национальная энциклопедическая служба России», г. Иркутск, Россия.

Information about the author

Dmitriy Vitalievich Zhmurov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University; Coordinator of the Project «National Encyclopedic Service of Russia», Irkutsk, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 99–110.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 99–110.

Научная статья

УДК 343.341.01(510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/99-110>

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ*

Елена Юрьевна Антонова¹, Александр Юрьевич Манцуров²

¹ Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 690091, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8, antonovy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6605-3699>, ABD-6781-2021

² Управление международного сотрудничества МВД России, 119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 16; г. Пекин, КНР, china7784@mail.ru

Аннотация. В статье приводится анализ законодательного определения категории «организованная преступность», закреплённого в Законе КНР «О борьбе с организованной преступностью». Авторы приходят к выводу о неудачности используемых китайским законодателем формулировок различных форм организованной преступной деятельности. Употребление разных, несогласованных между собой категорий может нарушить единообразие толкования норм, привести к сложностям в процессе квалификации соответствующих преступных деяний и отрицательно сказаться на мерах по противодействию организованной преступности.

Ключевые слова: триада, организованная преступность, организация криминального характера, преступное сообщество, организованная преступная группа, устойчивость, множество лиц.

Для цитирования: Антонова Е. Ю., Манцуров А. Ю. Понятие и признаки организованной преступности по законодательству Китайской Народной Республики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 2. С. 99–110. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/99-110>

---

* © Антонова Е. Ю., Манцуров А. Ю., 2022

Original article

THE CONCEPT AND FEATURES OF ORGANIZED CRIME UNDER THE LAWS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Elena Yu. Antonova¹, Alexander Yu. Mantsurov²

¹ Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 690091, 8 Sukhanova St., Vladivostok, Russia, antonovy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6605-3699>, ABD-6781-2021

² Department of International Cooperation of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 16; Beijing, PRC, china7784@mail.ru

Abstract. The article provides an analysis of the legislative definition of the category «organized crime», enshrined in the Law of the People's Republic of China «On Combating Organized Crime». The authors concluded that the formulations of various forms of organized criminal activity used by the Chinese legislator are unsuccessful. The use of different, inconsistent categories may violate the uniformity of interpretation of the norms, lead to difficulties in the process of qualifying the relevant criminal acts and adversely affect the measures to combat organized crime.

Keywords: triad, organized crime, organization of a criminal nature, criminal community, organized criminal group, sustainability, many people.

For citation: Antonova E. Yu., Mantsurov A. Yu. The concept and features of organized crime under the laws of the People's Republic of China // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no 2. P. 99–110. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/99-110>

Организованная преступность оказывает серьезное влияние на политическое, экономическое и социальное развитие государства. Именно поэтому важное значение в государственной политике отводится вопросу противодействия данной разновидности преступности. Представляется, что для выработки эффективных мер по противодействию организованной преступности необходимо определиться с тем, что следует понимать под таковой.

Проанализируем категорию «организованная преступность», регламентированную в законодательстве Китайской Народной Республики.

Отмечается, что в 1953–1978 гг. количество уголовных дел по организованной преступности в КНР снижалось и достигло минимального уровня за всё время существования страны. В 1976 г. после смерти Мао Цзэдуна и начала широкомасштабных экономических преобразований под руководством Дэн Сяопина китай-

ское общество вступило в период политических реформ и открытости. По мере успешной реализации поставленных задач начался и стремительный рост преступлений, в том числе стали появляться новые виды преступных деяний. Повсеместно стали возникать преступные группы и сообщества, целью которых стала борьба за контроль над теневым бизнесом [9, с. 48].

Примечательно то, что постепенно в деятельности китайских организованных групп стали преобладать экономические преступления при сохранении традиционных (общеуголовных) видов деятельности (бандитизм, наркобизнес, торговля людьми и др.) [7, с. 99–103].

В 2018 г. в КНР была объявлена кампания по борьбе с организованной преступностью, которую курировало специальное отделение политико-правовой комиссии ЦК КПК. Через три года, по данным China Daily, по всей стране было раскрыто 3 644 мафиозных организаций и 11 675 других преступных группировок. В общей сложности были арестованы более 242 тыс. подозреваемых лиц [4].

Противодействие организованной преступности в КНР сопровождается и совершенствованием законодательной базы. Так, 1 мая 2022 г. в КНР вступил в силу Закон «О борьбе с организованной преступностью» [1]. Данный закон был принят на основании Конституции КНР в целях предупреждения и ликвидации организованной преступности, укрепления и нормативного правового регулирования работы по борьбе с организованной преступностью, обеспечения государственной безопасности, общественного порядка, экономического порядка, защиты законных прав и интересов граждан и организаций.

Под организованной преступностью в соответствии со ст. 2 Закона понимаются предусмотренные статьёй 294 Уголовного кодекса КНР [10] преступления создания, руководства и участия в преступном сообществе, а также преступления, совершаемые преступными сообществами и организованными преступными группами.

Отсюда следует, что перечень преступлений, образующих деятельность организованных преступных формирований, приводится в уголовном законе (ст. 294).

Статья 294 располагается в § 1 «Преступления против общественного порядка» главы 6 «Преступления против порядка управления и общественного порядка» УК КНР. Соответственно данное преступление посягает на общественные отношения, обеспечивающие безопасность общественного порядка.

Анализ ст. 294 УК КНР позволяет выделить следующие составы преступлений, образующие в своей совокупности понятие организованной преступности:

- создание, руководство и активное участие в организации криминального характера (наказание – от 7 лет лишения свободы с конфискацией имущества);
- активное участие в организации криминального характера (наказание – от 3 до 7 лет лишения свободы со штрафом или конфискацией имущества, или без таковых);

– участие иным образом в организации криминального характера (наказание – до 3 лет лишения свободы, арест, надзор или лишение политических прав со штрафом или без такового);

– вербовка членов организации на территории КНР. Субъектом данного деяния являются члены зарубежных организаций криминального характера (наказание – от 3 до 10 лет лишения свободы);

– оказание покровительства организации криминального характера или попустительство ведению организацией криминального характера противозаконной, преступной деятельности. Субъекты – работники государственных органов (наказание – до 5 лет лишения свободы; при отягчающих обстоятельствах – от 5 лет лишения свободы).

Из данной нормы видно, что китайский законодатель выделяет не только деятельность по организации, руководству рассматриваемого криминального формирования, но и возводит в разряд самостоятельного состава пособнические действия (вербовка) и попустительскую деятельность со стороны работников государственного аппарата.

В Законе КНР «О борьбе с организованной преступностью» законодатель употребляет категории «преступное сообщество» и «организованная преступная группа», тогда как в ст. 294 УК КНР речь идёт об «организации криминального характера». С учётом того, что в нормах УК КНР, посвященных институту соучастия, раскрывается термин «преступная группа», а категории «преступное сообщество» и «организованная преступная группа» даже не упоминаются, можно предположить, что понятие «организация криминального характера» объединяет в себе указанные формы соучастия.

В случаях, когда организация криминального характера совершает иное преступление, содеянное квалифицируется по ст. 294 УК КНР и соответствующей норме Особенной части УК КНР.

Примечательно, что ст. 294 УК КНР раскрывает понятие «организации криминального характера», под которой понимается организация, которой присущи следующие признаки:

1) организация является устойчивой, с множеством членов, при наличии организаторов, руководителей и устойчивых основных членов;

2) организационное извлечение экономических интересов преступным и иным неправомерным путём, наличие определённой экономической основы как опоры деятельности организации;

3) организационное и неоднократное совершение преступлений и других неправомерных действий и совершение зла в отношении народных масс;

4) незаконный контроль или оказание серьёзного влияния в определенном районе или сфере экономической деятельности и серьёзное нарушение порядка экономики и общественной жизни путем совершения преступлений и других неправомерных действий или пользования укрывательством со стороны работников государственных органов.

Важно, что лишь в совокупности данные признаки характеризуют формирование как организацию криминального характера.

Одними из основных признаков организации криминального характера являются устойчивость и множество членов. Категории «устойчивость» и «множество членов» являются оценочными и в законе не раскрываются.

В нормах Общей части УК КНР, посвящённых институту соучастия, говорится: «...соучастием в преступлении признаётся совместное умышленное участие двух и более лиц в совершении преступления» (ст. 25), а «преступной группой являются трое и более лиц, создавшие относительно стабильную преступную организацию для совместного совершения преступления» (ст. 26). Отсюда можно заключить, что множество участников образуют три и более лица.

Но всё-таки чаще организации криминального характера состоят из большого количества участников. Так, в 2021 г. народный суд средней ступени города Лоян в провинции Хэнань назначил пожизненное лишение свободы Ма Чанцзяну – основателю триады (так в КНР именуется организованная преступная группа) и разные сроки лишения свободы – 29 членам данного преступного формирования за организацию, руководство и участие в организации криминального характера [4].

В этой связи интересной представляется традиционная структура китайской триады. Во-первых, китайская мафия никогда не была единой и не подчинялась общему руководству. Китайская триада – это совокупность самостоятельных региональных триад, состоящих из нескольких ячеек. Во главе каждой ячейки стоит главарь с двумя бригадирами. Бригадир командует двумя бойцами рангом ниже, которые беспрекословно выполняют приказы. Плюсом схемы «один начальник – два подчиненных», применяемой китайцами в структуре организованной преступности, является то, что нижестоящие члены знают только своего бригадира, но не знают, кому он подчиняется. Это затрудняет выявление всей группировки. Во-вторых, у этой схемы есть не только практическая, но и идеологическая основа. Число три священно для конфуцианства – одной из главных философских доктрин Китая, которая легла в основу идеологии триады [2].

Важным признаком для признания такого объединения множества соучастников организацией криминального характера является именно устойчивость. Об устойчивости может свидетельствовать такой признак организации криминального характера, как организованное и неоднократное совершение преступлений. Другими словами, рассматриваемое образование создаётся для совершения двух и более преступлений, требующих тщательного планирования и подготовки. Члены данного формирования не совершают преступления спонтанно.

К такому же выводу приходят и китайские исследователи. Так, Сюй Кай, характеризуя организованную преступную группу, отмечает, что под таковой понимается «организация <...>, состоящая из трёх и более человек, обладающая определённой организованной структурой, существующая в течение определённого

времени, действующая слаженно для совершения одного или нескольких видов преступлений...» [8, с. 8].

Кроме того, в таком формировании обязательно должны присутствовать организаторы, руководители и устойчивые основные члены. Из данного признака вытекает, что китайский законодатель различает функцию организатора и руководителя. При этом, несмотря на то, что об организаторах и руководителях в определении понятия «организация криминального характера» в законе говорится во множественном числе, в данном случае следует прибегать к ограничительному толкованию. Полагаем, что наличие двух и более организаторов и двух и более руководителей не обязательно. Руководствуясь определением понятия «главный преступник (главарь преступления)», под которым в УК КНР понимается лицо, организовавшее или руководившее преступной группой (ст. 26), считаем, что в организации криминального характера допускается выполнение роли организатора и роли руководителя одним и тем же лицом. В целом такое лицо следует расценивать в качестве организатора соответствующего преступного формирования.

Толкование понятия «устойчивые основные члены» приводит нас к выводу о том, что в таком формировании должны присутствовать постоянные участники, образующие его костяк (основу), но в то же время для совершения отдельных преступлений или выполнения конкретных задач могут привлекаться (на временной основе) другие лица, которые после исполнения отведённой им роли могут выйти из состава группы.

Важной деталью, характеризующей рассматриваемое формирование, является цель – организованное извлечение экономических интересов преступным и иным неправомерным путём. Можно предположить, что первоначальный капитал такое формирование «зарабатывает» на совершении общеуголовных преступлений, таких как грабёж, разбой, вымогательство, наркоторговля и т.д. Денежные средства, добытые преступным путём, в последующем могут вкладываться в легальный и (или) нелегальный бизнес. Более того, для успешного существования и функционирования такой группировки («опоры деятельности организации») требуется определённая экономическая основа (признак организации криминального характера), то есть постоянное пополнение «бюджета» из легальных и (или) нелегальных источников.

Исследователи отмечают, что триады всё чаще пытаются «работать» под прикрытием законно функционирующих фирм и предприятий и проникают в экономические сферы деятельности государства [3]. Объектами вложения нелегально заработанных денег стали также строительная отрасль, транспорт, сфера общественного питания и развлечений и др.

Так, в 2018 г. Ян Яньцзюнь (главарь) и другие 28 обвиняемых были приговорены к 20 годам лишения свободы за создание, руководство и участие в организации криминального характера. Созданная в 2006 г. группировка контролировала городской рынок фейерверков в течение 13 лет. Они принуждали людей покупать

фейерверки только у них. Под защитой местных властей, в том числе заместителя мэра Цзоучэна Кан Цзяньго, банда оскорбляла, избивала и грабила тех, кто не подчинялся их приказам [12].

Организации криминального характера могут подразделяться по территориальному признаку («могут осуществлять незаконный контроль или оказывать серьёзное влияние в определённом районе») или функционированию в определённой экономической сфере деятельности («могут осуществлять незаконный контроль или оказывать серьёзное влияние в определённой сфере экономической деятельности и серьёзно нарушать порядок экономики и общественной жизни»).

Отличительной особенностью организаций криминального характера является и то, что их деятельность «крышется», то есть «укрывается со стороны работников государственных органов».

Закон КНР «О борьбе с организованной преступностью» в ст. 50 дает перечень деяний государственных служащих, направленных на содействие деятельности организаций криминального характера, в частности к таковым относятся:

- 1) создание, руководство или участие в организованной преступной деятельности;
- 2) оказание помощи для преступной организации или её преступной деятельности;
- 3) укрывательство преступной организации, попустительство организованной преступной деятельности;
- 4) преступная халатность при выполнении работы по расследованию дел о преступлениях организованной преступности;
- 5) использование должностных полномочий или основанного на должности влияния для вмешательства в работу по борьбе с организованной преступностью;
- 6) другие противоправные и преступные деяния, имеющие отношение к организованной преступности.

Более того, в данном Законе установлено, что государственные служащие, которые ведут расследование дел о преступлениях организованной преступности или в силу должностных обязанностей оказывают поддержку и помощь расследованию данных дел, не вправе предпринимать следующие действия:

- 1) отказывать в приеме заявлений, обвинений или информации; скрывать или предоставлять недостоверную информацию после выявления фактов преступления или сведений, дающих возможность раскрыть и расследовать преступление; самовольно распоряжаться, отказывать в передаче связанных с преступлением сведений или имеющих отношение к делу материалов при отсутствии соответствующего разрешения или полномочий;
- 2) создавать препятствия расследованию дела путём передачи сведений лицам, совершившим правонарушение или преступление;
- 3) применять в отношении дела меры, противоречащие фактам и праву;

4) нарушать правила опечатывания, ареста, замораживания и распоряжения имуществом, имеющим отношение к делу;

5) совершать другие действия, представляющие собой злоупотребление полномочиями, халатность или действия из корыстных побуждений.

Законодатель особенно подчёркивает, что в случае создания, руководства или участия государственных служащих в организованной преступности необходимо в соответствии с законодательством применять максимально строгое наказание (ст. 50 Закона).

Такие законодательные нововведения обусловлены тем, что триады стали захватывать административную власть в сёлах, деревнях, небольших городах, а главари – подниматься по иерархической лестнице государства, становясь депутатами Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) или членами политических консультативных советов в провинциях. Некоторые руководители в отдельных районах страны иногда сами просили мафиозных главарей взять административную власть низшего уровня (например, управление селом) в свои руки. А многие начальники на местах обращались к ним и по вопросам оказания финансовой помощи. Преступные организации в таких районах превращались из «преступной силы» в «преступную власть» [6]. Данные обстоятельства свидетельствуют о повышенной общественной опасности государственных служащих, вовлечённых в организованную преступность. Их деятельность препятствует выявлению и раскрытию организованной преступной деятельности. Поэтому нормы о повышенной ответственности таких лиц являются обоснованными и своевременными.

Наличие рассмотренных признаков организации криминального характера подкрепляется и мнением заместителя генерального директора по правовым исследованиям в области правовой политики Верховной народной прокуратуры КНР Сун Дань, который выделяет следующие критерии преступности «мафиозного» типа в КНР:

– организации мафиозного характера проникают во власть, управляют избирательной системой путём привлечения коррумпированных чиновников;

– преступные организации широко распространяются в экономических областях, причём в большом диапазоне, и носят скрытый характер;

– организация оказывает помощь своим членам для получения политической должности, легализует преступные прибыли путём инвестиций. Появились новые формы преступлений, такие как насилие при взыскании долгов, а также высокий процент кредитования и т.п. [11, с. 9–12].

Представляется, что закреплённые в УК КНР признаки организации криминального характера, рассмотренные выше, характерны как для преступного сообщества, так и для организованной преступной группы.

При этом в новом Законе КНР «О борьбе с организованной преступностью» понятие «организованная преступная группа» раскрывается следующим образом – это организация, представляющая собой постоянное объединение лиц для многократного совершения противоправных и преступных деяний на определённой территории или в определённой сфере деятельности с использованием насилия, угрозы насилия или других способов, совершающая злодеяния, угнетающая народные массы, нарушающая общественный и экономический порядок и создающая относительно негативные социальные последствия, но при этом не образующая преступного сообщества (ст. 2).

Таким образом, помимо обозначенных выше признаков для организованной преступной группы характерен способ совершения неправомерных (преступных) действий – использование насилия, угроз насилия или другие способы. Из Закона КНР «О борьбе с организованной преступностью» следует, что категория «преступное сообщество» применяется к зарубежным формированиям, вербующим участников и (или) совершающим преступления на территории КНР, а также совершающим за рубежом преступления против государства или граждан КНР (ст. 2).

Итак, китайский законодатель, определяя понятие организованной преступности, пошёл по пути перечисления составов преступлений, совершаемых преступными сообществами и организованными преступными группами.

При этом неудачным, на наш взгляд, является то, что в Законе КНР «О борьбе с организованной преступностью» и в УК КНР законодатель использует разные термины для обозначения преступных формирований, совершающих преступления, которые в своей совокупности и образуют это явление – организованную преступность.

В УК КНР нормы, посвящённые соучастию, закрепляют категории «соучастие в преступлении», «преступная группа», «главный преступник (главарь преступления)». Статья 294 УК КНР раскрывает признаки организации криминального характера. В законе же «О борьбе с организованной преступностью» употребляются термины «преступное сообщество» и «организованная преступная группа». При этом в законе нет чёткого определения категории «преступное сообщество».

Полагаем, что употребление разных, несогласованных между собой категорий может нарушить единообразие толкования норм и привести к сложностям в процессе квалификации соответствующих преступных деяний.

На расплывчатость и неточность формулировок в китайском законодательстве указывают и другие исследователи, которые, в частности отмечают, что в КНР «для правоприменителя создаются комфортные условия по применению нечётких формулировок при решении задач государственно-политического характера, а также по трактовке правовой нормы в свою пользу», что, в свою очередь, является одной «из главных причин роста коррупции в правоохранительной системе Китая, в государственно-административном аппарате в целом» [5, с. 815].

Считаем, что для выработки эффективных мер по противодействию организованной преступности на законодательном уровне должны быть закреплены чёткие, однозначно трактуемые формулировки.

С учетом того, что организованная преступная деятельность «укрывается со стороны работников государственных органов», что возведено в один из признаков организаций криминального характера, положительным следует считать закрепление китайским законодателем запретов совершать определенные деяния, направленные на содействие деятельности организаций криминального характера, возлагаемых на государственных служащих. Нарушение таких запретов, а равно создание, руководство или участие государственного служащего в организованной преступности влечёт за собой повышенную ответственность.

В целом попытка китайского законодателя систематизировать меры по противодействию организованной преступности заслуживает одобрения. Полагаем, что Закон «О борьбе с организованной преступностью» (который, к сожалению, так и не был принят в Российской Федерации) позволит китайскому правоприменителю эффективнее воздействовать на лиц, вовлечённых в организованную преступность.

Список источников

1. 中华人民共和国反有组织犯罪法（2021年12月24日）第十三届全国人民代表大会常务委员会第三十二次会议通过). О борьбе с организованной преступностью: Закон КНР (принят 24 декабря 2021 г. на 32-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва) // Сайт Всекитайского собрания народных представителей КНР. URL: <http://www.npc.gov.cn>.

2. Затаившиеся драконы. В России арестовали гангстеров из легендарной Триады. Что делали китайские мафиози вдали от родины? // LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/02/19/triada/>.

3. Китайские триады: «мафия патриотов», обирающая соотечественников // KNEWS. URL: <https://knews.kg/2019/03/12/kitajskie-triady-mafiya-patriotov-obirayush-haya-sootechestvennikov/>.

4. Кулагин В. Как уживаются китайские мафиози и коммунистическая партия // Газета.ru. URL: https://m.gazeta.ru/amp/politics/2021/08/07_a_13843034.shtml.

5. Лузянин С. Г., Трощинский П. В., Суходолов Я. А. Особенности правового регулирования борьбы с преступностью в Китае // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 812–824. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).812-824.

6. Овчинский В. Мафия XXI века: сделано в Китае // Россия в глобальной политике. 2006. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mafija-xxi-veka-sdelano-v-kitae/>.

7. Репецкая А. Л. Китайская организованная преступность в России постсоветского периода // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприме-

нения и перспективы совершенствования: сборник межвузовской научно-практической конференции (27 апр. 2018 г.) / гл. ред. П. А. Капустюк, отв. ред. Р. А. Забавко. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т М-ва внутр. дел России, 2018. С. 99–103.

8. Сюй Кай. Организованная преступность и борьба с ней в КНР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Владивосток, 2010. 27 с.

9. Трошинский П. В. Борьба с преступностью в Китае: нормативно-правовой аспект // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 47–58. DOI: 10.12737/12227.

10. Уголовный кодекс Китая (по сост. на 1 сентября 2017 г.) / ред. и предисл. А. И. Коробеева, А. И. Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. М.: ООО «Юридическая фирма КОНТРАКТ», 2017. 256 с.

11. Цзюнь Ц., Дунмэй П. Уголовно-правовое противодействие организованной преступности (преступности мафиозного характера) в Китае. Обзор I форума уголовного правосудия «Чжон-юань» // Юридическая наука в Китае и России. 2020. № 3. С. 9–12.

12. China deals with 64,000 of corruption involving mafia-like groups: law enforcement agency // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1198253.shtml>.

References

1. On Combating Organized Crime: Law of the People's Republic of China (adopted on December 24, 2021 at the 32nd session of the Standing Committee of the 13th National People's Congress). *Website of the National People's Congress of China*. Available at: <http://www.npc.gov.cn>.

2. Hidden dragons. Gangsters from the legendary Triad have been arrested in Russia. What did the Chinese mafiosi do away from their homeland? *LENТА.RU*. Available at: <https://lenta.ru/articles/2021/02/19/triada/>. (In Russ.).

3. Chinese triads: «patriotic mafia» robbing compatriots. *KNEWS*. Available at: <https://knews.kg/2019/03/12/kitajskie-triady-mafiya-patriotov-obirayushhaya-sootechestvennikov/>. (In Russ.).

4. Kulagin V. How do Chinese mafiosi and the communist party get along. *Newspaper.ru*. Available at: https://m.gazeta.ru/amp/politics/2021/08/07_a_13843034.shtml. (In Russ.).

5. Luzyanin S. G., Troshchinsky P. V., Sukhodolov Ya. A. Features of the legal regulation of the fight against crime in China. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2016, vol. 10, no. 4 pp. 812–824. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).812-824. (In Russ.).

6. Ovchinsky V. Mafia of the 21st century: Made in China. *Rossiia v global'noi politike*, 2006, no. 4. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/mafiya-xxi-veka-sdelano-v-kitae/>. (In Russ.).

7. Repetskaya A. L. Chinese organized crime in Russia of the post-Soviet period. In: Kapustyuk A. P., Zabavka R. A. (eds.). *Ugolovnyi zakon Rossiiskoi Federatsii: problemy*

pravoprimeneniya i perspektivy sovershenstvovaniya: collection of the interuniversity scientific and practical conference (April 27, 2018). Irkutsk, 2018, pp. 99–103. (In Russ.).

8. Xu Kai. Organized crime and the fight against it in the PRC: Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Vladivostok, 2010. 27 p. (In Russ.).

9. Troshchinsky P. V. Fighting crime in china: legal and regulatory aspect. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2015, no. 8, pp. 47–58. DOI: 10.12737/12227. (In Russ.).

10. Korobeev A. I., Chuchaev A. I. (eds.). Criminal Code of China (as of September 1, 2017). Moscow: Legal firm CONTRACT LLC, 2017. 256 p. (In Russ.).

11. Jun Q., Dongmei P. Criminal law counteracting organized crime (mafia crime) in China. Overview of the 1st Zhong Yuan Criminal Justice Forum. *Yuridicheskaya nauka v Kitae i Rossii*, 2020, no. 3, pp. 9–12. (In Russ.).

12. China deals with 64,000 of corruption involving mafia-like groups: law enforcement agency. *Global Times*. Available at: <https://www.globaltimes.cn/content/1198253.shtml>.

Информация об авторах

Е. Ю. Антонова – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

А. Ю. Манцуров – кандидат юридических наук, доцент, заместитель представителя МВД России в Китайской Народной Республике (Управление международного сотрудничества МВД России), г. Москва, Россия; г. Пекин, КНР.

Information about the authors

E. Yu. Antonova – Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Vladivostok, Russia.

A. Yu. Mantsurov – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Representative of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the People's Republic of China (Department of International Cooperation of the Ministry of Internal Affairs of Russia), Moscow, Russia; Beijing, People's Republic of China.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 111–118.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 111–118.

Научная статья

УДК 349.23/24

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/111-118>

ПРАВОВЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРЫХ ДОСТИГАЕТСЯ НЕОБХОДИМОЕ ПОВЕДЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ*

**Виктор Александрович Процевский¹, Евгений Владимирович Горлов²,
Сергей Андреевич Запорожец³**

^{1, 2, 3} Севастопольский государственный университет, 299053, Россия,

г. Севастополь, ул. Университетская, 33

¹ VAProtsevskiy@sevsu.ru

² evgorlov@sevsu.ru

³ SAZaporozhets@sevsu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы правового регулирования общественных отношений, возникающих в результате реализации гражданами конституционного права на труд. Определены понятие и механизм правового регулирования несамостоятельных отношений в сфере труда. Руководствуясь содержанием нормативных правовых актов, регулирующих наёмный труд, авторы исследовали правовые нормы, издаваемые государством и нормы, формулируемые на локальном уровне, в частности, коллективные, индивидуальные и другие. Теоретическую основу исследования составляют положения и выводы, содержащиеся в трудах российских и зарубежных учёных: С. С. Алексеева, Д. А. Керимова, Н. М. Коршунова, В. М. Лебедева, Р. З. Лившиц, А. М. Лушникова, М. В. Лушниковой, В. В. Мамонтова, И. А. Покровского, В. А. Процевского, А. В. Шматко, В. Ф. Яковлева и др. Выделены характерные особенности комплексного метода правового регулирования трудовых и тесно с ними связанных социальных отношений. Получила дальнейшее обоснование научная позиция об изменениях в подходе к определению особенностей характерных признаков в регулировании социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: труд, трудовые правоотношения, понятие правового регулирования, метод и предмет правового регулирования, механизм правового регулирования, трудовой договор, социально-партнёрские соглашения, субъекты трудовых правоотношений, социально-экономический интерес.

---

* © Процевский В. А., Горлов Е. В., Запорожец С. А., 2022

Для цитирования: Процевский В. А., Горлов Е. В., Запорожец С. А. Правовые предписания, с помощью которых достигается необходимое поведение субъектов трудовых правоотношений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, №. 2. С. 111–118. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/111-118>

Original article

LEGAL REGULATIONS BY MEANS OF WHICH THE NECESSARY BEHAVIOR OF SUBJECTS OF LABOR RELATIONS IS ACHIEVED

Victor A. Protsevskiy¹, Evgeniy V. Horlov², Sergey A. Zaporozhets³

^{1, 2, 3} Sevastopol State University, 299053, Russia, Sevastopol, 33 Universitetskaya St.

¹ VAProtsevskiy@sevsu.ru

² evgorlov@sevsu.ru

³ SAZaporozhets@sevsu.ru

Abstract. The article deals with the issues of legal regulation of public relations arising as a result of the realization by citizens of the constitutional right to work. The concept and mechanism of legal regulation of non-independent relations in the field of labor have been defined. Guided by the content of normative legal acts regulating wage labor, legal norms issued by the state and norms formulated at the local level, in particular, collective, individual and others have been studied. The theoretical basis of the study is in the provisions and conclusions contained in the works of Russian and foreign scientists: S. S. Alekseeva, D. A. Kerimov, N. M. Korshunov, V. M. Lebedev, R. Z. Livshits, A. M. Lushnikova, M. V. Lushnikova, V. V. Mamontov, I. A. Pokrovsky, V. A. Protsevsky, A. V. Shmatko, V. F. Yakovlev and others. The characteristic features of the complex method of legal regulation of labor and closely related social relations are highlighted. The scientific position on changes in the approach to determining the features of characteristic features in the regulation of social and labor relations has been further substantiated.

Keywords: labor, labor relations, the concept of legal regulation, method and subject of legal regulation, mechanism of legal regulation, employment contract, social partnership agreements, subjects of labor relations, socio-economic interest.

For citation: Protsevskiy V. A., Horlov Ye. V., Zaporozhets S. A. Legal regulations by means of which the necessary behavior of subjects of labor relations is achieved // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no 2. P. 111–118. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/111-118>

Правовое регулирование общественных отношений, возникающих в результате реализации права граждан на труд в процессе трудовой деятельности, относится к элементам организации общественного труда. Через правовое регулирование происходит государственное воздействие на социально-трудовые отношения, направленные на обеспечение интересов человека, общества и государства. Правила поведения закреплены в нормах права, которые выстраивают модель соответствующего поведения участников общественных отношений и определяют необходимость такого поведения субъектов.

Реализация норм права означает влияние трудового законодательства на жизнь общества. Благодаря волевой, сознательной деятельности участников процесса труда возникают соответствующие правоотношения. Через осуществление прав и обязанностей субъектов трудового процесса достигается основная цель правового регулирования.

Сформулированное в правовом предписании нормы, правило поведения выполняет в результате свою социальную регулятивную функцию. Такая реализация обеспечивает переход содержания норм права в правомерное поведение, чем достигается необходимый социальный результат.

Исследование проблем регулирования трудовых правоотношений связано с определением способов поведения его субъектов с целью содействия росту производительности труда. В этом заключается одна из задач трудового права, раскрывающая социальное назначение этой отрасли права России.

Для того чтобы выполнить поставленную задачу, необходимо разобраться в категориях «возможность» и «действительность» (реальность). Содержание нормы права относится к категории «возможность», причём независимо от того, идёт речь о праве или обязанности, правовое предписание закрепляет общеобязательное правило поведения. Права до момента их реализации являются всего лишь возможностью лица. И только после реализации право становится действительностью. Выдающийся учёный Д. А. Керимов, который исследовал философию права, писал, что только подвижки, движение права от возможности к действительности, только претворение правовых норм в регулирование отношений оказывается назначением права, его действительностью [1, с. 352].

Следовательно, нормы трудового права представляют собой продукт деятельности государства, с помощью которого последнее выполняет в концентрированной форме конституционные функции, в том числе и обязанности государства, которые сформулированы и закреплены, в частности, в ст. ст. 2, 7, 30, 37, 39 и др. Конституции РФ [2].

Важно акцентировать внимание на форме выражения правового предписания ст. 2 Основного закона России: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина» [2]. Обратим внимание на то, что в конституционной норме прямого действия правовое предписание сформулировано и направлено не на «покровитель-

ство» гражданина, не на «поддержку» его, а на утверждение и обеспечение – как главная обязанность государства. Что касается правового статуса работников, то он реализуется через профессиональные союзы, относящиеся к специфическим организациям гражданского общества. Конституция РФ трансформировала право граждан на свободу объединения в общественные организации и облекла его правовую форму реализации их прав и свобод. Конечной целью последней является всестороннее и полное удовлетворение экономических, социальных, культурных интересов.

Конституция нашего государства сконцентрировала особое внимание на специфической общественной организации, какой являются профессиональные союзы. В ст. 30 Конституции РФ определено правовое положение этой общественной организации. Защита трудовых и социально-экономических прав граждан находится во главе угла деятельности профессиональных союзов. Членство в такой общественной организации зависит от применения труда граждан, связанных общими интересами, в соответствии с родом их профессиональной деятельности, для создания которой не требуется предварительного разрешения соответствующих государственных органов. Всевозможные ограничения членства в этой общественной организации могут быть установлены исключительно Конституцией или Федеральным законом РФ. Без сомнения, все эти конституционные положения имеют важное значение в отношении деятельности профессиональных союзов.

В соответствии с нормами ТК РФ род профессиональной деятельности определяется условиями трудового договора, сторонами которого являются работодатель и работник, при реализации последним конституционного права на труд. В то же время, после заключения трудового договора по факту членства в профессиональных союзах работники реализуют также своё конституционное право на защиту трудовых, социально-экономических интересов.

Права и свободы человека являются неотчуждаемыми и незыблемыми, а потому посягательства на них, независимо от того, от кого они исходят, запрещаются. Вот почему правовое регулирование обеспечивает надлежащее осуществление деятельности органов государственной власти, обеспечивающих необходимую охрану и защиту прав, свобод и законных интересов. Через функционирование механизма правового регулирования и достигается необходимый уровень организации общества, демократии и экономической свободы.

Посредством юридического факта правовая норма устанавливает необходимую модель поведения участников социально-трудовых отношений и обеспечивает соответствующую её реализацию. От этого элемента механизма правового регулирования общественных отношений зависит результативность правового реагирования. Создается юридическая возможность для закрепления фактов, влекущих возникновение, изменение и прекращение трудовых правоотношений. Правовая норма устанавливает жизненные обстоятельства, наличие которых запускает в действие

правовой механизм. Основанием при этом является не закон, а установленные на его основе юридические факты.

Эффективность правового регулирования зависит от конкретных конструкций правовых норм, благодаря которым и возникают правоотношения. Применение правовых норм к требованиям и потребностям общества обеспечивает эффективность действия механизма правового регулирования. Удовлетворение интересов участников правоотношений и наступление желаемого результата относят к основной цели механизма правового регулирования.

Механизм правового регулирования обладает своими определенными способами и средствами, которые обеспечивают достижение поставленной цели. Способами правового регулирования являются пути юридического воздействия, зафиксированные в юридических нормах и других элементах правовой системы. С. С. Алексеев, в свою очередь, выделил следующие основные способы правового регулирования «разрешение – предоставление субъектам права на собственные активные действия; запрет – возложение на лиц обязанности воздерживаться от осуществления определенных действий; положительное обязательство – возложение на лиц обязанности активного поведения (что-то сделать, передать, уплатить)» [3, с. 215–217].

Результативность метода правового регулирования в такой области права России, как трудовое, существенно зависит от предмета его регулирования – то есть от круга общественных отношений. Необходимо отметить неразрывную связь между методом правового регулирования и фактическими отношениями. По мнению В. М. Лебедева, «во-первых, надо учитывать возможные изменения в общественных отношениях, которые могут повлиять на содержание метода правового регулирования; во-вторых, эти изменения должны отражать рыночный характер использования работодателем наёмного труда» [4, с. 75].

Наука трудового права при рассмотрении этого вопроса указывает на необходимость сочетания централизованного и локального способов регулирования социально-трудовых отношений; участие трудовых коллективов и др.

Специфика поставленных целей требует определённых средств и способов правового воздействия на общественные трудовые отношения. И поэтому В. М. Лебедев обратил внимание на тот факт, что важен «метод трудового права как всё более распространённое в рыночных условиях хозяйствования коллективное и индивидуальное договорное определение юридического положения субъектов социально-трудовых отношений, ограничение императивных государственных стандартов наёмного труда, предусмотренных законодательством о труде» [5, с. 83].

Метод правового регулирования олицетворяет в себе более объёмную юридическую категорию. Норма права, юридический факт, договор, санкция, принципы, функции – важные юридические средства, способы, приёмы, различные по своей структуре, задачам, но сходные по своей природе и функциональному назначению.

В определении метода правового регулирования важное место отводится цели. По этому поводу Д. Керимов писал, что как без средств цель нереальна, невыполнима, так и при отсутствии цели существующие средства не помогут достичь соответствующего результата [5, с. 279].

Для определения предмета регулирования отношений соответствующей отрасли права государство устанавливает метод правового регулирования, путём которого оно желает достичь поставленной цели. Руководствуясь этой целью, определяются содержание и характер нормы права, регулирующей этот вид общественных отношений. Способ воздействия правовой нормы на волю людей позволяет достигнуть эффективность правового регулирования трудовых отношений, что обеспечивает развитие общественного производства. Сторонам отношений предоставлена через норму права определённая инициатива, а государство, в свою очередь, оказывает влияние на соответствующее поведение участников отношений.

А. М. Лушников, М. В. Лушникова определяют метод правового регулирования через социальное партнёрство, отмечая «двуединую роль государства в правовом регулировании трудовых отношений как законодателя и участника социального партнёрства в сфере труда» [6, с. 491–497]. Дополнительные аргументы в обосновании указанной точки зрения были изложены несколько позже другими учёными в области трудового права [7, 8, 9].

Необходимое сочетание в правовом механизме особенностей частных и публичных интересов обеспечивается благодаря уменьшению государственного влияния на коллективно-договорное и индивидуально-договорное регулирование, чем обеспечивается реализация принципа единства и дифференциации в социально-трудовых отношениях.

В настоящих условиях хозяйствования наблюдается тенденция к усилению децентрализованного правового регулирования, что объясняется правовой природой общественных трудовых отношений, которым присущ договорный порядок их регулирования. Правовые отношения внутреннего трудового распорядка соответствующего юридического лица также являются результатом договорных обязательств.

Стороны в трудовом праве находятся в партнёрских отношениях и действуют в пределах предоставленных им прав на всех стадиях срока действия коллективных договоров или соглашений. В том числе и подчинение работника правилам внутреннего трудового распорядка возможно только при достижении соглашения между сторонами трудового договора.

Государство лишь определяет основные принципы правового регулирования общественного труда. Это касается государственных гарантий: минимальной платы за труд, продолжительности рабочего времени, отпусков и др. Большая часть трудовых отношений относится к локальному правовому регулированию. Условия труда работников не могут ухудшаться в процессе их конкретизации в локальных нормативных актах.

Необходимость диалектического сочетания централизованного (публично-правового) и децентрализованного (частноправового) регулирования трудовых и тесно связанных с ними отношений определяет прогрессивные тенденции в разработке методов такой отрасли права России, как трудовое. Современное развитие норм трудового права частного или публичного характера должно осуществляться в направлении уменьшения роли централизованного регулирования в сторону более широкого применения индивидуально-договорного и коллективно-договорного регулирования общественных отношений, возникающих в сфере социального труда.

Список источников

1. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. 472 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
3. Алексеев С. С. Общая теория права. 2-е изд. М.: Проспект, 2008. 565 с.
4. Лебедев В. М., Воронкова Е. Р., Мельникова В. Г. Современное трудовое право: (опыт трудового правового компаративизма). М.: Статут, 2007. 301 с.
5. Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. [4-е изд.]. М.: Изд-во СГУ, 2008. 520 с.
6. Лушников А. М., Лушников М. В. Курс трудового права. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Статут, 2009. 879 с.
7. Лазор Л. И. Метод трудового процессуального права: понятие, сущность, характерные особенности // Актуальные проблемы права: теория и практика. 2015. № 31. С. 8–16.
8. Потапова Н. Д. Об особенностях метода трудового права // Труд и социальные отношения. 2014. Т. 25, № 4. С. 96–100.
9. Процевский В. А. Частноправовое и публично-правовое регулирование социально-трудовых отношений: монография. Харьков: Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет, 2012. 332 с.

References

1. Kerimov D. A. Philosophical problems of law. Moscow: Mysl' Publ., 1972. 472 p. (In Russ.).
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (In Russ.).
3. Alekseev S. S. General theory of law. 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ., 2008. 565 p. (In Russ.).

4. Lebedev V. M., Voronkova E. R., Melnikova V. G. Modern labor law: (experience of labor law comparativeism). Moscow: Statut Publ., 2007. 301 p. (In Russ.).
5. Kerimov D. A. Methodology of law: subject, functions, problems of philosophy of law. 4th ed. Moscow: Publishing House of Modern Humanities University, 2008. 520 p. (In Russ.).
6. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Course of labor law. Ed. 2nd, revised. and add. Moscow: Statut Publ., 2009. 879 p. (In Russ.).
7. Lazor L. I. Method of labor procedural law: concept, essence, characteristic features. *Aktual'nye problemy prava: teoriya i praktika*, 2015, no. 31, pp. 8–16. (In Russ.).
8. Potapova N. D. On the peculiarities of the labor law method. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*, 2014, vol. 25, no. 4, pp. 96–100. (In Russ.).
9. Protsevsky V. A. Private law and public law regulation of social and labor relations: monograph. Kharkov: Kharkov National Automobile and Road University, 2012. 332 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В. А. Процевский – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры трудового права Юридического института Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия.

Е. В. Горлов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия.

С. А. Запорожец – кандидат политических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия.

Information about the authors

V. A. Protsevskiy – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of "Labor Law" of the Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

Ye. V. Horlov – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "Constitutional and Administrative Law", of the Law Institute Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

S. A. Zaporozhets – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of "Constitutional and Administrative Law" of the Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 119–133.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 119–133.

Научная статья

УДК 343(510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/119-133>

**УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС КИТАЯ:
СПЛАВ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ***
Часть 1

Александр Иванович Чучаев¹, Александр Иванович Коробеев²

¹ Институт государства и права Российской академии наук; 119019, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10, mokshal@rambler.ru

² Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа;
690922, г. Владивосток, Приморский край, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D,
akorobeev@rambler.ru

Аннотация. В статье дана краткая характеристика предыстории современного уголовного законодательства Китая, в частности кодексов Тан и Мин, показано влияние конфуцианской и легистской школ на развитие китайского уголовного права, подвергнуты анализу основные институты Общей части современного УК КНР 1997 г., раскрыта их специфика.

Ключевые слова: Китай, уголовное право, истоки законодательства, конфуцианская и легистская школы, современный Уголовный кодекс КНР, Общая часть, институты.

Для цитирования: Чучаев А. И., Коробеев А. И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики. Ч. 1 // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 119–133.
<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/119-133>

Original article

**THE CRIMINAL CODE OF CHINA:
FUSION OF LEGAL THOUGHT AND NATIONAL SPECIFICITY***
Part 1

Alexander I. Chuchaev¹, Alexander I. Korobeev²

¹ Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 119019, Moscow, 10 Znamenska St. mokshal@rambler.ru

² Far Eastern Federal University, School of Law; 690922, Russia, Vladivostok, Fr. Russian, 10 Ajax Bay, building D, akorobeev@rambler.ru

Abstract. The article gives a brief characteristic of the prehistory of modern criminal law in China, in particular the codes of Tang and Ming, shows the influence of Confucian and legist schools on the development of the Chinese criminal law, analyzes the main institutions of the General part of the modern Criminal Code of China, 1997, and reveals their specificity.

Keywords: China, Criminal Law, Origin of Law, Confucian and Legist Schools, modern Criminal Code of the People's Republic of China, General Part, Institutes.

For citation: Chuchaev A. I., Korobeev A. I. The Criminal Code of China: fusion of legal thought and national specificity. Part 1 // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 119–133. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/119-133>

Истоки современного уголовного права Китая

В Китае в средние века исторически сложилась традиция создания так называемых династических кодексов. Их основу составляли нормы, сформулированные основателем династии, которые затем дополнялись его преемниками. Другая особенность китайского права заключалась в безусловном преобладании таких его отраслей, как уголовное и административное право. Иные общественные отношения либо вообще не регулировались, либо регулировались очень слабо.

В истории китайского права особое место занимают кодексы Тан и Мин («Тан люй шу и» и «Да Минлюй»)¹, по сути заложившие основы уголовного законодательства Среднего государства (Чжунго – самоназвание Китая, состоит из двух иероглифов: чжун – середина, го – государство). Кодекс династии Тан (653 г.) относится к малочисленной группе правовых памятников мировой цивилизации, дошедших до наших дней. В нём впервые были сформулированы основные принципы

¹ Эти кодексы переведены на русский язык и опубликованы в Москве и Санкт-Петербурге. См.: [1], [2].

китайского законодательства, ставшие определяющими для Китая вплоть до XX в. По утверждению В. М. Рыбакова, в опосредованном виде они проявляются и в настоящее время [см.: 2, Цзюани 1–8].

Кодекс династии Мин был составлен в 1367 г. (не дошёл до нас, о нём известно по сборнику «Законы и декреты с популярными комментариями», составленному на его основе), знаменовал важный этап в развитии средневекового китайского законодательства, содержал в основном нормы уголовного права, при этом одновременно отражал стоящие за ними социальные явления в процессе эволюции на протяжении значительного отрезка времени – вплоть до начала XVII в. В 1374 г. была принята его новая редакция. Кодекс состоял из 606 статей, разделенных на 12 разделов, которые, в свою очередь, делились на 30 глав. 288 статей были перенесены из Кодекса 1367 г.; 36 – из декретов; 123 – из танских законов, принимавшихся для восполнения пробелов в законодательстве; 31 – из законов, изданных в связи с конкретными делами; 128 статей – из так называемых дополнительных законов [см.: 1, ч. 1].

С. В. Козлов, характеризуя китайские уголовные законы, сохранившие на себе «отпечаток величайшей древности», отмечал: «...для нас, воспринимавших вместе с христианством догматы прощения обид и общего человеколюбия, они, при всей своей строгости и подчас жестокости, имеют глубокий смысл, непосредственно заимствованный из жизни народной, и прекрасно приурочены к укоренившимся веками обычаям страны. Черпая материалы для своего законодательства из опыта тысячелетий осмысленной, но замкнутой жизни, Китай не нуждался в подражаниях народам Запада, прозябавшим ещё в первобытном варварстве, когда застенное¹ государство в течение уже нескольких десятков столетий существовало своей культурной жизнью... Китайское уложение составляет плод освященных трудов поколений древности, в которых прошлые династии последовательно вносили усовершенствования, указываемые самой жизнью, требуемые политическими обстоятельствами эпохи» [3].

В период правления маньчжурской династии Цин (1644–1911) действовал Цинский кодекс («Да цин люй ли»)². По мнению Е. Алабастера, «люй» «представляет собой основной, первоначальный кодекс, изданный в то время, когда династия упрочила свою власть; что же касается «ли», так это последующие, издававшиеся от времени до времени постановления» [8, с. 2].

¹ Имеется в виду Великая китайская стена.

² См.: [4]. Перевод «Тайцин гурунь и Ухери коли» был составлен по личному повелению императрицы Екатерины II. О китайском уголовном законодательстве указанного периода также см.: [5], [6]. Монах Иакинф – в миру Н. Я. Бичурин (1777–1853), архимандрит Русской православной церкви (1802–1823), возглавлявший Девятую духовную миссию в Пекине (1808–1821), основоположник русского китаеведения, получивший общеевропейскую известность. Указанные работы написаны на основе сделанного им перевода многотомного свода законов Цинской империи «Да Цин хуэй дянь» (подробнее см.: [7, с. 8]).

Следует отметить, что на развитие уголовного права Китая большое влияние оказали конфуцианская и легистская школы. В частности, понятие преступления в законодательстве трактовалось как проявление преступной воли человека, его низости, а духовное состояние виновного обуславливало тяжесть наказания. В основе выделения смягчающих наказание обстоятельств также лежали конфуцианские максимы, согласно которым необходимо было оказывать особое отношение к престарелым, проявлять сострадание к детям, беременным женщинам и т. д.

К этому времени в общих чертах сформировались концепции вины (преступления, совершенные с умыслом и без него; преступления, совершенные по ошибке и т. д.), стадий совершения преступления (выделялись покушение и оконченное преступление), соучастия и видов соучастников и др.

Цинский кодекс ставил в неординарное положение маньчжурцев и коренных жителей Поднебесной (самоназвание Китая; означает территорию, находящуюся под властью Китайского императора. В Китае это понятие в настоящее время вышло из употребления, им пользуются только в других странах, сохраняется в поэзии). Это особенно наглядно видно на примере назначения наказаний. При определенных обстоятельствах наказание, предусмотренное Кодексом, маньчжурцу могло быть заменено более мягким его видом, тогда как в отношении коренного жителя это сделать было невозможно (за исключением китайцев, служивших в маньчжурских войсках).

Да цин люй ли состоял из семи разделов. Первый из них условно можно охарактеризовать как общую часть кодекса, в нём содержались нормы о видах наказаний и об условиях, при наличии которых смягчалось наказание. Остальные разделы объединяли нормы о составах преступлений и способах разрешения гражданско-правовых споров, причем систематизировались нормы исходя из деятельности соответствующего министерства правительства Китая. Например, раздел военного министерства выделял такие виды деяний, как повреждение городских стен, недоброкачественные поставки для армии и т.д.

Всего же закон предусматривал 2779 видов преступлений. Все они описывались в виде казусов; чем опаснее было преступление, тем более подробная его характеристика давалась в кодексе. Так, устанавливалась ответственность за совершение десятков видов убийств, которые в свою очередь детализировались исходя из различных обстоятельств: формы вины, наличия соучастников; степени родства, социального положения, служебного подчинения или иной социальной зависимости потерпевшего и виновного, пола, возраста, времени и места совершения преступления и т.д. [см. подробно: 9].

Преступления наказывались различными видами смертной казни, вечной и срочной ссылкой, ударами большой и малой палкой, предусматривалась ссылка в дальние гарнизоны и с отдачей в рабство. При отягчающих обстоятельствах приме-

нялись наказания в виде ношения шейной колодки и клеймения. Некоторые преступления влекли за собой наказание не только виновного, но и всех близких родственников по мужской линии. В уголовно-правовом порядке дети карались с 7 лет.

Закон допускал откуп от уголовного наказания, в том числе и от смертной казни, а также наем других лиц для отбывания наказания.

В обобщенном виде наказуемость деяний, предусмотренных Да цин люй ли, характеризовалась следующим образом: 351 преступление влекло наказание в виде ударов (от 10 до 50) малой палкой; 925 – ударов (от 60 до 100) большой палкой; 435 – временной ссылки (от 1 года до 7 лет); 12 – вечной ссылки; 125 – ссылки с отдачей в рабство маньчжурским чиновникам или солдатам; 267 – ссылки в гарнизоны; 664 преступления – смертной казни путём удушения, отсечения головы или резания на куски [3, с. 12].

В 1911 г. династия Цин была свергнута. Через год, в 1912 г., было принято новое Уголовное уложение (Временное новое уголовное уложение). Однако некоторые положения Да цин люй ли действовали и после падения империи Цинов – вплоть до 5 мая 1931 г.

Уголовное уложение 1912 г. состояло из 411 статей. Оно обладало несомненными достоинствами, имело достаточно прогрессивный характер. Это видно по ряду моментов. В частности, законодатель отказался от аналогии уголовного закона, расширил действие уголовного закона в пространстве, дал более чёткое определение уголовно-правовых понятий и т.д. Следует заметить, что система наказаний была пересмотрена ещё применительно к Да цин люй ли, в частности, из кодекса были исключены все телесные наказания. Однако именно система наказаний, закреплённая в Уложении, подверглась наибольшей критике со стороны китайских учёных, считавших, что установление разрядов наказаний, системы степеней наказаний и сроков наказаний «давало большую свободу усмотрению судьи и вызывало опасение за правильность налагаемых им наказаний». Видные юристы утверждали также, что Уголовное уложение во многом противоречит китайским условиям [см. об этом подробно: 7, с. 12–13].

Уголовный кодекс Китайской Республики (УК КР) 1928 г. фактически представлял собой модернизированный вариант Уголовного уложения 1912 г. Первоначально кодекс состоял из 387 статей. В дальнейшем он действовал в редакции 1935 г. (с изменениями, внесенными в 1948 г.), в него входило 357 статей.

Кодекс испытал на себе существенное влияние зарубежного права. Некоторые авторы даже утверждают, что он почти целиком заимствован из уголовного законодательства ряда стран – Японии, Франции, Бельгии, Германии и Нидерландов [9, с. 342]. Вместе с тем Кодекс оценивается достаточно высоко. Так, утверждается, что он внёс в уголовное право много нового, «составляя опыт сочетания национальных особенностей правотворчества Китая с достижениями европейской и вне-

европейской юридической мысли», Кодекс содержит «интересное построение уголовных норм как в Общей своей части, так и Особенной» [10, с. V].

Практически аналогичным образом оценивал УК КР А. Камков. Он также утверждал, что «почти полностью заимствованный из японского УК, а частью из законодательства Франции, Бельгии, Германии, Голландии, УК 1928 г. вносит в уголовное право Китая много совершенно новых идей и институтов, которые, проходя через призму мировоззрения китайского народа, созданного тысячелетней культурой, совершенно самостоятельной и резко разнящейся от западной, под влиянием этого мировоззрения приобретает совершенно особенный своеобразный характер» [11, с. 7].

Таким образом, УК КР имел две особенности: первая заключалась в том, что его основные институты соответствовали требованиям правовой науки, в том числе и зарубежной, того времени; вторая – отражала специфику китайской культуры, мировоззрение китайского народа. Эти обстоятельства в наиболее обобщенном виде положительно характеризуют УК 1928 г.

В первые годы создания КНР (1949 г.) вопросы борьбы с преступностью в стране регламентировались отдельными правовыми актами. Важнейшими среди них были: Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность (1951 г.); Временное положение об охране государственной тайны (1951 г.); Положение о наказаниях за коррупцию (1952 г.) и др.

Первая попытка кодификации уголовного законодательства была предпринята в Китае в 1957 г. Она оказалась неудачной. Проект Уголовного кодекса КНР, многие положения которого были заимствованы из УК РСФСР 1926 г., так и не был принят. Возобновились кодификационные работы лишь в 70-е гг. XX в. и завершились в 1979 г. принятием первого в истории КНР Уголовного кодекса. Он вступил в действие с 1 января 1980 г.

Отличительными особенностями УК КНР 1979 г. можно признать: открытое закрепление в нём идеологии марксизма-ленинизма (с некоторыми поправками на «китайскую специфику»); откровенно классовый характер многих его положений (например, признание целого ряда преступлений контрреволюционными); использование при разработке многих институтов Общей части (понятие преступления, вина, возраст уголовной ответственности, стадии совершения преступления, добровольный отказ, соучастие, виды наказаний, назначение наказания и освобождение от него и др.) идей и принципов, почерпнутых из законодательных моделей, которые в то время широко применялись в странах социализма (СССР, Монголия, Болгария, Польша, Чехословакия и др.). Всё это позволяет с полным правом отнести УК КНР 1979 г. к типичным образцам социалистического уголовного законодательства.

Наряду с применением Кодекса параллельно шёл процесс принятия дополнительных правил, установлений и решений, регламентирующих отдельные направ-

ления борьбы с преступностью. Назовем среди них: Временные правила назначения наказания за преступления военнослужащих против служебного долга; Решение о применении сурового наказания за преступления, связанные с причинением серьёзного вреда экономике; Дополнительные установления о наказании за контрабанду; Дополнительные установления за взяточничество и коррупцию и др.

В силу многообразия источников уголовного права уголовное законодательство КНР постоянно «разбухало», становилось труднообозримым, противоречивым и коллизионным. Менялись и экономические реалии в стране. Этим и была продиктована необходимость проведения ещё одной кодификации уголовного законодательства. Такая законодательная акция была осуществлена в 1997 г. в форме создания обновлённого варианта УК КНР.

Особенности Общей части УК Китая

Уголовный кодекс принят на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997 г., вступил в силу 1 октября 1997 г.¹

УК КНР в предыдущей редакции действовал, как уже отмечалось, с 1 января 1980 г. За этот промежуток времени ни государственный, ни политический строй в Китае не изменились. Вместе с тем в экономической сфере, благодаря в первую очередь реформам Дэн Сяопина, были проведены весьма серьёзные преобразования: многие элементы классической рыночной экономики, хотя и под достаточно жёстким контролем государства, в КНР были легализованы. Всё это потребовало внесения корректив и в уголовное законодательство. Специфика же этой процедуры заключалась в том, что законодатель КНР не пошёл на глубокое реформирование УК КНР (в этом, с учётом указанных причин, по-видимому, и не было особой нужды), а ограничился лишь переизданием прежнего УК КНР в новой редакции. Чем же примечательна новая редакция УК Китая по сравнению с предыдущей (см. раздел: «Уголовный кодекс Китайской Народной Республики» [11]), что в ней появилось особенного? Таких особенностей несколько.

Оставаясь по-прежнему на позициях социалистического уголовного права, не скрывая его откровенно классового характера и обусловленности коммунистической идеологией, законодатель Китая вместе с тем в УК 1997 г. смягчил идеологическую направленность Кодекса, отказался в ряде случаев от чрезмерно пропагандистской риторики. Так, в Кодекс не вошла фраза из ст. 1 предыдущего УК: «Уголовный кодекс Китайской Народной Республики разработан на основе руководящего курса марксизма, ленинизма, идей Мао Цзэдуна». Не встречается в нём и термин «контрреволюционные преступления».

¹ Перевод выполнил выдающийся китайский лингвист правовед профессор Хуан Даосю.

Задачами Кодекса в ст. 2 провозглашено: вести борьбу со всеми преступлениями с применением уголовного наказания в целях защиты государственной безопасности, власти народно-демократической диктатуры и социалистического строя, охраны государственной и коллективной собственности трудящихся масс, частной собственности граждан, защиты прав личности, демократических и других прав граждан, поддержания общественного, экономического порядка для гарантии успешного осуществления строительства социализма. Обращает на себя внимание в новом УК КНР более упорядоченный перечень охраняемых объектов, который включает в себя уже и частную собственность граждан.

Институт действия уголовного закона во времени, пространстве и по кругу лиц сформулирован в УК Китая в духе общепринятых в мировой практике традиций. При этом законодатель Китая использует территориальный, реальный и универсальный принципы, принципы гражданства, экстерриториальности, ультраактивности уголовного закона.

В некоторых из этих положений закона можно усмотреть и китайскую специфику. Например, в соответствии со ст. 7 УК к гражданам КНР, совершившим вне пределов Китая преступления, подпадающие под действия Кодекса, применяется Уголовный кодекс Китая. Однако если для этих лиц, согласно Кодексу, предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трёх лет, они могут не подвергаться уголовному преследованию.

Институт экстрадиции в новом УК Китая не содержится. Зато законодатель прибегает к аутентичному толкованию некоторых терминов непосредственно в Общей части Уголовного кодекса. Так, в гл. 5 УК Китая даётся легальное толкование таких понятий, как общественная и частная собственность, государственный работник, работник органов юстиции, тяжкое телесное повреждение, главарь преступления и др.

Законодатель Китая отказался от института так называемой контролируемой аналогии (когда вынесенный на основе аналогии приговор подлежал обязательному утверждению Верховным народным судом КНР). В ст. 3 УК 1997 г. сказано: «Если закон чётко определяет деяние как преступное, то оно в соответствии с законом определяется как преступление и подлежит наказанию; если в законе отсутствует чёткое определение деяния как преступления, то оно не квалифицируется как преступление и не подлежит наказанию». Та же мысль прослеживается и в ст. 13 УК, где даётся развернутое материальное определение понятия преступления.

Преступление. В гл. 2 «О преступлении» под таковым понимаются все деяния, наносящие вред государственному суверенитету, территориальной целостности и безопасности государства, направленные на раскол государства, подрывающие власть народно-демократической диктатуры, свержающие социалистический строй, нарушающие общественный и экономический порядок, посягающие на государ-

ственную или коллективную собственность трудящихся масс, на личную собственность граждан, их личные, демократические и прочие права, а также другие наносящие вред обществу деяния, за которые в законе предусмотрено уголовное наказание. Однако явно малозначительное, неопасное деяние небольшой тяжести не признается преступлением.

В этой же главе сформулированы все иные институты, так или иначе тяготеющие к институту преступления: вина, возраст уголовной ответственности, обстоятельства, исключаяющие преступность деяния, стадии, соучастие и т.д.

Институт вины содержит её деление по формам и видам на умысел (прямой и косвенный) и неосторожность (легкомыслие и небрежность). В ст. 15 УК сформулирована важная оговорка: «...уголовная ответственность за преступление, совершённое по неосторожности, наступает в случаях, прямо предусмотренных законом». Тем самым законодатель существенно сужает сферу применения уголовной репрессии за неосторожное поведение.

Возраст уголовной ответственности по общему правилу установлен с 16 лет. В порядке исключения лица в возрасте от 14 до 16 лет подлежат уголовной ответственности за ряд преступлений, перечень которых дан в законе (убийство, умышленное причинение вреда, повлекшее тяжкие телесные повреждения или смерть, изнасилование и др.).

Формула невменяемости отдалённо напоминает конструкцию, использованную в ст. 11 УК РСФСР 1960 г. Имеется в УК Китая и положение, согласно которому совершение преступления в состоянии опьянения не исключает уголовной ответственности. Однако несомненной оригинальностью отличается правило, зафиксированное в ст. 19 Кодекса: «Глухонемому либо слепому, совершившему преступление, может быть назначено более мягкое наказание или наказание ниже низшего предела, либо его можно освободить от наказания».

Из обстоятельств, исключаящих преступность деяния, Уголовному кодексу Китая известны только два: необходимая оборона (ст. 20 УК) и крайняя необходимость (ст. 21 УК).

Стадии совершения преступления также подразделяются лишь на приготовление и покушение. Понятия оконченного преступления в УК Китая не даётся. Вместе с тем Кодекс за неоконченное преступление предоставляет суду право назначать наказание более мягкое, чем за оконченное преступление, наказание ниже низшего предела либо освобождать от наказания (в случае прекращения преступных действий на стадии приготовления) или назначать наказание более мягкое, чем за оконченное преступление, либо наказание ниже низшего предела (в случае прекращения тех же самых действий на стадии покушения).

Примечательной особенностью УК Китая является своеобразная трактовка добровольного отказа. В соответствии со ст. 24 УК Китая добровольный отказ от

совершения преступления не исключает уголовную ответственность, а лишь освобождает от наказания.

Институт соучастия в УК Китая облечён в классическую формулу: «Соучастием в преступлении признается совместное умышленное участие двух и более лиц в совершении преступления» (ст. 25). При этом, чтобы исключить сомнения по поводу того, в совершении какого же преступления возможно соучастие, к данной формуле добавлено положение по сути о так называемом неосторожном сопричинении.

Смысл этого положения раскрывается в следующих словах закона: «Двое и более лиц, совместно совершивших преступление по неосторожности, не рассматриваются как соучастники преступления. Если они подлежат уголовной ответственности, то должны подвергнуться наказаниям отдельно в соответствии с совершёнными ими преступлениями».

В процессе регламентации института соучастия впервые в УК Китая включен ряд положений, касающихся понятия «преступная группа» и ответственности главного преступника (главаря) за организацию и руководство таковой (ст. 26).

В Кодексе появился ранее не известный законодательству Китая институт уголовной ответственности юридических лиц. Примечательно, что в его Общей части этому институту посвящены только две статьи. Первая из них гласит: «За деяние, совершённое компанией, предприятием, учреждением, органом, общественной организацией и рассматриваемое законом как корпоративное преступление, должна наступать уголовная ответственность» (ст. 30). Во второй норме сформулировано положение о наказании юридических лиц. В качестве такового выступает, естественно, штраф. Что же касается «непосредственных руководителей и других непосредственно ответственных лиц», то они несут уголовную ответственность на общих основаниях. Уголовная ответственность юридических лиц наступает лишь в случаях, когда об этом прямо указано в статьях Особенной части УК или в законах. Надо заметить, что перечень таких статей достаточно обширен.

Наказание. В гл. 3 «О наказании» УК Китая не содержится ни понятия наказания, ни характеристики его целей. Она открывается системой и видами наказаний. Последними являются: надзор, арест, срочное лишение свободы, пожизненное лишение свободы, смертная казнь. К дополнительным наказаниям относятся: штраф, лишение политических прав, конфискация имущества.

К совершившим преступление иностранным гражданам в качестве самостоятельной или дополнительной меры наказания может применяться высылка из страны.

Шкала наказаний дополнена и ещё одной, весьма рациональной, на наш взгляд, мерой. Для лиц, наносящих своим преступным поведением экономический вред, предусматривается гражданская ответственность в виде компенсации материального ущерба. Причем осужденный, несущий гражданскую ответственность в виде компенсации, одновременно наказывается штрафом. При исполнении наказа-

ния приоритеты расставлены таким образом, что осужденный в первую очередь должен выполнить обязанность по компенсации причиненного вреда.

Надзор как вид наказания представляет собой необходимость претерпевания поднадзорным, не изолированным от общества, целого ряда правоограничений. Он устанавливается на срок от трёх месяцев до двух лет. В течение этого срока осужденные должны выполнять определенные требования.

Арест есть разновидность лишения свободы. Он устанавливается на срок от одного до шести месяцев. Осужденный имеет право один-два дня в месяц пребывать дома; работающим может выдаваться вознаграждение.

Срочное лишение свободы состоит в изоляции осужденных от общества с содержанием их в тюрьме либо в других местах исполнения приговора и устанавливается на срок от шести месяцев до пятнадцати лет.

Смертная казнь применяется только к лицам, совершившим тяжчайшие преступления. Перечня этих преступлений в Общей части УК Китая мы не находим. Более того, исходя из смысла закона, можно прийти к выводу, что данный вид наказания может быть назначен и в тех случаях, когда он прямо не указан в санкции той или иной статьи Особенной части УК.

Смертная казнь не применяется к лицам, не достигшим к моменту совершения преступления 18-летнего возраста (в предыдущей редакции УК она могла применяться), к женщинам, находящимся во время судебного разбирательства в состоянии беременности, а также по общему правилу к лицам, достигшим к моменту судебного разбирательства 75-летнего возраста.

Применительно к смертной казни УК Китая отличается одной интересной особенностью. Суть её в том, что в отношении осужденных к смертной казни, когда нет необходимости приговор привести в исполнение немедленно, одновременно с вынесением приговора его исполнение может быть отсрочено на два года (ст. 48 УК).

Характер поведения осужденного в период «испытательного срока» может влечь наступление различных последствий. Если такой осужденный во время отсрочки не совершил умышленного преступления, то по прошествии двух лет наказание ему может быть заменено пожизненным лишением свободы; если он действительно серьёзно искупил вину заслугами, то по истечении тех же двух лет наказание ему может быть заменено лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет; если же он совершил умышленное преступление, что может быть доказано, то с санкции Верховного народного суда КНР смертная казнь приводится в исполнение (ст. 50 УК).

Как видим, законодатель Китая, используя данные нормы в качестве стимулирующих позитивное посткриминальное поведение осужденных, дает шанс осужденным не только на жизнь, но и на свободу. Впрочем, и реальное исполнение смертной казни в этой стране не такая уж редкость. По имеющимся данным, в по-

следние 10 лет в среднем 76 % всех зафиксированных в мире казней и 70% всех смертных приговоров приходились на долю Китая.

Штраф (или денежное взыскание) относится к дополнительным наказаниям. Его размер и способы исчисления в Общей части УК Китая не установлены. В ст. 52 УК лишь сказано, что данное наказание «назначается в определённой сумме денег в соответствии с обстоятельствами совершения преступления». Штраф может быть исполнен как в форме одноразовой уплаты, так и в рассрочку.

Лишение политических прав состоит в лишении следующих прав: права избирать и права быть избранным; права свободы слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций; права занимать должности в государственных органах; права занимать руководящие должности в государственных компаниях, на предприятиях, в учреждениях и общественных организациях. Это наказание устанавливается на срок от одного года до пяти лет. Осуждённые к смертной казни, пожизненному лишению свободы лишаются политических прав пожизненно.

Конфискация имущества состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства части либо всего имущества, являющегося личной собственностью осуждённого. При изъятии имущества ранее сделанные осуждённым законные долги необходимо уплатить из конфискованного имущества по запросу кредитора (ст. 60 УК).

Переходя к анализу гл. 4 «Применение наказания» УК, необходимо отметить следующее.

В новом УК Китая ужесточен институт рецидива преступлений. Если раньше рецидивистами признавались лица, осуждённые к лишению свободы на определённый срок или к более строгой мере наказания и после отбытия срока наказания либо амнистии в течение трех лет совершившие преступление, за которое предусмотрено срочное лишение свободы, то в новом УК этот срок продлён до пяти лет.

В ст. 68 и 78 УК раскрываются очень важные для назначения наказания понятия «искупление вины заслугами» и «серьёзное искупление вины заслугами». Данные категории в уголовном праве Китая выполняют функции смягчающих ответственность обстоятельств.

Условное осуждение может быть применено лишь в отношении осуждённых к аресту и лишению свободы на срок до трех лет с учетом обстоятельств совершения преступления и чистосердечного раскаяния виновного. Условное осуждение не применяется к рецидивисту.

Условно-досрочное освобождение применяется, если осуждённый к срочному лишению свободы отбыл половину и более срока наказания, а осуждённый к пожизненному лишению свободы – десять и более лет, при этом соблюдал правила тюремного содержания, воспринял меры перевоспитания и искренне раскаялся. Эти меры не применяются к рецидивистам, а также осуждённым к лишению свободы на десять

и более лет, к пожизненному лишению свободы за убийство, взрыв, разбой, изнасилование, похищение человека и другие насильственные преступления.

Какаясь сроков давности привлечения к уголовной ответственности, следует обратить внимание на ст. 89 УК Китая. В ней сформулировано правило, в соответствии с которым срок давности уголовного преследования исчисляется со дня совершения преступления; при совершении продолжаемых или длящихся преступлений срок давности исчисляется со дня окончания преступных деяний. Учтён в этой норме и принцип прерывания течения срока давности в случае совершения нового преступления, от которого по не совсем понятным причинам отказался российский законодатель при принятии Уголовного кодекса РФ 1996 г.

Уголовный кодекс Китая содержит норму, согласно которой «лица, в соответствии с законом подвергнувшиеся уголовному наказанию, при поступлении на работу, военную службу должны правдиво сообщить в соответствующие органы, что подверглись уголовному наказанию» (ст. 100). Учитывая, что ни в старой, ни в новой редакции УК Китая не содержится норм, регламентирующих вопросы снятия или погашения судимости, получается, что обязанность информировать соответствующие инстанции о понесенном уголовном наказании за ранее совершенное преступление лежит на гражданине КНР пожизненно. Таковы основные особенности Общей части УК Китая 1997 г.

Список источников

1. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли): пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н. П. Свистуновой; отв. ред. С. Кучера. М.: Восточная литература, 1997. Ч. 1. 572 с.; ч. 2. 2002. 408 с.; ч. 3. 2012. 444 с.; ч. 4. 2019. 550 с. (Памятники письменности Востока).

2. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1–8 / Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. С.-Петербург. фил.; пер., введ. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб.: Петерб. востоковедение, 1999. 376 с.; Цзюани 9–16. 2001. 301 с.; Цзюани 17–25. 2005. 376 с.; Цзюани 26–30. 2008. 408 с.

3. Козлов С. В. Китай. Гражданское и уголовное законодательство. СПб., 1899. 18 с.

4. Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского правительства): в 3-х т. / пер. с маньчжурского на русский язык Коллегии иностранных дел надворный советник Алексей Леонтьев. СПб., 1781. Т. 1. 1781. 16, [5], XLV, [11], 398 с.; т. 2. 1782. [9], 377, XXX, [1] с.; т. 3. 1783. [27], 584, XXIII, [1] с., 1 л. табл.

5. Китай в гражданском и нравственном состоянии / сочинение монаха Иакинфа в четырех частях. СПб., 1848. Ч. 1. VIII, 128, 11 с.; ч. 2. 62, VI с.; ч. 3. [4], 152, 2, [1] с.; ч. 4. 177 с.

6. Статистическое описание Китайской империи / сочинение монаха Иакинфа в двух частях. СПб.: Тип. Э. Праца, 1842. Ч. 1. XXXII, 279 с., 2 л. табл., карт.; ч. 2. [2], 350 с., 4 л. карт.
7. Ахметшин Н. Х. История уголовного права КНР. М., 2005. 343 с.
8. Алабастер Э. Заметки и комментарии на китайское уголовное право, составленные Е. Алабастером по материалам, собранным сэром Чалонер Алабастером, бывшим генеральным консулом в Китае / пер. с англ. А. Д. Дабовского. Владивосток: Паровая типо-лит. газ. «Дальний Восток», 1903. [2], 310, IX, [2] с.
9. История государства и права зарубежных стран: в 2 ч. Ч. 2. М., 1999. 703 с.
10. Уголовный кодекс Китайской Республики. Распубликован Националистическим правительством в марте 17 г. Китайской Республики и введен в действие тем же правительством в июле того же года, а в Особом Районе Восточных Провинций 7 января 18 г. Китайской Республики (1929 г.) / под ред. Е. С. Павликовского; пер. с кит. Пэн Ко-Ци, Чжао Дэ-Сюань. Харбин: Отд. Тип. Кит. Вост. жел. дор., 1929. 84 с.
11. Камков А. Очерк современного уголовного права Китайской Республики. М., 1932. 12 с.
12. КНР. Конституция и законодательные акты / под ред. Л. М. Гудошникова; пер. с кит. М.: Прогресс, 1984. 470 с.

References

1. Kuchera S. (resp. ed.). Laws of the Great Ming Dynasty with a summary commentary and an appendix of decrees (Da Ming lu ji jie fu li): trans. from Chinese, research, notes. and adj. N. P. Svistunova. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1997. Part 1. 572 p.; part 2. 2002. 408 p.; part 3. 2012. 444 p.; part 4. 2019. 550 p. (Monuments of the written language of the East). (In Russ.).
2. Rybakov V. M. (per., intro. and comment.). Tang criminal regulations with explanations ("Tang lu shu yi"). Juan 1–8. St. Petersburg: Petersburg. oriental studies Publ, 1999. 376 p.; Juan 9–16. 2001. 301 p.; Juan 17–25. 2005. 376 p.; Juan 26–30. 2008. 408 p. (In Russ.).
3. Kozlov S. V. China. Civil and criminal law. St. Petersburg, 1899. 18 p. (In Russ.).
4. Taitsin gurun and Uheri koli, that is, all the laws and regulations of the Chinese (and now the Manchurian government): in 3 volumes / transl. from Manchurian into Russian of the Collegium of Foreign Affairs Court Counselor Alexei Leontiev. St. Petersburg, 1781. Vol. 1. 1781. 16, [5], XLV, [11], 398 pp.; vol. 2. 1782. [9], 377, XXX, [1] p.; v. 3. 1783. [27], 584, XXIII, [1] p., 1 sheet. tab. (In Russ.).
5. China in a civil and moral state / the work of the monk Iakinf in four parts. St. Petersburg, 1848. Part 1. VIII, 128, 11 p.; part 2. 62, VI p.; Part 3. [4], 152, 2, [1] p.; part 4. 177 p. (In Russ.).

6. Statistical description of the Chinese Empire / the essay of the monk Iakinf in two parts. St. Petersburg: Type. E. Praca, 1842. Part 1. XXXII, 279 p., 2 sheets. tab., maps; part 2. [2], 350 p., 4 sheets. kart. (In Russ.).

7. Akhmetshin N. Kh. History of criminal law of the People's Republic of China. Moscow, 2005. 343 p. (In Russ.).

8. Alabaster E. Notes and comments on Chinese criminal law compiled by E. Alabaster based on materials collected by Sir Chaloner Alabaster, former Consul General in China / transl. from English. A. D. Dabovsky. Vladivostok, 1903. [2], 310, IX, [2] p. (In Russ.).

9. History of the state and law of foreign countries: in 2 parts. Part 2. Moscow, 1999. 703 p. (In Russ.).

10. Pavlikovsky E. S. (ed.). Criminal Code of the Republic of China. Published by the Nationalist Government in March 17 of the Republic of China and put into effect by the same government in July of the same year, and in the Special Region of the Eastern Provinces on January 7, 18 of the Republic of China (1929). Transl. with whale Peng Ko-Chi, Zhao De-Xuan. Harbin: Separate Printing House of China Eastern Railway, 1929. 84 p. (In Russ.).

11. Kamkov A. Essay on modern criminal law of the Republic of China. Moscow, 1932. 12 p. (In Russ.).

12. People Republic of China. Constitution and legislative acts / ed. L. M. Gudoshnikova; per. with whale. Moscow: Progress Publ., 1984. 470 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. И. Чучаев – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия.

А. И. Коробеев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Information about authors

A. I. Chuchaev – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

A. I. Korebeev – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 134–146.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 134–146.

Научная статья

УДК 347.44

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/134-146>

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ КОНТРАКТА В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД*

Адэль Камилевич Гайнутдинов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Россия, г. Казань,
ул. Кремлевская, 18, kafedra.ksu@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается сущность обеспечения исполнения обязательств в рамках контрактной системы. Выявлена множественность пониманий обеспечения исполнения контракта: правоотношение, правовое условие заключения контракта, юридическая конструкция, комплексный правовой субинститут, юридическая процедура, правовой инструмент. Обоснована межотраслевая правовая природа обеспечения исполнения контракта и установлено, что межотраслевые связи частного и публичного права в сфере обеспечения исполнения обязательств по контрактам проявляются в форме межотраслевого правового регулирования, межотраслевого взаимодействия, межотраслевого взаимного влияния. Доказано, что публично-правовые требования, оказывающие влияние на гражданско-правовые отношения в области обеспечения исполнения государственных и муниципальных контрактов, существенно сужают диспозитивные возможности поставщиков. Обоснована необходимость дифференциации правового регулирования отношений в области обеспечения исполнения контрактов и диспозитивного комбинирования способов обеспечения обязательств.

Ключевые слова: обеспечение исполнения контракта, контракт, контрактная система, закупки товаров, работ, услуг, межотраслевые связи.

Для цитирования: Гайнутдинов А. К. Понятие и сущность обеспечения исполнения контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. № 2. С. 134–146. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/134-146>

---

* © Гайнутдинов А. К., 2022

Original article

CONCEPT AND ESSENCE OF CONTRACT ENFORCEMENT IN THE FIELD OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, AND SERVICES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Adel K. Gainutdinov

Kazan (Volga) Federal University, 420008, Russia, Kazan, 18 Kremlevskaya St.,
kafedra.ksu@yandex.ru

Abstract. The article reveals the essence of ensuring the fulfillment of obligations under the contract system. Multiple understandings of contract enforcement are revealed: legal relationship, legal condition of contract conclusion, legal structure, complex legal sub-institution, legal procedure, legal instrument. The article substantiates the intersectoral legal nature of contract enforcement and establishes that intersectoral relations between private and public law in the field of contract enforcement are manifested in the form of intersectoral legal regulation, intersectoral interaction, and intersectoral mutual influence. It is proved that public law requirements that affect civil law relations in the field of ensuring the execution of state and municipal contracts significantly reduce the dispositive capabilities of suppliers. The necessity of differentiation of legal regulation of relations in the field of contract enforcement and a dispositive combination of ways to secure obligations is justified.

Keywords: contract enforcement, contract, contract system, procurement of goods, works, services, inter-industry relations.

For citation: Gainutdinov A. K. Concept and essence of contract enforcement in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no 2. P. 134–146. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/134-146>

Распределение экономических возможностей субъектов контрактной системы и «расклад сил» между ними неодинаковы, что налагает свои особенности на механизм обеспечения исполнения обязательств. Как писал Г. Ф. Шершеневич, «казна – слишком надежный контрагент» [1, с. 176], и исторически сложилось так, что в договоре, заключаемом с публично-правовым образованием, поставщики (подрядчики, исполнители), как правило, больше уверены в платежеспособности своего контрагента. А поскольку менее «ненадёжными» в этом отношении являются контрагенты публичных заказчиков, то правовое воздействие на отношение, соответственно, предполагает включение и применение дополнительных

правовых средств, минимизирующих экономические риски при распределении бюджетных средств.

В целях поддержания устойчивости гражданского оборота и эффективности заключения и исполнения государственных и муниципальных контрактов законодательство о контрактной системе предусматривает возможность обеспечения обязательств по соответствующим контрактам. Институт обеспечения обязательств в рамках контрактной системы, с одной стороны, имеет гражданско-правовое происхождение, с другой стороны, представляет собой уникальное правовое явление в силу специфики сферы заключения государственных и муниципальных контрактов.

В цивилистической науке институт обеспечения обязательств, начиная еще с трудов Д. И. Мейера [2] в целом характеризуется достаточной разработанностью [3, с. 44]. Что же касается проблематики обеспечения обязательств по государственным и муниципальным контрактам, то надо заметить, что она характеризуется фрагментарностью в изучении, поскольку учёные в основном акцентируют внимание на отдельных способах обеспечения обязательств. Между тем, рассмотрение сущности обеспечения обязательств в рамках контрактной системы сегодня приобретает важнейшее теоретическое и практическое значение. Системное раскрытие правовой природы обеспечения исполнения государственных и муниципальных контрактов позволяет, во-первых, выявить концептуальные основы построения соответствующего правового регулирования, во-вторых, определить проблемы его реализации, в-третьих, предложить инструменты, повышающие эффективность применения.

Статья 96 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о КС) [4] определяет основы обеспечения исполнения контракта. Для целей нашего анализа представляется возможным выделить множественность пониманий обеспечения как правового явления применительно к исследуемой сфере.

О. С. Гринь, раскрывая различные научные концепции понимания способов обеспечения исполнения обязательств, в функциональном значении определяет их как «установленные законом или договором специальные (дополнительные) меры имущественного характера, которые либо стимулируют должника к надлежащему исполнению обязательства, либо гарантируют защиту имущественного интереса кредитора в случае нарушения обязательства должником, либо выполняют обе эти функции» [3, с. 47].

Общее предназначение обеспечения исполнения обязательств в рамках контрактной системы с точки зрения гражданского права сводится к этим функциям. Несомненно, обеспечение, подразумевающее наличие у кредитора дополнительных прав, должно улучшать его положение, а также упрощать защиту кредитором своих обязательственных прав. В то же время обеспечительные меры могут пониматься в

широком смысле в контексте сопровождения подготовительных процедур в соответствии со ст. 45 Закона о КС.

Обеспечение исполнения контракта можно обозначить как гражданско-правовое отношение с комплексом взаимных прав и обязанностей субъектов. В данной связи необходимо заметить, что ему свойственен особый субъектный состав, который проявляется, с одной стороны, в специфике правового статуса одной из сторон договорного отношения («публичный» заказчик), с другой стороны, наличием дополнительных субъектов при реализации такого способа, как банковская гарантия. В структуру обеспечительных правоотношений включается банковская организация, выдающая гарантию, и в этой связи банк выступает специальным правосубъектным средством, позволяющим обеспечить иным субъектам отношения достижение целей имущественного характера.

Ещё одним аспектом, характеризующим особенности субъектного состава в конструкции обеспечения контрактов, является влияние правового статуса субъектов контракта на объём прав и обязанностей. В данном преломлении речь идёт об основаниях и условиях предоставления преференций или, наоборот, повышенных требований, устанавливаемых законодательством о контрактной системе в отношении отдельных групп поставщиков.

В соответствии с п. 4 ст. 96 Закона о КС юридический факт предоставления обеспечения (в надлежащей форме и в надлежащие сроки) можно считать необходимым правовым условием для заключения контракта. Неисполнение данного условия влечёт правовые последствия для поставщика и его деловой репутации. На основании п. 5 ст. 96 Закона о КС он считается уклонившимся от заключения контракта [5].

Обеспечение исполнения контракта как сложноструктурное нормативное образование имеет признаки юридической конструкции. Ю. А. Серкова определяет юридическую конструкцию как систему, то есть состав, построение и взаимное расположение согласованных элементов специального правового механизма, появившегося в результате юридической деятельности [6, с. 65]. В обобщенном виде элементное строение юридической конструкции обеспечения исполнения государственных и муниципальных контрактов можно представить в виде совокупности взаимосвязанных звеньев: круг субъектов-адресатов, система установленных правил поведения и юридических процедур реализации соответствующих предписаний, меры юридической ответственности.

На более детальном уровне построения нормативного материала можно выделить иные юридические конструкции, относящиеся к обеспечению исполнения обязательств в рамках контрактной системы, например, юридические конструкции конкретных способов обеспечения исполнения контрактов.

Законодатель заранее предложил участниками частноправовых отношений параметры и условия применения гражданско-правовых способов обеспечения испол-

нения обязательств по контрактам. Согласно ч. 3 ст. 96 Закона о КС, исполнение государственного контракта может обеспечиваться предоставлением банковской гарантии, выданной банком и соответствующей установленным в статье 45 Закона о КС требованиям, или внесением денежных средств на указанный заказчиком счёт, на котором в соответствии с законодательством Российской Федерации учитываются операции со средствами, поступающими заказчику. Нижние и верхние количественные пределы размеров обеспечения также установлены нормативно.

Закон о КС (ст. 45) и Постановление Правительства РФ от 12.04.2018 № 440 «О требованиях к банкам, которые вправе выдавать банковские гарантии для обеспечения заявок и исполнения контрактов» [7] определяют систему чётких и достаточно подробных правил, относящихся к содержанию, форме и порядку оформления банковской гарантии.

Наличие специальных формализованных требований к способам обеспечения обязательств и юридическим процедурам их реализации в рамках контрактной системы предопределяет особенность соответствующей нормативной конструкции. Степень «гибкости» конструкции сведена к минимуму, что свидетельствует о ярко выраженном доминировании публично-правовых методов правового регулирования и сужении диспозитивных возможностей субъектов отношений в сфере обеспечения исполнения контрактов.

Законодательство о контрактной системе выступает по отношению к гражданско-правовому регулированию отношений в сфере обеспечения контрактов как *Lex specialis*. Все гражданско-правовые инструменты, применяемые субъектами отношений контрактной системы, с учётом их общей направленности на обеспечение множества взаимосвязанных частных, общественных и публичных интересов, существенно трансформируются под влиянием публично-правового регулирования. Не стало исключением и обеспечение исполнения обязательств. Это обусловлено, прежде всего, комплексностью контрактной системы, представляющей собой достаточно сложный механизм, охватывающий и сводящий воедино правовые, экономические и организационно-управленческие задачи [8, с. 5].

Л. В. Андреева отмечает, что «нормативное правовое регулирование отношений в сфере контрактной системы носит межотраслевой характер» [9, с. 78]. О необходимости применения межотраслевого метода исследований при характеристике отношений в области контрактной системы убедительно говорит и А. С. Зарубин [10, с. 317].

Используя наработки фундаментальной для цивилистики концепции межотраслевых связей М. Ю. Чельшева [11], можно определить, что межотраслевые связи гражданского права и иных отраслей права при конструировании обеспечения проявляются в различных формах. Так, *межотраслевое правовое регулирование* отражает процесс регламентации обеспечения контрактов нормами главы 23 Гражданского кодекса РФ

[12], нормами Закона о КС и дополнительно узкоотраслевыми регуляторами, например, Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» [13]. *Межотраслевое взаимное влияние* имеет место тогда, когда, с одной стороны, требования, установленные нормами публично-права, определяют объём и пределы реализации субъективных гражданских прав участников обеспечительного правоотношения, а, с другой стороны, частнопрововые инструменты оказывают трансформационное воздействие на публично-правовую плоскость. В данной связи стоит отметить, что уникальность инструмента обеспечения контракта в том, что, будучи гражданско-правовым образованием, направленным на обеспечение частных имущественных интересов субъектов контрактного отношения, он способствует одновременно реализации публичных интересов, связанных с определенными экономическими, стратегическими, социальными и иными отношениями. *Межотраслевое взаимодействие* отражает взаимную динамику гражданско-правовых регуляторов и регуляторов иных отраслей права, последовательно воплощающуюся во всех элементах механизма правового регулирования обеспечения. Так, например, требования к правовому статусу банков устанавливаются специальным правовым комплексом, на который отсылает норма п.1 ст. 45 Закона о КС. В качестве примеров межотраслевого взаимодействия также можно привести случаи, когда правовые последствия неисполнения условия об обеспечении носят не только имущественный характер для поставщика, но и вызывают в действие реализацию процедур по включению нарушителя в реестр недобросовестных поставщиков в соответствии с п. 2 ст. 104 Закона о КС [14], а также применение норм об административной ответственности по ст. 7.32 Кодекса об административных правонарушениях [15].

Межотраслевое расположение и взаимодействие правовых норм различной отраслевой принадлежности, объединённых на основе общности предмета и задач правового регулирования, позволяет сделать вывод о том, что обеспечение исполнения контракта можно понимать как комплексный правовой субинститут в рамках института контрактной системы. Гражданско-правовая составляющая данного субинститута призвана создать базис для применения основных цивилистических категорий, относящихся к обеспечению исполнения обязательств. Публично-правовая составляющая правового субинститута обеспечения образована нормами различных отраслей права (финансового, бюджетного, административного и т.д.) и «отвечает» за осложнение частных имущественных отношений императивными предписаниями, вызванными необходимостью повышения гарантий для субъектов публично-правовой принадлежности.

В качестве ещё одного сущностного признака обеспечения контрактов выступает наличие юридических процедур, регламентирующих организационные отношения субъектов.

По определению Г. Н. Давыдовой, юридические процедуры представляют собой систему последовательно совершаемых действий и возникающих на основе них отношений, направленных на достижение определенного правового результата [16, с. 7]. Законодательство о контрактной системе в части регламентации способов обеспечения контракта предлагает достаточно большой удельный вес процедурных норм, задающих алгоритм механизма обеспечения, что свидетельствует о сужении диспозитивных возможностей субъектов самостоятельно договорным путем определять соответствующие юридические процедуры.

Обеспечение исполнения контракта, в свою очередь, можно понимать в качестве специальной юридической процедуры, имманентно присущей основному контракту и создающей правовые условия для его заключения.

И наконец, при характеристике обеспечения исполнения государственного или муниципального контракта важно отметить его инструментальную сущность.

С. Ю. Филиппова как одна из современных последователей инструментальной концепции права отмечает, что установление способов обеспечения обязательств служит вспомогательным правовым средством, косвенно способствующим достижению правовой цели [17, с. 253]. При этом функция обеспечения как правового средства раскрывается только в том случае, если оно является достаточным и пригодным для достижения цели.

Безусловно, обеспечение исполнения обязательств, в том числе в рамках контрактной системы, носит вспомогательный характер и имеет под собой определенный набор целей, связанных со стимулированием поставщиков, покрытием неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств перед заказчиками. Достижимость целей высвечивает инструментальное значение соответствующих способов обеспечения.

Достаточность и пригодность правового средства в виде обеспечения исполнения контракта, представляется, следует оценивать не только с позиции создания необходимых имущественных гарантий для заказчиков, но и с точки зрения объема субъективных гражданских прав и обязанностей поставщиков, наличия для них экономических и процедурных издержек.

В обеспечительном правоотношении более широким спектром возможностей наделены заказчики. Поставщики, однако, тоже наделены определенными субъективными правами, позволяющими снизить риск имущественных и иных издержек, связанных с заключением контракта и предоставлением обеспечения.

На диспозитивное усмотрение поставщиков оставлено право выбирать один из способов обеспечения исполнения контракта, а также право изменить ранее выбранный способ. При этом комбинирование способов обеспечения обязательств законодательством не предусмотрено, что, на наш взгляд, является упущением. Например, если банк одобрил гарантию на меньшую сумму, то целесо-

образнее поставщику использовать дополнительное покрытие внесением обеспечительного платежа.

С точки зрения направленности на обеспечение частных имущественных и публичных интересов заказчиков по государственным и муниципальным контрактам, закреплённые в законодательстве способы обеспечения являются достаточно эффективными. Так, по справедливому утверждению Л. М. Пахомовой, банковская гарантия как обеспечительный инструмент получила более широкое применение, так как при её получении принципал фактически проходит соответствующую дополнительную проверку со стороны банка-гаранта. Но при этом внесение денежных средств на счёт заказчика происходит значительно быстрее, отсутствует необходимость оплачивать услуги банка за выдачу банковской гарантии, хотя, надо заметить, что не у каждой компании порой имеется на счету достаточно крупная денежная сумма в свободном обороте [18, с. 102, 104].

С формальных позиций применение банковской гарантии сопряжено с необходимостью сбора значительного количества документов, существенной протяжённостью процедур по времени, финансовыми затратами. Кроме того, существует проблема неисполнения банками обязательств.

Получается, что оба способа обеспечения могут создавать дополнительные обременения для поставщиков [19].

Интересно отметить, что по законодательству некоторых европейских стран обеспечение конкурсного (аукционного) предложения может быть предоставлено в виде банковской гарантии, залога ценных бумаг (Чехия) или внесения денежной суммы (Болгария) [20, с. 62]. А по законодательству США нет строгих привязок к срокам предоставления банковской гарантии, и та может быть предоставлена до получения от заказчика извещения о необходимости приступить к исполнению обязательств по контракту [21, с. 200].

Дифференциация правового регулирования применительно к отношению обеспечения обуславливается правовым статусом субъектов, предметом контракта, ценой, сферой реализации. Например, более лояльные условия предоставления обеспечения предусмотрены для субъектов малого предпринимательства; в капиталомких отраслях при соблюдении определённых условий и т.д. В стратегически важных сферах также наблюдается особый преференциальный характер обеспечения, как, в частности, при проведении закупок по государственным оборонным заказам [22, с. 67]. Существуют и механизмы варьирования сумм обеспечения, например, путём применения антидемпинговых мер в соответствии со ст. 37 Закона о КС. Однако, вместе с тем, соответствующие изъятия носят фрагментарный характер, не затрагивая концептуальных основ построения системы обеспечения исполнения контрактов.

Итак, специфика правовой природы обеспечения исполнения обязательств в рамках контрактной системы выражается в множественности его пониманий в виде: правоотношения; правового условия для заключения контракта; юридической конструкции; комплексного межотраслевого субинститута; юридической процедуры или совокупности юридических процедур; правового средства.

Функционально обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов сводится к тому, чтобы, во-первых, создать правовые условия для заключения контрактов; во-вторых, стимулировать поставщиков к надлежащему исполнению контрактов, в-третьих, гарантировать защиту в случае нарушения условий контракта.

Признаками, характеризующими обеспечение исполнения обязательств в рамках контрактной системы, являются:

1) нормативная закреплённость специальных способов обеспечения обязательств, условий и юридических процедур их реализации;

2) межотраслевой характер правовых норм, регулирующих обеспечение исполнения обязательств в рамках государственных и муниципальных контрактов;

3) незначительная степень диспозитивности субъектов правоотношения, связанная с доминированием публично-правового регулирования и соответствующих императивных методов;

4) наличие специальных юридических процедур, определяющих порядок и способы осуществления обеспечения;

5) наличие преференциальных условий для поставщиков в части предоставления обеспечения (в зависимости от их правового статуса и правового статуса заказчиков, сферы контракта, предмета обязательства, экономических факторов и иных юридически значимых обстоятельств).

Новые вызовы современности показали, что в условиях экономических кризисов контрактная система должна быть особенно гибкой, что проявляется, прежде всего, в способности предоставлять льготные условия наиболее экономически незащищенным субъектам отношений. Вышесказанное высвечивает важность усиления частноправовых инструментов воздействия на отношения в сфере обеспечения исполнения контрактов. В качестве направлений усовершенствования законодательства о контрактной системе должны стать дифференциация способов обеспечения обязательств, расширение круга субъектов-поставщиков, использующих преференции при предоставлении обеспечения, упрощение юридических процедур предоставления обеспечения и возможность договорного изменения нормативных требований об обеспечении. Разумеется, соответствующее реформирование требует обязательного межотраслевого согласования гражданского, бюджетного, антикоррупционного, антимонопольного и административного законодательства.

Список источников

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. 461 с.
2. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. 8-е изд., исправ. и доп. 1902. Ч. 2. М.: Статут, 1997. 449 с. (Классика российской цивилистики).
3. Гринь О. Е. Основные подходы к пониманию способов обеспечения исполнения обязательств // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 10. С. 44–51.
4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.
5. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 12.
6. Серкова Ю. А. Понятие юридической конструкции и его методологическое значение в исследовании правовых систем // Юридический мир. 2013. № 7. С. 64–67.
7. О требованиях к банкам, которые вправе выдавать банковские гарантии для обеспечения заявок и исполнения контрактов: Постановление Правительства РФ от 12.04.2018 № 440 (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17. Ст. 2484.
8. Дмитриева И. К. Государственная контрактная система в смешанной экономике : дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 172 с.
9. Андреева Л. В. Теория государственных закупок в науке предпринимательского прав // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 11. С. 73–81.
10. Зарубин А. С. Приёмы и методы гражданско-правового исследования законодательства о контрактной системе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 312–322.
11. Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. Казань, 2009. 501 с.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
13. О государственном оборонном заказе: Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7600.

14. Определение Верховного Суда РФ от 26.08.2020 № 305-ЭС20-10947 по делу № А40-181815/2019 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

16. Давыдова Г. Н. Юридические процедуры в гражданском праве: общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 28 с.

17. Филиппова С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М.: Статут, 2011. 320 с.

18. Пахомова Л. М. Банковская гарантия как способ обеспечения заявок и обеспечения исполнения государственных и муниципальных контрактов в системе контрактных отношений // ARS ADMINISTRANDI. Искусство управления. 2015. № 4. С. 97–110.

19. Морозова А. А. Правовые проблемы обеспечения исполнения обязательств по государственному (муниципальному) контракту // Публичные закупки: проблемы правоприменения: материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции (9 июня 2015 г., МГУ имени М. В. Ломоносова). М.: Юстицинформ, 2015 // СПС «Гарант».

20. Петрова Л. А. Проблемы обеспечения исполнения государственного контракта // Таврический научный обозреватель. 2016. № 12 (17). С. 60–63.

21. Тасалов Ф. А. Контрактная система в сфере государственных закупок России и США: (сравнительно-правовое исследование): монография. М.: Проспект, 2017. 236 с.

22. Михашин А. В. Особенности обеспечения исполнения обязательств по контракту при закупках по государственному оборонному заказу // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 67–77.

References

1. Shershenevich G. F. Textbook of Russian civil law: in 2 volumes. Moscow: Statut Publ., 2005. Vol. 2. 461 p. (In Russ.).

2. Meyer D. I. Russian civil law: in 2 hours, 8th ed., corrected. and additional 1902. Part 2. Moscow: Statut Publ., 1997. 449 p. (Ser: "Classics of Russian civil law"). (In Russ.).

3. Grin O. E. Basic approaches to understanding ways to ensure the fulfillment of obligations. *Bulletin of the O.E. Kutafin University*, 2016, no. 10, pp. 44–51. (In Russ.).

4. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ (as amended on July 31, 2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2013, no. 14, art. 1652. (In Russ.).

5. Review of judicial practice in the application of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 28, 2017). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2017, no. 12. (In Russ.).

6. Serkova Yu. A. The concept of a legal structure and its methodological significance in the study of legal systems. *Yuridicheskii mir*, 2013, no. 7, pp. 64–67. (In Russ.).

7. On the requirements for banks that are entitled to issue bank guarantees to secure applications and fulfill contracts: Decree of the Government of the Russian Federation of April 12, 2018. No. 440 (as amended on July 18, 2019). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2018, no. 17, art. 2484. (In Russ.).

8. Dmitrieva I. K. State contract system in a mixed economy: Cand. Dis. (Econ. Sci.). Moscow, 2003. 172 p. (In Russ.).

9. Andreeva L. V. The theory of public procurement in the science of entrepreneurial rights. *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin*, 2016, no. 11, pp. 73–81. (In Russ.).

10. Zarubin A. S. Techniques and methods of civil law research of the legislation on the contract system. *Bulletin of the Perm University. Legal Sciences*, 2017, iss. 37, pp. 312–322. (In Russ.).

11. Chelyshev M. Yu. The system of intersectoral relations of civil law: civil law research. Dr. Dis (Legal. Sci.). 12.00.03. Kazan, 2009. 501 p. (In Russ.).

12. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, no. 51-FZ (as amended on July 31, 2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.).

13. On the state defense order: Federal Law of December 29, 2012 No. 275-FZ (as amended on July 31, 2020). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 53 (part 1), art. 7600. (In Russ.).

14. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of August 26, 2020, no. 305-ES20-10947 in case No. A40-181815/2019. *ConsultantPlus Legal Reference System*. (In Russ.).

15. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001, no. 195-FZ (as amended on July 31, 2020) (as amended and supplemented, entered into force on August 11, 2020). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 1 (Part 1), art. one. (In Russ.).

16. Davydova G. N. Legal procedures in civil law: general characteristics. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Kazan, 2004. 28 p. (In Russ.).

17. Filippova S. Yu. Private legal means of organizing and achieving legal goals. Moscow: Statut Publ., 2011. 320 p. (In Russ.).

18. Pakhomova L. M. Bank guarantee as a way to secure applications and ensure the execution of state and municipal contracts in the system of contractual relations. *ARS ADMINISTRANDI. Iskusstvo upravleniya*, 2015, no. 4, pp. 97–110. (In Russ.).

19. Morozova A. A. Legal problems of ensuring the fulfillment of obligations under the state (municipal) contract. *Publichnye zakupki: problemy pravoprimereniya: materials of the Third All-Russian scientific and practical conference (June 9, 2015, Lomonosov Moscow State University)*. Moscow: Yustitsinform Publ., 2015. Reference legal system “Garant”. (In Russ.).

20. Petrova L. A. Problems of ensuring the execution of the state contract. *Tavricheskii nauchnyi obozrevatel'*, 2016, no. 12 (17), pp. 60–63. (In Russ.).

21. Tasalov F. A. Contract system in the field of public procurement in Russia and the USA: (comparative legal research): monograph. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 236 p. (In Russ.).

22. Mikhashin A. V. Features of ensuring the fulfillment of obligations under the contract in procurement for the state defense order. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2019, no. 6, pp. 67–77. (In Russ.).

Информация об авторе

А. К. Гайнутдинов – соискатель кафедры гражданского права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, начальник отдела правового обеспечения закупок КФУ РТ, г. Казань, Россия.

Information about the author

Adel K. Gainutdinov – Candidate of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Head of Department of Legal Support of Procurement, Kazan Federal University of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.